
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА»

Кудинов С.И. — доктор психологических наук, профессор, действительный член МАНПО, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН — *главный редактор серии*

Крупнов А.И. — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии филологического факультета РУДН, Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАНПО — *заместитель главного редактора серии*

Новикова И.А. — кандидат психологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой социальной и дифференциальной психологии РУДН, член-корреспондент МАНПО — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Барбот Б. — Ph.D, профессор психологии Пэйс Университета (Нью-Йорк, США)

Бовина И.Б. — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета

Гагарин А.В. — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Григоренко Е.Л. — доктор психологических наук, PhD, профессор Центра исследований нарушений детского развития факультета психологии, отделения эпидемиологии и здравоохранения Йельского университета (Нью-Хейвен, США)

Грошев И.В. — доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор, Институт образования и науки

Деркач А.А. — доктор психологических наук, академик РАО, заведующий кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Джарвин Л. — Ph.D, профессор психологии Парижского колледжа искусств (Париж, Франция)

Рич Г. — Ph.D, профессор психологии Университета Уолден (Джуно, Аляска, США)

Такушьян Г. — PhD, профессор психологии и руководитель программы по организационной психологии Университета Фордхем (Нью-Йорк, США)

Тарноу Ю. — Ph.D, научный сотрудник Авалон Бизнес Систем (Фэйр Лоун, Нью-Джерси, США)

Шейнов В.П. — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES “PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS”

Sergey I. Kudinov — D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor, Head of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*) — *Editor-in-Chief*

Alexander I. Krupnov — D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor, Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*) — *Associate Editor-in-Chief*

Irina A. Novikova — Ph.D. in Psychology (candidate of psychological sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Social and Differential Psychology Chair (*Peoples' Friendship University of Russia*) — *Assistant to the Editor-in-Chief*

Members of editorial board

Baptiste Barbot — Ph.D. in Psychology, Assistant Professor of Department of Psychology (*Pace University, New York, USA*)

Inna B. Bovina — D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor of Department of Clinical and Legal Psychology (*Moscow State University of Psychology and Education*)

Alexander V. Gagarin — D.Sc. in Pedagogics (doctor of pedagogical sciences), Professor, Professor of the Akmeology and Psychology of Processional Activity Department (*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*)

Elena L. Grigorenko — PhD in Psychology, D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Emily Fraser Beede Professor of Developmental Disabilities Child Study Center Department of Psychology Department of Epidemiology and Public Health (*Yale University, New Haven, USA*)

Igor V. Groshev — D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), D.Sc. in Economics (doctor of economic sciences), Professor (*Institute of Education and Science*)

Anatoliy A. Derkach — D.Sc. in Psychology (doctor of psychological sciences), Professor, Head of the Akmeology and Psychology of Processional Activity Department (*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*)

Linda Jarvin — Ph.D. in Psychology, Dean of Paris College of Art (*Paris College of Art, Paris, France*)

Grant J. Rich — Ph.D. in Psychology, Fellow, American Psychological Association (*Juneau, Alaska, USA*)

Harold Takooshian — PhD in Psychology, Professor of Psychology & Urban Studies at Fordham University, and Director of the Fordham Program in Organizational Leadership, Past-President, and Representative to APA Council (*Fordham University, New York, USA*)

Eugen Tarnow — Ph.D. in physics, researcher (*Avalon Business Systems, Inc., Fair Lawn, NJ, USA*)

Viktor P. Sheinov — D.Sc. in Sociology (doctor of sociological sciences), Professor, Professor of the Psychology and Pedagogical mastery Chair (*Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus*)

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

2016, № 2

Серия издается с 2003 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Rich Crant.** Flow and Optimal Experience: Methodological Implications for Internationalizing and Contextualizing a Positive Psychology Concept. Part One 7
- Тюрин К.Г., Степнова Л.А.** Акмеологические способности как средство реализации самопреобразующей деятельности 19
- Гагарин А.В.** Социально-психологические эффекты межвидового взаимодействия в группе «человек — домашнее животное» 27
- Tarnow Eugen.** Indirect Evidence: Mild Alzheimer's Disease & Cannabis Affect the Second Stage of Free Recall Suggesting Localization in Hippocampal CA1 36

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Крупнов А.И., Новикова И.А., Воробьева А.А.** Соотношение системно-функциональной и пятифакторной моделей черт личности: к постановке проблемы 45
- Ершова Р.В., Киямова Р.З.** Чувство юмора и тематические предпочтения шуток в юношеском и зрелом возрасте 57
- Полянская Е.Н.** Сравнительный анализ ценностных ориентаций российских и греческих студентов 66

Пилишвили Т.С., Аль Масри Исмаил. Проактивный копинг как ресурсный потенциал личности в процессе адаптации к новым условиям жизни..... 75

Михеева А.В. Особенности соотношения стрессоустойчивости и тревожности у мужчин и женщин..... 84

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Мансурова С.Е., Доцинский Р.А. Деятельностный подход и формирование профессиональных компетенций учителя-предметника при повышении квалификации 91

Карташова В.Н., Исаев Е.А. Организационно-методические основы поликультурной самоорганизации студентов в условиях дополнительного иноязычного образования..... 99

РЕЦЕНЗИИ

Шилова Т.А. Рецензия на монографию: *Кудинов С.И., Кудинов С.С., Михайлова О.Б., Рушина М.А.* Самореализация личности: теоретико-эмпирические исследования..... 110

НАШИ АВТОРЫ..... 112

© Российский университет дружбы народов, 2016

© Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: Психология и педагогика, 2016

BULLETIN of Russian Peoples' Friendship University

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2016, № 2

Series founded in 2003

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND DISCUSSION PROBLEMS OF MODERN PSYCHOLOGY

- Рич Грант.** Поток и оптимальное переживание: методологическое значение для интернализации и контекстуализации позитивной психологии. Часть 1 7
- Tyurin K.G., Stepnova L.A.** Acmeological Abilities as a Means of Implementing Self-Transforming Activities 19
- Gagarin A.V.** Socio-Psychological Effects of Interspecific Interactions in a Group "Human — Pet" 27
- Тарноу Юджин.** Косвенные доказательства локализации второй ступени свободного воспроизведения из кратковременной памяти в области СА1 гиппокампа 36

ACTUAL PROBLEMS OF PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Krupnov A.I., Novikova I.A., Vorobyeva A.A.** On the Problem of Relation between the System-Functional and the Five-Factor Models of Personality Traits 45
- Ershova R.V., Kiyamova R.Z.** Sence of Humor and Thematic Prefernces in Jokes at Preadult and Mature Age 57
- Polyanskaya E.N.** Comparative Analysis of Value Orientations in Russian and Greek Students 66

Pilishvili T.S., Al Masri Ismaeel. Proactive Coping as a Personal Potential Resource in the Process of Adaptation to New Life Conditions	75
Mikheeva A.V. Ratio Features of Stress Tolerance and Anxiety in Men and Women.....	84

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION

Mansurova S.E., Doshchinskij R.A. Activity Approach and Formation of Professional Competencies in Subject Teachers in the Course of Professional Development Training.....	91
Kartashova V.N., Isaev E.A. Organizational and Methodical Bases of Multicultural Self-Organization of Students in the Additional Foreign Language Education.....	99

REVIEW

Shilova T.A. Review of the monograph <i>Self-Realization: Theoretical and Empirical Research</i> by S.I. Kudinov, S.S. Kudinov, O.B. Mikhailova, M.A. Rushina.....	110
---	-----

OUR AUTHORS	112
--------------------------	-----

© Peoples' Friendship University of Russia, 2016

© Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia.
Series: Psychology and pedagogics, 2016

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

FLOW AND OPTIMAL EXPERIENCE: METHODOLOGICAL IMPLICATIONS FOR INTERNATIONALIZING AND CONTEXTUALIZING A POSITIVE PSYCHOLOGY CONCEPT. PART 1

Grant Rich

Department of Psychology
Ashoka University

Rajiv Gandhi Education City, Kundli, Sonapat, Haryana, India, 131028

This article represents the first part of a two part series of articles focusing upon one core positive psychology concept — the peak experience termed flow developed by psychologist Mihaly Csikszentmihalyi — as a test case for examining some of the issues involved when positive psychology is internationalized and made indigenous. In particular, methodological, measurement, and theoretical issues regarding flow research will be discussed. Quantitative, qualitative and mixed methods approaches to flow, including interviews, surveys, and the experience sampling method among others will be described. Evidence is examined from a range of existing research projects on flow from around the globe, raising questions concerning the positive psychology enterprise, including the value of psychological assessment tools and the debate over cross-cultural universals/comparisons. Rather than viewing qualitative and quantitative approaches (or anthropological and psychological perspectives) as rival factions, this project seeks to develop constructive dialogue that acknowledges both strengths and limitations of each approach to facilitate engagement with the topics of mixed methods and human strengths, subjects often neglected in cross-cultural research. The first part of the article series examines methodological implications of this positive psychology concept, and the second part of the article series focuses upon the cross-cultural implications.

Key words: flow, optimal experience, positive psychology, qualitative and quantitative methods

Positive psychology has resulted in a number of advancements in psychology since its formal launch in the late 1990s. In particular, by emphasizing human strengths and virtues it has offered a welcome corrective to what has been termed as the business as usual or doom and gloom psychology that has been the principle focus of most of the discipline since its nineteenth century origins [36; 47]. Positive psychologists state that they aim for an evidence-based, rigorous methodological approach, and work to avoid a naive

Pollyanna-like view of human nature [46; 48]. Thus, for instance, one suspects positive psychologists would be unlikely to embrace the worldview of the fictional Professor Pangloss in Voltaire's eighteenth century classic work *Candide*, whose philosophy seems to consist of endless statements that "all is for the best in the best of all possible worlds" despite tragedy and destruction present all about him, from natural disasters such as an earthquake and a tsunami to physical disease such as syphilis [49].

At any rate, some of the core researchers associated with positive psychology have conducted relevant research prior to the beginnings of positive psychology, including Ed Diener on happiness and subjective well-being [11], Christopher Peterson on optimism [36], and Mihaly Csikszentmihalyi on flow [4]. This article examines Csikszentmihalyi's flow concept in detail, as an example of a positive psychology concept and methodological approach reflective of the discipline of positive psychology more generally, with several exceptions that will be described later in this article.

Flow may be defined briefly as a "state of optimal experience that people report when they are intensely involved in doing something that is fun to do" [7. P. 381]. This concept is worthy of consideration here for a number of reasons. First, despite the relative youth of positive psychology, it has been extensively researched. For instance, a 2011 online search of the PsycINFO database yielded about 1,230 publications on the topic of flow since 1975 (the search excluded non-related uses of the term flow, such as blood flow, optic flow, and electron flow, but did not include searches of other databases outside of psychology, such as ERIC or MEDLINE) [41]. Second, flow is considered a core positive psychology concept. For example, the second of the five pillars in Seligman's PERMA well-being theory of positive psychology [47] is engagement, a term Seligman, positive psychology's co-founder, writes "is about flow" [47. P. 11].

In the early conceptualizations of flow, Csikszentmihalyi [4] argued it was composed of six components: A merging of action and awareness, a centering of attention, a loss of self-consciousness, the feeling of control, coherent, noncontradictory demands, and an autotelic nature [13]. Later, Csikszentmihalyi's [5] understanding of flow developed, and nine components were included. It is worth describing them here. The example of music and flow will be utilized as this is a domain that has commonly been reported as associated with strong experiences in general [18] and with the flow experience in particular [10; 39; 40]. First, the flow experience involves clear goals every step of the way. In the case of written music, the score offers that plan by describing, among other musical aspects, the pitches, the rhythm, and the tempo to be played. Second, there is immediate feedback to one's actions. For instance, one reason classical music performance is conducive to flow is that the musician quickly receives aural feedback about performance; one hears if that note just played rang true or not, and can incorporate that information into the next performance, or perhaps even correct elements of the current performance. Indeed, recently a professor of piano has written an entire book on utilizing flow to assist piano students with piano practice and performance [35]. Feedback in other human activities is not always immediate; for instance students may wait weeks for dissertation evaluations and professors may wait years for tenure decisions. Third, there is a balance of challenges and skills. A professional concert violinist will likely be bored if asked to play a simple tune such as Twinkle, Twinkle Little Star, as such a performer's skills exceed the challenges of the piece. In contrast, a beginning pianist will likely experience great stress and anxiety

if asked to play a very challenging piece of music, such as some of the fiendishly difficult work by Alcan or Rachmaninoff. Fourth, action and awareness are merged. A musical example of this component may be the deep connection musicians often feel towards their instruments. For instance, recently Crowe [3] has assembled a book's worth of interviews with famous guitarists discussing their first guitars. Often these interviews reveal a musician's deep connection to the instrument, similar perhaps to the close psychological merging an athlete such as a rower may experience when an oar feels like it has become an extension of his or her own body. Notably, Crowe's book is subtitled "Tales of True Love and Lost Chords from Legendary Musicians." Some guitarists have been known to sleep with their guitars at night and to give them a woman's name. Such acts reflect the intensity of the merged relationship between human and machine, a relationship that if broken (such as due to theft or destruction) can be emotionally devastating as well as professionally catastrophic. In some cases, guitarists have emphasized such potent relationships by deliberately "sacrificing" their instrument on stage, for example, by setting their guitar on fire or destroying their guitar by slamming it on the stage, in public displays aimed to demonstrate passion and commitment to art and creativity, as in a famous concert by rock star Jimi Hendrix in the 1960s.

Fifth, distractions are excluded from consciousness. The musician in flow is not concerned with thoughts that center on the temperature of the room, the expensive scents displayed by the wealthy concert goers, or where to go for dinner after the performance. The single-minded focus is on the music. Sixth, there is no worry of failure. Cognitive psychologists [21; 27] have long written on attention, and it is well-known that a person's attention has limits. Thus it makes sense that when a person devotes some attention to worries that less attention is available for the task at hand. If skills and challenges are truly closely matched, as is expected for flow experiences, then if attention is shifted to one's performance or personal anxieties for instance, it is likely that a musician's musical performance and musical capabilities will be diminished. Seventh, self-consciousness disappears. This flow component relates to the fifth and sixth components. Again, if one is truly and fully engaged with an activity, then there is no attention left over for other activities, such as self-consciousness. The musician in flow is not worrying about how cool they may be appearing to the audience, or whether she or he has put on a few extra pounds, or how, if any exist, retirement plans may be performing, or what aches and pains one may be feeling in the body. Eighth, sense of time becomes distorted. This component merits special discussion in the case of music, since in music, timing such as rhythm and tempo are critical dimensions. In the case of flow, what it means when time is distorted is that "outside" time becomes irrelevant and beyond the musician's awareness or concern. For the musician in flow, it does not matter if it is eight o'clock in the evening or eight o'clock in the morning, or if one has been practicing for one hour or many hours. Issues of time in the music itself are indeed a focus of the activity and are keenly experienced in a nuanced manner by the musician in flow. There are countless stories of jazz musicians at all-night jam sessions that began in the early evening and continued until the musicians finally were exhausted, ultimately noticing that light outside indicated the arrival of the next day. Finally, ninth, if the previous eight criteria are mostly met, the activity is described as autotelic, meaning it becomes an end in itself. For most musicians, music is a matter of intrinsic motivation. Few musicians continue to pursue music in the hopes of winning

awards, earning huge amounts of money, or becoming world famous. Yet, music remains pervasive around the globe in nearly every society and culture examined in the present day and through history [1; 30]. The nature of the flow experience in music may offer a partial explanation for why music is such a common, and enduring human activity; simply put, it is fun. It is an end in itself and as the research on flow illustrates, when the flow experience is over, it typically results in a sense of happiness, well-being, and satisfaction that leads people to want to repeat the activity that resulted in flow in the future [5].

Csikszentmihalyi and subsequent researchers have documented the flow experience in a veritable plethora of populations. For instance, Csikszentmihalyi and Csikszentmihalyi [8] document the flow experience in elderly Korean immigrants, during writing, during solitary ordeals, during ocean cruising, among the Jesuits, in talented students, and in families. Other populations that have been studied and that appear to experience flow include yoga practitioners, artists, dancers, surgeons, chess players, and athletes [5].

Flow Lessons: Methods. One reason an examination of the flow research is valuable is that it offers insights into a developing understanding of how to test positive psychology constructs more generally. Positive psychologists have aimed for an empirically based rigorous psychological science and this goal in general has led to the pervasive use of quantitative methods, the dominant method in fact in North American psychology as a whole for much of the twentieth century to the present day.

However there are a number of concerns with the use of quantitative methods that merit discussion here. This critique of positive psychology is not new in fact, and dates close to its formal founding in the late 1990s. For instance, Rich [38] asks “How should psychologists approach the study of optimal experience? Will traditional quantitative methods suffice? Can we understand creativity via ANOVAs, happiness with regression, or the good life through structural equational modeling? Or are there topics that positive psychology cannot comprehend without the use of qualitative methods such as interviews, observations, and intense fieldwork?” [38. P. 9]. This critique of positive psychology’s use of quantitative methods continues to the present day [42]. For instance, in *Psychology’s Ghosts*, Kagan [28] offers an extended critique of positive psychology and psychology in general, with a special focus on the problematic use of self-report measures and the failure to consider the setting and context of psychological research. For example, given the great extent to which positive psychologists rely on self-report questionnaires from convenience samples (often of college sophomores), Kagan finds it troublesome in that such measures are used to develop grand theories of human behavior and to make sweeping conclusions that purport to describe all of humanity. Often such psychological assessments do not take into account the demographics and other important characteristics of the sample (e.g., age, race/ethnicity, culture, gender, social class) when drawing conclusions. For instance, Kagan notes that positive psychology theory tends to view happiness as a universally shared ultimate goal for all. In contrast, Kagan offers numerous examples through history and across the globe of societies and cultures that have or had different primary goals. For example, he lists food, personal security, freedom from authority/political liberty, public education, and universal suffrage, as goals that other places and times have viewed as more centrally important goals than happiness [28. PP. 123–124].

Furthermore, self-reports are subject to numerous biases, from forgetfulness or ignorance on the part of the participants, to unconscious social desirability bias and

deliberate deception. As Kagan notes, should psychologists and other scholars believe in astrology if 98% of research participants report on a survey that they believe it is reliable and accurate? [28. P. xv]. An additional problem with quantitative numeric questionnaires that Kagan notes is that verbal self-reports are not necessarily equivalent across cultures. For example, interpretation of apparently equal subjective well-being scores by different people is difficult, and important cultural nuances may be lost, as when, for instance, Asians tend to be more likely to rate their subjective well-being based on achieving sufficient levels of serenity, social harmony, and quality fulfillment of obligations linked to personal relationships (such as family), whereas many in majority culture North America and Europe rate their subjective well-being based on individual achievement and personal success [28. PP. 79—80]. Two identical questionnaire scores could thus have very different meanings, meanings that are lost to researchers if only such quantitative questionnaire items are utilized.

Perhaps part of psychology's (over)dependence on quantitative methods stems from a certain type of what may be termed physics envy. That is, as a younger discipline, aiming for acceptance and respect from older, more established sciences, perhaps psychologists have felt a need or desire for acceptance by these other academic disciplines and scholars that in part has resulted in inappropriate use of methods more suited for atoms and ants than for states and traits, emotions and motivations, in living human beings. Whatever the reason, psychologists' use of scientific tools and concepts from other disciplines has led to a number of controversies. For example, though Sigmund Freud undoubtedly made significant contributions to the discipline, and his work continues to influence psychology today [14], his use of concepts from thermodynamics to describe the human psyche rarely fails to draw a chuckle from physical scientists. As a more recent controversy, and one solidly in the core of positive psychology, one need look no further than the recent debates over work on the critical positivity ratio as proposed by Frederickson and Losada [17] and published in the leading journal *American Psychologist* and other publications. This positivity ratio draws on the use of differential equations from fluid dynamics (a subdiscipline of physics) and attempts to apply them to the human condition, arguing persons should "aim for a positivity ratio of at least 3 to 1. This means that for every heart wrenching negative emotional experience you endure, you experience at least three heartfelt positive emotional experiences that uplift you" [16. P. 32]. Brown, Sokal, & Friedman [2], also writing in *American Psychologist*, offer a detailed critique of the positive ratio work on methodological grounds, and note that they found "no theoretical or empirical justification for the use of differential equations ... to describe changes in human emotion over time; furthermore, we demonstrate that the purported application of these equations contains numerous fundamental conceptual and mathematical errors. The lack of relevance of these equations and their incorrect application lead us to conclude that Frederickson and Losada's claim to have demonstrated the existence of a critical minimum positivity ration of 2.9013 is entirely unfounded. More generally we urge future researchers to exercise caution in the use of advanced mathematical tools, such as nonlinear dynamics, and in particular to verify that the elementary conditions for their valid applications have been met" [17. P. 801]. Among the many critiques by Brown, Sokal, and Friedman [2] is that Frederickson and Losada did not reveal numerous important details about the business teams and their meetings examined in their research (such as length of meetings

or basic demographics of the eight member teams), and over-generalized from this specific sample (business teams of eight people) to make overly broad conclusions. Though the debate continues in a series of comments published in *American Psychologist* and other publications [44] it is important to note that though it is evident that there are numerous errors in the Frederickson and Losada work, Frederickson has produced much of merit, and certainly is not alone among scholars who have perhaps not always utilized best practices in research design, analysis, and interpretation. One can cite many examples of the problems that result from the overexuberant endorsement of science-like quantification and measurement programs; a few more that are worth remembering are nineteenth and early twentieth century phrenology and the abuses of intelligence testing [22].

Qualitative methods provide an alternative to quantitative methods, and may offer much of value to positive psychology [42–44]. Though psychologists in recent decades have certainly neglected and at times denigrated qualitative methods [38], it is important to recall, as Gergen, Jossellon, and Freeman [20] do, that some of the most influential and enduring work in all of psychology was primarily based upon qualitative research, including key publications by scholars such as Freud, Piaget, Bartlett, Lorenz, Vygotsky, Milgram, and Zimbardo. As Gergen, Jossellon, and Freeman [20] note, qualitative methods can enrich psychology by offering a pluralist orientation to knowledge and to practice, increased cultural understanding, challenging cultural conventions, and directly fostering social justice as in action research. These authors also note that qualitative methods may inspire new theory, assist with minority inclusion, promote interdisciplinary collaborations and may help contribute to psychology's contribution to positive social change.

Recently, there has been an increase in interest and activity in qualitative methods in psychology in general and in positive psychology in particular. For instance, the American Psychological Association's Division of Evaluation, Measurement, & Statistics (Division 5) is being replaced with the new name "Division of Quantitative and Qualitative Methods" and a new APA journal entitled *Qualitative Psychology* has begun publication in the past year. In positive psychology, the recent publication of an edited volume by Marujo and Neto [32] is subtitled "Collective, qualitative, and cultural-sensitive processes in positive psychology," reflecting that methodological emphasis, and recently, plans for a special issue of the *Journal of Positive Psychology* devoted to qualitative methods have been announced, a further indication that such methods- so common in anthropology, sociology, and other social sciences and humanities- may be reentering the mainstream of psychology in North America once again [43].

Flow is an excellent model in many ways for how the use of multiple methods may facilitate positive psychology research. Over the decades, Csikszentmihalyi and colleagues have utilized a broad range of techniques in examining the flow experience, including both quantitative and qualitative methods, as well as mixed methods. As Rich [38] notes "rather than to summarily dismiss one approach in favor of the other... a better approach may be to ask, What is the correct method for this particular research question? and What are the pros and cons of each method?" [38. P. 9].

Some of the earliest work on flow [4] utilized interviews with research participants to inquire about their experiences and perceptions when various activities in which they

were involved were going well. Such qualitative interview data helped define the flow experience, and of course at that time one could not administer a quantitative closed-question survey about flow since researchers would not have known what questions to ask. By allowing participants to describe the experience in their own words, rather than requiring them to check off various fixed category responses, data emerged that led to a research program that has continued for decades and influenced many psychologists and other scholars. Thus, one use of qualitative methods is certainly explorative, as in the initial stages of a research project. Yet the value of qualitative methods go beyond such pioneering efforts. Often qualitative data allow research participants to reveal nuances of experiences that may otherwise have gone undetected if only simple Likert-scale type forms are utilized. For instance, flow has been examined in a number of eminent elder creators, including Grammy, Pulitzer, and Nobel Prize award winners [6]. Given the high level of professional accomplishment of this sample, it is likely that psychology researchers may not begin to know what survey questions to pose and what scales to construct to assess for instance the flow experience during creative moments in physics or biology. Could a non-musician effectively design quantitative survey questions to assess creativity in an eminent musician such as Grammy award winning pianist Oscar Peterson, to name one of the participants in the study? Using semi-structured and open-ended qualitative interviews allowed such creators to express themselves in their own words, revealing insights into their flow experiences that were at times unique or specific to their professions or personal psychologies [10; 39]. An additional reason to utilize qualitative methods in the Csikszentmihalyi study of 91 eminent creators was that many of these busy professionals were reluctant to take the time to fill out questionnaire forms or consent to perhaps more intrusive quantitative measures such as the week-long version of the experience sampling method. Another reason qualitative methods may be of value is that the flow experience may be relatively rare, especially in its strongest forms. For instance, peak experiences relating to transcendent, spiritual concerns may happen only several times in one's life. Thus, it is unlikely that a researcher could reliably and routinely spot deep flow experiences in a laboratory setting, though occasionally some attempts have been made to induce milder flow-like experiences in such experimental settings [33].

Sometimes it is helpful to be able to quantify experiences, and indeed another line of flow research has utilized survey questionnaires extensively. A Flow Questionnaire derived from the early interview data has been developed [8], and psychometric properties have been examined in both long (36 item) and short (9 item) forms of flow scales [25; 26]. Non-English versions of flow scales exist, but again, one must ask what is missed by applying translations of the English version developed in the USA, when it is applied to other nations, cultures, and language groups. Of course, if some nuances are lost in translation, perhaps other valuable data are gained, as in Fournier et al. [15], who argue that studies of the French version of the Flow Scale-2 support the idea of invariance of the flow construct across the English and French languages.

One helpful technique to deepen understanding, especially when working cross-culturally or with diverse samples, would be to combine the use of questionnaires with other methods, especially qualitative ones. As an example, Garcia-Quijano, Poggie, Pitchon and del Pozo [19] have conducted multiyear work in Puerto Rico, exploring connections between quality of life and well-being and coastal resources. Though the

team utilized common quantitative measures of well-being such as the satisfaction for life scale, they tailored the measures to better fit the local context and also integrated qualitative approaches into their project with the small-scale fishers they examined, concluding “without good old fashioned ethnography, we would have missed key elements of what constitutes quality of life/well-being for people in our study’s region and of the relationship between coastal resources use and quality of life/well-being” [19. P. 6]. Another example of how qualitative work may extend quantitative positive psychology work by adding thick description and rich local knowledge is present in Keith and Shalock’s *Cross-cultural Perspectives on Quality of Life* [29], which examines people with developmental disabilities around the globe, utilizing not only quantitative survey questionnaires and positivistic, experimental approaches, but also constructionist methods such as naturalistic, phenomenological, and ethnographic methods, including participant self-reports, which may be viewed as autoethnographic data, which in part serve an empowering function in line with some additional forms of scholarship, such as action research.

Flow research has long integrated both quantitative and qualitative approaches. In fact, the major methodological innovation in flow research has been the development of the Experience Sampling Method (ESM) [5; 24]. This method combines some aspects of qualitative work with some aspects of quantitative work. In the ESM, research participants are given pagers (such as programmable wristwatches, personal digital assistants, or tablet computers) that are pre-programmed to sound an alarm at various times during the day. Typically the pager is programmed to beep about a half dozen or so times per day for one week. At each beep of the pager the participant is to fill out a brief questionnaire, often called the experience sampling form that requests the participant indicate their location, their physical and social environment, and their moods and emotions. Usually most versions of the form offer space for open-ended responses as short answer fill-ins. In some studies Csikszentmihalyi and colleagues have employed mixed-methods, using the ESM in combination with pre and post week qualitative interviews with the participants. This arrangement allows for follow up probing questions to explore responses that had been made during the week on the experience sampling forms and often yields rich data. The ESM has been utilized with a broad range of populations, including adolescents and emerging adults [45], couples in romantic relationships [23], and television viewers [9]. One may envision applying the ESM technique to other topics relevant to positive psychology, such as examinations of hope and optimism, self-regulation and control, persistence and perseverance, and care and compassion, among other strengths and virtues.

Finally, methodologically, it is worth noting that in recent years some work has been conducted utilizing methods from biopsychology [12; 31]. Such work may offer insights into how the flow experience is represented in the brain and despite the complexities may offer yet another helpful approach by illuminating aspects of the flow experience that previously remained unclear or unknown when only interviews, surveys, experience sampling methods and other qualitative and quantitative methods are used. Of course there are a number of challenges and limitations to such neuroscience and biological psychology work. First, as noted earlier it may be difficult indeed to induce a sufficiently intense flow experience in the laboratory to permit its investigation; this reality may be especially true given the need to connect the participant to various types of assessment

equipment, potentially awkward and uncomfortable technological trappings that may preclude or reduce flow. Second, the lab procedure for inducing flow, and the sample utilized may not generalize well to other sets, settings, and participants. For instance, work with video gamers or pianists in the lab may not apply to gamers or musicians at home or on stage. Third, there is a significant risk that the neuroscientific data may be misinterpreted; one imagines the possibility of a sort of “neo-phrenology”, in the sense that a single part of the brain may be described in superficial popular media sound bites as the flow center, and the complexities of phenomenology of the flow experience, as well as factors of situated cognition and individual differences such as may relate to various sociocultural and demographic variables are unjustly neglected. Examples of overly reductionistic neuropsychological approaches to peak, spiritual, religious and mystical experiences are certainly present in the modern research literature [34], and thus caution is urged with both research design and analysis, as well as dissemination of findings. For instance, in Newberg and d’Aquili’s popular “neurotheology” book [34], the authors focus on the cerebral cortex which they describe as the “seat of our human nature” and “where mind and body come together to create our self-image and our view of the world” and as one of the structures “most pertinent to spiritual experience” [34. PP. 18–19], though they acknowledge in the endnotes that “other structures ... may eventually be found to be involved in spiritual experiences, such as the thalamus, the reticular activating system, the septal nucleus, and the cerebellum” [34. P. 186]. Certainly many scholars of religion would argue that such a reductionistic approach may 1) risk misrepresenting neuroscience, in that these same structures also have many other functions as well, and 2) risk informational loss of many of the aspects of religion that make it a central concern of many humans, such as differences in the various belief systems of the various faith traditions; cognitive/moral distinctions in personal meaning, values, and ethics which the neuroscientific approach cannot detect. To offer an example more specific to flow, if scholars argued that flow merely represents dramatic changes in dopamine levels, what types of informational loss or misrepresentation of neuroscience is risked? For instance, dopamine is associated with many other phenomena as well, such as schizophrenia and the pleasures associated with use of some illegal street drugs. Many psychologists would thus argue that there are aspects to the flow experience that would be lost if the experience is analyzed at the level of neurotransmitters and neuroscience alone, rather than at the level of self-reports such as may be available from interviews that tap into the phenomenology of conscious, lived experience.

At any rate, if the psychophysiological data are interpreted with caution, one may find that they add one other helpful dimension to our understanding of flow; just as qualitative and quantitative methods each have strengths and limitations, so to do more biologically-based methods. De Manzano and colleagues [31] found when a flow state was induced in classically trained pianists in a laboratory, a significant relationship was found with flow and heart period, blood pressure, heart rate variability, activity of the zygomatic major muscle (a major facial muscle), and respiratory depth. Dietrich [12] adds that a needed prerequisite to the flow experience is a transient state of hypofrontality in the brain that “enables the temporary suppression of the analytical and meta-consciousness capacities of the explicit system” [12. P. 746]. Analysis at the level of neurotransmitters and brain and body processes offers a level of analysis that offers insights into underlying

mechanisms for the flow experience and helps answer related types of questions, but largely leaves unanswered questions relating to the sociocultural level of analysis (such as how the lived experience of flow may vary cross-culturally), which is the topic of the next section of this article.

In sum, it is clear that flow offers many lessons in how to evaluate and to test positive psychology constructs, as a review of the various scales, instruments, and methods above indicates. The multiple and mixed methods used to examine flow offer many models for assessing other positive traits, interventions, and outcomes, and such techniques, if sensibly utilized, are likely to advance both the science and the practice of positive psychology more generally. In the second article in this two part series, cross-cultural implications of flow for internationalizing and contextualizing positive psychology will be examined.

REFERENCES

- [1] Blacking J. *How musical is man?* Seattle, WA: University of Washington, 1974.
- [2] Brown N.J.L., Sokal A.D., Friedman H.L. The complex dynamics of wishful thinking: The critical positivity ratio. *American Psychologist*, 2013, vol. 68, no 9, pp. 801–813.
- [3] Crowe J. *My first guitar: Tales of true love and lost chords from legendary musicians*. Toronto, Canada: ECW Press, 2012.
- [4] Csikszentmihalyi M. *Beyond boredom and anxiety*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1975.
- [5] Csikszentmihalyi M. *Flow*. New York, NY: Harper Row, 1990.
- [6] Csikszentmihalyi M. *Creativity*. New York, NY: Harper Row, 1996.
- [7] Csikszentmihalyi M., Rich G. Musical improvisation: A systems view. In K. Sawyer (Ed.), *Creativity in performance*. Greenwich, CT: Ablex, 1997, pp. 43–66.
- [8] Csikszentmihalyi M. Flow. In A.E. Kazdin (Ed.), *Encyclopedia of psychology*. Washington, DC: Oxford University Press, 2000, vol. 3, pp. 381–382.
- [9] Csikszentmihalyi M., Csikszentmihalyi, I. (Eds.). *Optimal experience*. New York, NY: Cambridge University Press, 1988.
- [10] Csikszentmihalyi M., Kubey R. *Television and the quality of life*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1990.
- [11] Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, no 95, pp. 542–575.
- [12] Dietrich A. Neurocognitive mechanisms underlying the experience of flow. *Consciousness and Cognition*, 2004, no 13, pp. 746–761.
- [13] Engeser S., Schiepe-Tiska A. Historical lines and an overview of current research on flow. In S. Engeser (Ed.), *Advances in flow research*. New York, NY: Springer, 2012.
- [14] Feist J., Feist G.J. *Theories of personality* (7th ed.). Boston, MA: McGraw Hill, 2009.
- [15] Fournier J., Gaudreau P., Demontond-Behr P., Visioli J., Forest J., Jackson, S. (2007). French translation of the flow state scale-2. *Psychology of Sport and Exercise*, 2007, vol. 8, no 6, pp. 897–916.
- [16] Frederickson B.L. *Positivity*. New York: Three Mile Press, 2009.
- [17] Frederickson B.L., Losada M.F. Positive affect and the complex dynamics of human flourishing. *American Psychologist*, 2005, no 60, pp. 678–686.
- [18] Gabrielsson A. *Strong experiences with music*. New York: Oxford University Press, 2011.
- [19] Garcia-Quijano C.G., Poggie J.L., Pitchon A., del Pozo M. (2012). Investigating coastal resource use, quality of life, and well-being in southeastern Puerto Rico. *Anthropology News*, 2012, vol. 53, no 3, pp. 6–7.
- [20] Gergen K.J., Josselson R., Freeman M. (2015). The promises of qualitative inquiry. *American Psychologist*, 2015, no 70, pp. 1–19.
- [21] Goldstein B. *Cognitive psychology* (4th ed.). Stamford, CT: Cengage, 2014.
- [22] Gould S.J. *The mismeasure of man*. New York, NY: W.W. Norton, 1981.

- [23] Graham J.M. Self-expansion and flow in couples' momentary experiences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, vol. 95, no 3, pp. 679—694.
- [24] Hektner J., Schmidt J., Csikszentmihalyi M. (Eds.). *Experience sampling method*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006.
- [25] Jackson S., Marsh S.A. Flow experience in sport. *Structural Equation Modeling*, 1999, vol. 6, no 4, pp. 343—371.
- [26] Jackson S.A., Martin A.J., Eklund R.C. Long and short measures of flow. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, 2008, vol. 30, no 5, pp. 561—587.
- [27] James W. *Principles of psychology*. Vol. 1. New York, NY: Henry Holt, 1890.
- [28] Kagan J. *Psychology's ghosts*. New Haven, CT: Yale University Press, 2012.
- [29] Keith K., Shalock R.D. (Eds.). *Cross-cultural perspectives on quality of life*. Washington, D.C.: American Association on Mental Retardation, 2000.
- [30] Koen B., Lloyd J., Barz G., Brummer-Smith K. (Eds.). *The Oxford handbook of medical ethnomusicology*. New York, NY: Oxford University Press, 2008.
- [31] De Manzano O., Theorell T., Harmat L., Ullen F. (2010). The psychophysiology of flow during piano playing. *Emotion*, 2010, vol. 10, no 3, pp. 301—311.
- [32] Marujo H. A., Neto L. M. (Eds.). *Positive nations and communities: Collective, qualitative, and cultural-sensitive processes in positive psychology*. New York, NY: Springer, 2014.
- [33] Moller A.C., Meier B.P., Wall R.D. Developing an experimental induction of flow. In B. Bruya (Ed.), *Effortless attention*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010, pp. 191—21).
- [34] Newberg A., d'Aquili E. *Why God won't go away: Brain science and the biology of belief*. New York, NY: Ballantine Books, 2001.
- [35] Parente T.J. *The positive pianist: How flow can bring passion to practice and performance*. New York, NY: Oxford University Press, 2015.
- [36] Peterson C. *A primer in positive psychology*. New York: Oxford University Press, 2006.
- [37] Peterson C., Bossio L.M. *Health and optimism*. New York: Free Press, 1991.
- [38] Rich G. Positive psychology: An introduction. *Journal of Humanistic Psychology*, 2001, vol. 41, no 1, pp. 8—12.
- [39] Rich G. The flow experience in jazz pianists: Positive psychological motivation and cognition. *Indian Journal of Positive Psychology*, 2012, vol. 3, no 4, pp. 340—344.
- [40] Rich G. A cinematic lens on healthy talent development in piano prodigies: Considerations for positive psychology. [Special issue: Positive Psychology]. *Psychology*, 2012, no 3 (12A). doi: 10.4236/psych.2012.312A171
- [41] Rich G. Finding flow: The history and future of a positive psychology concept. In J. Sinnott (Ed.), *Positive psychology: Advances in understanding adult motivation*. New York: Springer, 2014, pp. 43—60.
- [42] Rich G. Positive institutions, communities, and nations: Methods and internationalizing positive psychology concepts. In H. Agueda Marujo & L. Miguel Neto (Eds.), *Positive nations and communities: Collective, qualitative, and cultural-sensitive processes in positive psychology*. New York, NY: Springer, 2014, pp. 17—34.
- [43] Rich G. The promise of qualitative inquiry for positive psychology: Diversifying methods. *Journal of Positive Psychology*. (in press).
- [44] Rich G. Positive psychology and humanistic psychology: Evil twins, sibling rivals, distant cousins or something else? Bridging methods. (in press).
- [45] Schmidt J., Rich, G. Images of work and play. In M. Csikszentmihalyi & B. Schneider (Eds.), *Becoming adult: How teenagers prepare for the world of work*. New York: Basic Books, 2000, pp. 67—94.
- [46] Seligman M.E.P. *Authentic happiness*. New York: Free Press, 2002.
- [47] Seligman M.E.P. *Flourish*. New York: Free Press, 2011.
- [48] Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. (2000). Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, no 1, pp. 5—14.
- [49] Voltaire. *Candide*. New York, NY: Oxford University Press, 1992.

ПОТОК И ОПТИМАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИНТЕРНАЛИЗАЦИИ И КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ. ЧАСТЬ 1

Грант Рич

Факультет психологии
Ашока Университет

Образовательный городок Раджива Ганди, Кундли, Сонепат, Харьяна, Индия, 131028

Данная статья является первой из двух статей, посвященных одному из ключевых понятий позитивной психологии — вершинным переживаниям, называемым «поток», разрабатываемым психологом Михаем Чикесентмихайи — в качестве примера для рассмотрения некоторых вопросов, связанных с интернализацией позитивной психологии. В частности, обсуждаются методологические, психодиагностические и теоретические вопросы исследования состояния потока. Описаны количественные, качественные и смешанные методы изучения состояния потока, включая интервью, анкетирование и кейс-стади. Рассматриваются примеры исследований состояния потока в разных странах мира, поднимающих вопросы относительно качества психодиагностического инструментария, а также кросс кросс-культурных универсалий/различий. Предлагаемый автором подход не сводится к рассмотрению качественных и количественных методов (или антропологических и психологических перспектив) как конкурирующих между собой, он направлен на развитие конструктивного диалога, который признает сильные и слабые стороны каждого подхода, чтобы стимулировать использование смешанных методов исследования сильных сторон человека, чем часто пренебрегают в кросс-культурных исследованиях. В первой статье прежде всего рассматривается методологическое значение позитивной психологии, во второй — ее кросс-культурная значимость.

Ключевые слова: поток, оптимальное переживание, позитивная психология, количественные и качественные методы

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ САМОПРЕОБРАЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К.Г. Тюрин, Л.А. Степнова

Кафедра акмеологии и психологии профессиональной деятельности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье обсуждается проблема акмеологических способностей. Проведенный в статье анализ научной литературы показал, что способы достижения высокого уровня профессионализма за счет создания особой субъективной реальности и творческого саморазвития недостаточно изучены. На наш взгляд, акмеологический подход, предметно изучающий закономерности, алгоритмы, технологии продуктивного использования внутреннего ресурса в развитии профессионала, позволяет концептуально заполнить этот научный вакуум, привлекая и разрабатывая новые понятия. Понятие «акмеологические способности» может стать одним из таких теоретических инструментов. Акмеологические способности определены как субъектные способности к саморазвитию и включают способности самоактуализации, самосовершенствования и самореализации человека в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: акмеологические способности, акмеологическая деятельность, самопреобразующая деятельность, творческие способности, субъект саморазвития

Необходимость разработки проблемы акмеологических способностей обусловлена рядом сложившихся на сегодняшний день противоречий, имеющих как научный, так и прикладной характер.

В научном поле исследований профессионализма осознается, что достижение высоких профессиональных результатов возможно за счет актуализации личностных ресурсов и творческих способностей человека (В.И. Слободчиков, Е.А. Климов, В.А. Бодров, Э.Ф. Зеер).

Так, С.А. Дружилов, используя понятие «индивидуальный ресурс профессионального развития», приходит к пониманию причины недостижения частью специалистов вершин профессионализма (мастерства, «акме»). По его мнению, не бывает «средних» профессионалов, средним может быть только специалист (как носитель нормативно заданных «операционально-функциональных свойств», обеспечивающих более или менее успешное выполнение профессиональных задач). Профессионал как мастер своего дела — это выраженная индивидуальность, которая характеризует становление особой, *субъективной реальности* (по В.И. Слободчикову), олицетворение *творческого саморазвития* личности [5]. По мнению Л.И. Анциферовой, С.А. Дружилова, если профессия перестает ставить человека в ситуации, требующие разрешения противоречий между условиями деятельности и актуальными возможностями человека, то он должен *сам* ставить перед собой задачи, находить новые смыслы для дальнейшего своего профессионального и личностного развития. Именно тогда возникает возможность для саморазвития личности профессионала, которое представляет собой способ постижения и достижения специалистом человечности [6].

Однако способы достижения высокого уровня профессионализма за счет создания особой субъективной реальности и творческого саморазвития недостаточно изучены.

На наш взгляд, акмеологический подход, предметно изучающий закономерности, алгоритмы, технологии продуктивного использования внутреннего ресурса в развитии профессионала, позволяет концептуально заполнить этот научный вакуум, привлекая и разрабатывая новые понятия. Понятие «акмеологические способности» может стать одним из таких теоретических инструментов.

Большинство научных работ по проблеме акмеологических способностей рассматривают акмеологические способности в контексте субъекта деятельности (управленческой, образовательной) [1; 8—10].

Как мы подчеркивали в предыдущих публикациях, развитие акмеологических способностей личности обусловлено включенностью личности в решение профессиональных задач, выходящих за рамки актуальных личностно-профессиональных компетенций [15; 16]. На наш взгляд, в общей структуре способностей человека акмеологические способности надстраиваются над базовыми общими и профессиональными способностями, они являются метаспособностями. Их актуализация и развитие происходит только при наличии специфических внешних и внутренних условий. Внешним условием является индивидуально сложный уровень деятельности, внутренним условием — потребность в саморазвитии и «доводке» необходимых профессиональных компетенций до требуемого уровня реализации деятельности.

Понимание того, что акмеологические способности являются метаспособностями, мы находим в работах ряда авторов. По мнению Л.Н. Добряковой, профессиональные акмеологические способности руководителя в сфере образования формируются как на основе педагогических и специальных способностей, так и на основе развития его индивидуальных устремлений, характерных навыков, условий, в которых ему приходится работать [5].

В работе Л.Н. Добряковой акмеологические способности исследовались в контексте субъектного подхода в качестве важнейших факторов, обуславливающих эффективность акмеологической деятельности руководителя в сфере образования. На наш взгляд, понятие акмеологической деятельности пока не получило детального исследования в акмеологии. Однако, исходя из контекста исследования Л.Н. Добряковой, можно предположить, что деятельность приобретает характер акмеологической при максимальной реализации творческого потенциала в процессе ее реализации.

При этом, на наш взгляд, существуют отличия творческой деятельности от акмеологической. В научной литературе творческая деятельность определяется двояко: как деятельность по созданию культурных ценностей и их интерпретация (Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г.); как форма деятельности человека или коллектива по созданию качественно нового, никогда ранее не существовавшего [17]. Очевидно, что в первом случае речь идет о сфере деятельности, связанной с культурой, искусством, во втором — о специфических когнитивных характеристиках реализации любого вида деятель-

ности, обеспечивающих порождение нового знания, способа действия, нового продукта. Для изучения творческой деятельности используются категории: проблемная ситуация, нестандартная гипотеза, гибкость мышления, критичность, цельность мышления и т.д.

При таком традиционном подходе открытой остается проблема реализации творческой деятельности. Наличие у личности творческих задатков не всегда приводит к их дальнейшему развитию и применению как в учебной, так и в профессиональной деятельности.

Одним из главных вопросов в практике образования является развитие творческой личности [8]. Как сформировать у школьника прочные навыки творческого мышления и как научить специалиста использовать навыки творческого мышления при решении профессиональных задач? Как показывает практика, готовность и способность специалистов в различных сферах деятельности создавать новые продукты является скорее исключением, чем правилом. Причина этого, на наш взгляд, в отсутствии специфического регулятора деятельности на личностном и субъектном уровнях, преобразующего собственно творческую деятельность в акмеологическую. Акмеологическую деятельность характеризует личностная и субъектная готовность человека к использованию навыков творческого мышления.

Акмеологическая деятельность, на наш взгляд, понятие более широкое, чем творчество, понимаемое как собственно мыслительная специфическая деятельность по созданию нового. Как показывает практика, творческие мыслительные навыки, не интегрированные в целостную структуру личности, а затем и субъекта деятельности, не приносят результата в виде создания нового продукта. В акмеологии весьма продуктивным, на наш взгляд, является понятие созидательной деятельности [2; 4; 8] как базового основания акмеологического развития, приобретения компетенций решать нестандартные профессиональные задачи и развития способностей построения индивидуальных путей и программ осознанной рефлексивной саморегуляции созидания продуктивного субъекта образования. Несмотря на то, что концепция созидательной деятельности разрабатывалась в контексте образовательной деятельности, ее положение могут быть применимы в целом для акмеологии профессиональной деятельности [11—14].

Категория «созидание» понимается как авторская преобразовательная деятельность, сопряженная с самосознанием себя как субъекта профессиональной деятельности, самореализацией природных и творческих потенциалов, обеспечиваемая средствами самоорганизации, самообразования, личностно-профессионального самосовершенствования, рефлексивной осознанной саморегуляцией, самоконтролем и самоуправлением в процессе образовательной созидательной деятельности, направленной на достижение результата, эффективности и продуктивности [4].

На наш взгляд, понятия акмеологической и созидательной деятельности являются близкими по своему содержанию и обозначают самопреобразовательный аспект профессиональной деятельности, позволяющий сделать ее более продуктивной за счет использования творческого компонента. В этом контексте

акмеологические способности играют роль средств реализации акмеологической самопреобразующей деятельности.

Такое понимание акмеологической деятельности подтверждается результатами исследования Л.Н. Добряковой. Выделенные ею акмеологические способности имеют два уровня — рефлексивно-перцептивный и проективный и включают следующие способности: фундаментальная профессиональная подготовка; инновационность мышления; умение аккумулировать энергию членов коллектива, наличие в коллективе творческой атмосферы. По мнению автора, именно эти способности позволяют придать управленческой деятельности акмеологический характер и реализовать руководителю свой творческий потенциал [5]. В данном случае речь идет о профессиональных, творческих и управленческих способностях руководителя, которые в интегративном виде обеспечивают высокий уровень реализации управленческой деятельности.

Проанализировав опыт деятельности нескольких профессионалов-управленцев, автор определил, что возрастной период максимального возрастания жизненного потенциала и достижения акмеологического уровня деятельности колеблется в пределах 40—50 лет. Именно этот период сопровождается максимальной реализацией творческого потенциала в профессиональной деятельности.

В работе Н.В. Кузьминой акмеологические способности связаны с личностным критерием развития фундаментального образования и включают в себя способность к творчеству, способность к саморазвитию и творческой самореализации, высокую мотивацию достижений на основе морально-нравственных ценностей [8].

В исследовании О.Н. Зубовой акмеологические способности также изучались в контексте субъектного подхода как важный фактор достижения профессионализма деятельности. В работе этого автора показано, что сущность акмеологических способностей состоит в актуализации мыслительного поискового процесса с целью нахождения способов оптимального решения профессиональных задач и формирования на этой основе устойчивого стремления к профессиональному самосовершенствованию [7].

В структуре акмеологических способностей в профессиональной деятельности выделены следующие компоненты: а) способность к достижению человеком максимально высокой степени профессионального развития, возможного для данного отрезка времени; б) способность предвидеть ситуации неравновесных состояний, точки бифуркации в своем профессиональном развитии; в) способность самому создавать условия (среду) для реализации восходящего вектора своего профессионального развития; г) способность содействовать реализации восходящего вектора развития профессиональной деятельности коллег по совместному труду, сохраняя при этом свой собственный творческий потенциал; д) способность находить принципиально новые способы интенсификации процесса профессионального развития в рамках его восходящего вектора.

Показателями акмеологических способностей являются: а) уровень использования своего творческого потенциала; б) уровень предвидения неравновесных состояний; в) развитость самопрогнозирования; г) уровень владения технологи-

ями позитивного профессионального поведения; д) устойчивость стремления к интенсификации процесса профессионального развития в рамках его восходящего вектора.

Так же, как и в исследовании Л.Н. Добряковой, показано, что акмеологические способности, формируясь на основе творческих способностей, проявляются и развиваются в ходе профессионального развития несколько позднее: творческие способности к своему высшему уровню развития приходят в возрастной группе 36—40 лет, а акмеологические способности достигают этого уровня по сравнению с творческими спустя два условных возрастных интервала, что составляет около десяти лет, то есть примерно к 46—50 годам.

По мнению О.Н. Зубовой, полнота и выраженность компонентов творческих и акмеологических способностей у человека тем устойчивее, чем более скореллированы между собой базовая профессиональная подготовка, профессиональный опыт и содержанию выполняемых им в настоящее время профессиональных функций и задач [7].

Проведенный анализ позволяет нам определить акмеологические способности как собственно *субъектные способности к саморазвитию*, присущие субъекту саморазвития — человеку, который ставит для себя цель и конкретизирует задачи саморазвития в рамках своей профессиональной деятельности. Творческие способности при этом являются необходимым, но недостаточным инструментом для решения индивидуально сложных профессиональных задач. Акмеологические способности состоят в умении человека провести самооценку текущей индивидуально сложной ситуации и адекватно поставить задачу саморазвития в данной ситуации.

Таким образом, акмеологические способности относятся к классу *субъектных способностей к саморазвитию* и включают способности самоактуализации, самосовершенствования и самореализации человека в различных сферах жизнедеятельности. Они являются средствами реализации акмеологической самопреобразующей деятельности, надстраиваются над базовыми общими и профессиональными способностями и являются метаспособностями; их развитие обусловлено включенностью личности в решение профессиональных задач, выходящих за рамки актуальных личностно-профессиональных компетенций.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арндачук И.В. Акмеологическая компетентность личности как фактор психологической готовности к риску // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 2 (14). С. 103—110.
- [2] Деркач А.А., Сайко Э.В. Самореализация — основание акмеологического развития. М: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 224 с.
- [3] Деркач А.А., Гагарин А.В., Степнова Л.А. Акмеология на стыке гуманитарных наук (теория, практика, перспективы развития) // Человек как предмет междисциплинарного гуманитарного познания. Сб. ст. Международной конференции / Отв. ред. Е.В. Федосенко, Л.Ф. Уварова. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. С. 20—27.
- [4] Джига Н.Д. Акме-психология созидания продуктивного субъекта образования / под науч. ред. Н.П. Фетискина. Гродно: ГрГУ, 2015. 431 с.

- [5] *Добрякова Л.Н.* Акмеологическая деятельность в управленческих структурах образования: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 163 с.
- [6] *Дружилов С.А.* Индивидуальные ресурсы и потенциалы личности как необходимые условия становления профессионализма человека // *Современные научные исследования и инновации.* 2011. № 4. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1930> (дата обращения: 20.10.2015).
- [7] *Зубова О.Н.* Соотношение творческих и акмеологических способностей государственных служащих: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2004. 171 с.
- [8] *Кузьмина Н.В.* Акмеологическая теория фундаментального образования. СПб.: Центр стратегических исследований, 2012. 382 с.
- [9] *Макаров С.В.* Акмеологические задачи и задания как средство формирования акмеологической компетентности кадров управления. М., 2002.
- [10] *Максимова В. Н.* Акмеологические критерии фундаментального образования // *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров.* Вып. № 2 (19). 2014. С. 5—11.
- [11] *Степнова Л.А.* Аутопсихологическая компетентность психолога в сфере образования // *Акмеология.* 2003. № 3. С. 53—56.
- [12] *Степнова Л.А., Бруй Ю.В.* Психолого-акмеологическая диагностика профессиональной компетентности кадров управления: Учеб. пособие / под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2010.
- [13] *Степнова Л.А., Качановская Е.В.* Профессиональная деятельность адвоката как предмет психолого-акмеологического исследования // *Акмеология.* 2014. № 1 (49). С. 100—104.
- [14] *Степнова Л.А., Ковалева Т.В.* Акмеологические технологии как средство формирования кадрового резерва на предприятиях газодобывающей отрасли: Учебно-методическое пособие / под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2009. 146 с.
- [15] *Тюрин К.Г.* Акмеологические способности в структуре личности экспертов // *Акмеология.* 2015. № 3. С. 226—227.
- [16] *Тюрин К.Г.* Акмеологические способности в контексте изучения проблемы саморазвития личности профессионала // *Акмеология.* 2016. № 2.
- [17] *Российская педагогическая энциклопедия* / под ред. В.Г. Панова. М: «Большая Энциклопедия», 1993.

ACMEOLOGICAL ABILITIES AS A MEANS OF IMPLEMENTING SELF-TRANSFORMING ACTIVITIES

K.G. Tyurin, L.A. Stepnova

Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity
Russian Academy of National Economy and Public Administration under
the President of Russian Federation
pr. Vernadskogo, 84, Moscow, Russia, 119606

The article discusses the problem of acmeological abilities. The analysis of the scientific literature conducted in the article has shown that the methods of achieving a high level of professionalism by creating specific subjective reality and creative self-development are insufficiently studied. In our opinion, acmeological approach objectively studying the patterns, algorithms, technology, productive use of internal resources in professional development allows conceptually to fill this research void, attracting and developing new concepts. The concept «acmeological abilities» can become one of these

theoretical tools. Acmeological abilities, defined as the subjective capacity for self-development and self-actualization include the ability of self-improvement and self-realization in various spheres of life.

Key words: acmeological abilities, acmeological activity, self-transforming activity, creativity, self-development of the subject

REFERENCES

- [1] Arendachuk I.V. Akmeologicheskaya kompetentnost lichnosti kak faktor psikhologicheskoy gotovnosti k risku [Acmeological Competence of Personality as a Factor of Psychological Readiness to Risk]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2015, vol. 4, no 2 (14), pp. 103—110.
- [2] Derkach A.A., Saiko E.V. *Samorealizatsiya — osnovanie akmeologicheskogo razvitiya*. [Self-realization is the base of acmeological development]. Moscow, MPSI Publ.; Voronezh, MODJeK Publ., 2010. 224 p.
- [3] Derkach A.A., Gagarin A.V., Stepnova L.A. Akmeologiya na styke gumanitarnykh nauk (teoriya, praktika, perspektivy razvitiya) [Acmeology at the crossroads of the humanities (the theory, practice, prospects of development)]. *Chelovek kak predmet mezhdisciplinarnogo gumanitarnogo poznaniya. Sbornik statej Mezhdunarodnoj konferentsii* [Person as an object of interdisciplinary humanities knowledge. Collection of articles of the International Conference]. Sankt-Petersburg, SIC ART Publ., 2015, pp. 20—27.
- [4] Gigha N.D. *Akme-psihologiya sozidaniya produktivnogo subjekta obrazovaniya* [Acme psychology of building productive entity formation]. Grodno, GrGU Publ., 2015. 431 p.
- [5] Dobriakova L.N. *Akmeologicheskaya deyatelnost v upravlencheskikh strukturakh obrazovaniya: diss. ... kand. ped. nauk* [Acmeological activities in the administrative structures of education: Ph.D Thesis]. Sankt-Petersburg, 1999. 163 p.
- [6] Druzhilov S.A. Individualnye resursy i potentsialy lichnosti kak neobkhodimyye usloviya stanovleniya professionalizma cheloveka [Individual resources and potentials of the individual as a necessary condition of professionalism]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation], 2011, no 4. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2011/08/1930> (Accessed 20.10.2015).
- [7] Zubova O.N. *Sootnoshenie tvorcheskikh i akmeologicheskikh sposobnostei gosudarstvennykh sluzhashchikh: diss. ... kand. psikhol. nauk* [Value of creative and acmeological abilities of civil servants: Ph.D Thesis]. Moscow, 2004. 171 p.
- [8] Kuzmina N.V. *Akmeologicheskaya teoriya fundamentalnogo obrazovaniya* [Acmeological theory of fundamental education]. SPb., Tsentr strategicheskikh issledovaniy Publ., 2012. 382 p.
- [9] Makarov S.V. *Akmeologicheskie zadachi i zadaniya kak sredstvo formirovaniya akmeologicheskoi kompetentnosti kadrov upravleniya* [Acmeological objectives and tasks as means of formation of acmeological competence of management personnel]. Moscow, 2002.
- [10] Maksimova V.N. Akmeologicheskie kriterii fundamental'nogo obrazovaniya [Acmeological criteria of fundamental education]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov* [Scientific support of personnel upgrading system], 2014, no 2 (19), pp. 5—11.
- [11] Stepnova L.A. Autopsikhologicheskaya kompetentnost psikhologa v sfere obrazovaniya [Autopsychological competence of the psychologist in education]. *Akmeologiya* [Acmeology], 2003, no 3, pp. 53—56.
- [12] Stepnova L.A., Bruj Ju. V. *Psihologo-akmeologicheskaya diagnostika professional'noy kompetentnosti kadrov upravleniya* [Psycho-acmeological diagnostics of professional competence of management personnel]. Moscow, 2010.
- [13] Stepnova L.A., Kachanovsky E.V. *Professionalnaya deyatelnost' advokata kak predmet psihologo-akmeologicheskogo issledovaniya* [Professional experience of a lawyer as a subject of psycho-acmeological studies]. *Akmeologiya* [Acmeology], 2014, no 1 (49), pp. 100—104.

- [14] Stepnova L.A., Kovalyova T.V. *Akmeologicheskie tehnologii kak sredstvo formirovaniya kadrovogo rezerva na predpriyatiakh gazodobyvayushhej otrasli*. [Acmeological technologies as means of formation of personnel reserve for gas industry enterprises]. Moscow, 2009. 146 p.
- [15] Tyurin K.G. Akmeologicheskie sposobnosti v strukture lichnosti ekspertov [Acmeological capacity in the personality structure of experts]. *Akmeologija [Acmeology]*, 2015, no 3, pp. 226—227.
- [16] Tiurin K.G. Akmeologicheskie sposobnosti v kontekste izucheniya problemy samorazvitiia lichnosti professionala [Acmeological capacity in the context of the study of professional self-development of personality problems]. *Akmeologija [Acmeology]*, 2016, no 2.
- [17] Rossiiskaya pedagogicheskaya entsiklopediia [Russian Pedagogical Encyclopedia]. Moscow, Big Russian Encyclopedia Publ., 1993.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ МЕЖВИДОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГРУППЕ «ЧЕЛОВЕК — ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ»*

А.В. Гагарин

Кафедра акмеологии и психологии профессиональной деятельности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Проспект Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

В статье обсуждаются социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия «человек — домашнее животное». Показано, что данное направление не только актуально и значимо в теоретическом отношении, но и востребовано прикладном плане в самых разных сферах социальной активности и жизнедеятельности человека. Обозначены перспективные сферы исследования социально-психологических эффектов указанного взаимодействия: в семейных и детско-родительских отношениях; в социальном развитии личности под воздействием различных факторов; в развитии средств массовой информации (социальная реклама на телевидении и в печати), художественной литературы и кино; в социально значимом общении в социальных сетях (коммуникация посредством обмена видеороликами и др. информации); в образовании и воспитании. Сформулирован вывод о том, что данная проблематика в целом социально значима, поскольку непосредственный и/или косвенный контакт человека с природными объектами способствует развитию разных сфер его личности (когнитивной, коммуникативной, эстетической, нравственной, эмоциональной, волевой).

Ключевые слова: межвидовое взаимодействие человека и животных, социально-психологическая группа «человек — домашнее животное», психологические эффекты межвидового взаимодействия, социальная этология животных

Одним из важнейших факторов гармонизации взаимоотношений человека и природы, особенно в городских условиях, где проживает большая часть населения планеты, является личностный (субъективный) контакт человека с природными объектами, в частности с животными, содержание которых в домашних условиях издавна используется человеком в целях социально-психологических или, как это принято говорить, «для души», для эмоционального общения, для удовлетворения потребности в привязанности и стремления оказывать заботу, для оптимизации и стимуляции детско-родительских отношений, для воспитания и развития детей в семье.

В научном плане проблема такого (межвидового) общения (коммуникации и интеракции как аспектов социально-психологического взаимодействия) владельцев животных со своими питомцами изучена слабо. Сегодня отсутствуют какие-либо завершённые теоретико-методологические ее «решения», однако уже есть и активно развиваются некоторые теоретико-прикладные модели, разрабатыва-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Психологическое взаимодействие и межвидовая коммуникация человека с домашними животными в условиях городской среды» (№ 13-06-00687).

емы, в частности, на стыке социально-психологических и эколого-психологических исследований. Изучаются при этом те феномены, которые возникают в процессе психологического взаимодействия между человеком и домашним животным в совместной жизнедеятельности особой (межвидовой) группы «человек — домашнее животное» [7—9; 12].

Данные феномены так или иначе проявляются в рамках активности субъектов данной группы, например в ситуационном и/или повседневном поведении. При этом они могут фиксироваться как в индивидуальном сознании человека (не только хозяина животного, но и других людей, включенных непосредственно или опосредовано в активность указанной группы), так и в мышлении конкретного животного, в дальнейшем оказывая влияние на характер и интенсивность групповой активности.

Скорее всего, речь должна идти даже не феноменах, а так называемых социально-психологических эффектах этого взаимодействия [2; 13] — устойчивых, достаточно легко определяемых как экспериментально, так и в реальной повседневной жизни, в «бытовых» и стихийных наблюдениях, из индивидуального опыта исследователей и практиков, закономерностях, отражающих особенности коммуникативных и интерактивных отношений в группе, причем психологическая специфика данных процессов может быть раскрыта в упрощенном, «схематическом» виде [13].

На наш взгляд, в случае с описанием специфики и характера, а также возможных (предполагаемых) параметрах контактного общения (коммуникации, интеракции и перцепции) человека с домашними животными применение термина «социально-психологический эффект» наиболее удачно на данном этапе (и уровне) разработки проблемы, когда ее постановка уже сама по себе может быть воспринята как в определенной степени дискуссионная. Это позволит направить анализ на ту специфику межвидового взаимодействия в группе «человек — домашнее животное», которая может быть не столько сопоставлена даже с содержанием и сутью уже известных в социальной психологии эффектов (бумеранга, новизны, ореола и т.п.), сколько даст возможность наметить комплекс тех особенностей протекания процессов этого взаимодействия, характер, выраженность и направленность которых поможет «диагностировать» сам факт социально-психологического развития указанной группы.

При этом контактное общение (коммуникативное и интерактивное взаимодействие) в группе «человек — домашнее животное» в подавляющем большинстве случаев имеет безусловно положительные стороны для человека. Так, среди позитивных моментов можно отметить влияние домашних животных в качестве «нормализаторов» психологического климата в семье. Ежедневные стрессы городской среды, практически лишенной природной компоненты, могут отчасти компенсироваться наличием «домашнего контактного зоопарка». В данном случае не имеет принципиального значения видовая принадлежность «контактера» с человеком. Такое влияние может иметь и психофизиологический уклон: помогает снять нервное напряжение, улучшить функции сердечно-сосудистой системы, способствует профилактике и даже лечению, например, инфаркта миокарда, инсульта, гипертонии.

Но вернемся к собственно социально-психологической стороне вопроса. Так, собака обеспечивает не что иное, как социальную поддержку своему хозяину. Она способна поддерживать его эмоционально, усиливать чувство самоуважения, тем самым избавляя хозяина от излишней тревожности, беспокойства и даже депрессии. Очевидно, что человек в этом случае социально более активен, эффективен и успешен и речь идет о самых разных сторонах социальной активности.

Что делает возможным формирование именно позитивного характера коммуникации и интеракции в структуре межвидового взаимодействия в системе «человек — домашнее животное», в частности с собаками? И почему именно это животное способно оказывать на человека столь сильное (и мотивирующее в плане социальной активности) воздействие?

Причину следует искать в биологическом контексте социального поведения человека и домашних животных. По мнению современных исследователей, это происходит благодаря общему биологическому смыслу социальных отношений, существующих у псовых хищников и у людей и в силу того факта, что социальная структура может объединять представителей разных биологических видов. Такое межвидовое сообщество превосходит по своему развитию обычный для дикой природы симбиоз, поскольку основой для него становится высший (по К. Лоренцу) тип социальной организации — закрытое индивидуальное сообщество [4].

Необходимо отметить, что эти межвидовые отношения базируются на видовых представлениях: специфика «разделения труда» в стае псовых определяет собой и систему отношений ответственности, связывающих собаку и ее хозяина или хозяев. Стереотипы межвидового «коллективного» поведения, совместные с человеком, обеспечивают возможность использования собаки в полезной деятельности, а также во многом обуславливают характер отношений собаки с хозяином. Соответственно, и критерии поведения отражают не только собственные (эгоистические) интересы субъекта, но и эффективные взаимодействия внутри сообщества, а также выбор форм индивидуального поведения в зависимости от интересов сообщества в целом [3].

В последнее десятилетие в связи с развитием новых систем коммуникаций наблюдаются и сугубо специфические (социально-психологические) эффекты, которые стали формироваться не только в непосредственном взаимодействии человека и животных, но и в опосредованном, косвенном, которое выполняет не менее, а возможно и более важные (социально значимые) функции, масштаб действия которых выходит далеко за пределы конкретной социально-психологической группы на уровень учреждения, района, города, государства.

В этой связи интересно рассмотреть влияние «животного компонента» в социальных роликах и рекламе на общество и личность [10]: собака как «представитель торговой марки», собака как «маркетолог», собака как «потребитель»... Действительно, даже если животное появляется в ролике на несколько секунд, оно вызывает положительную реакцию и запоминается. Животное из рекламы настолько «западает в душу», что вызывает познавательную потребность (например, человек начинает искать информацию о породе), а далее у него возникает и желание держать его дома. Но ведь это есть и первые шаги к тому самому «контактному» взаимодействию.

Очевидно, что это своего рода эффект, который «заражает», мотивирует человека (как разумного субъекта деятельности) на создание и социально-психологическое развитие будущей межвидовой группы «человек — домашнее животное».

Обратимся к социальной рекламе, демонстрирующей «полные» семьи. Она, как правило, включает в качестве неотъемлемого (психологического) атрибута четвероногого «члена семьи». Тем самым формируется представление об «идеальном» составе семьи не только у детей (как наиболее подверженной влиянию телевизионного эфира группы), но и у взрослых, представление о животных как непрменных участниках полноценной и комфортной семейной жизни. Реальным эффектом, который возникает уже при непосредственном общении членов семьи с домашними животными, чаще всего отмечаемым ими самими, является «сплочение всей семьи». А нередко домашние питомцы привлекаются для создания внутрисемейных «коалиций», служат средством воздействия одних членов семьи на других, служа своеобразным «громоотводом» для отрицательных эмоций.

Социальная реклама обладает важной стратегической задачей, суть которой кроется в смене поведенческой модели социума, причем не только к предмету рекламы, но и в создании совершенно новых и непростых ценностей. Объектом такого типа рекламы считается «социальный продукт». Он может быть представлен в осязаемом и неосязаемом виде. К таким продуктам чаще всего относят идеи, отношения, а также ценности. Все они должны повлиять на изменение в сознании и поведении общества и личности [11].

Можно привести много примеров социальной рекламы, в которой используются собаки-актеры. Например, минутный ролик в защиту бездомных собак с титром «Они для вас страница в жизни, а вы для них — целая жизнь», где показана история, в которой женщина отвозит старую собаку на машине за город и оставляет ее там на произвол судьбы. Или ролик, собравший более 6 миллионов просмотров во всем мире от аргентинского фонда трансплантации. Ролик призывает стать донорами органов по завещанию. По сюжету у собаки умирает хозяин. Пес ждет хозяина у дверей больницы, но его все нет. Позже из клиники выезжает на инвалидной коляске женщина, в которой пес признает своего нового владельца.

Средствами телевидения и кино не только формируются «мода» на разные породы домашних животных, но и интерес к диким животным, находящимся на грани исчезновения, которым средства массовой информации «дарят» шанс на восстановление численности популяции. С известной долей условности можно назвать «домашними» таких животных, как большая или красная панда, но сохранение этих животных в природной среде имеет широкий общественный резонанс, объединяя для решения проблемы сохранения видов большое количество людей во всем мире.

Нельзя не сказать об интернет-сообществах, которые формируются на основе притягательности образов того или иного домашнего питомца, обмена фото- и видеоматериалами, посвященными домашним питомцам. Так, устоявшимся интернет-явлением стали «котоматрицы»: фотоизображения домашних кошек с забавными или поучительными подписями. Данные подборки фотографий пользуются популярностью не только среди любителей кошек, но и среди других интернет-пользователей, даже не имеющих домашних питомцев.

Особой популярностью в Интернете пользуются социальные сети любителей и владельцев домашних животных, например, Petonik.com, lai-mik.ru, raws.pro и многие другие. Такие сети позволяют не только обмениваться фото и роликами питомцев, налаживать контакты между заводчиками, но организовывать совместный досуг с домашними любимцами. Объединение по признаку общих интересов приводит к распространению и возрастанию социальной роли сообществ любителей и спасателей животных, которые помогают устроить в семьи беспородных и бездомных питомцев.

Можно наблюдать и другие объединяющие психологически людей эффекты, связанные с животными.

Вспомним недавний случай, когда в августе 2015 г. принадлежащую слепой аспирантке МГУ им. М.В. Ломоносова собаку породы лабрадор по кличке Диана украли у метро «Профсоюзная». Друзья Юлии Дьяковой, владельца животного, написали об этом в блогах и социальных сетях. В течение недели волонтеры активно искали собаку-поводыря. В Интернете появились фотографии предполагаемой похитительницы. Очевидцы сообщали, что эта женщина с собакой села на Павелецком вокзале на электричку, следующую в Домодедово. История не оставила равнодушными очень многих. Даже глава Следственного комитета Александр Бастрыкин лично обещал помощь в поисках. Благодаря всем неравнодушным животное вскоре было найдено и возвращено хозяйке.

Домашние животные часто наравне с членами семьи (если не чаще) становятся объектами видеосъемки. При этом повсеместное распространение любительских видеозаписей реальных случаев межвидового взаимодействия человека с домашними животными, в свою очередь, дает возможность исследователям фиксировать необычное («социальное») и сложное адаптивное поведение домашних животных, особенности которого ждут своего объяснения как со стороны зоопсихологов и этологов, так и социальных психологов. При этом речь не только о «социальных» проявлениях в поведении домашних животных, но и о нехарактерных изменениях, которые происходят в плане психического развития, например у собак.

С целью изучения содержания многочисленных сюжетов, связанных с «социальным» эффектом взаимодействия человека и животных мы создали тематическую страницу в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/esoanthropology/>), где начали фиксировать найденные и подходящие по тематике видеоролики, а в дальнейшем и давать определенные комментарии к ним в формате уточнения, объяснения, а также информации к размышлению, постепенно расширив функции данного ресурса до учебно-информационного портала для студентов-психологов.

В процессе просмотра и осмысления многочисленных сюжетов мы обнаружили, что в некоторых видеороликах достоверно зафиксированы, например, нехарактерные для собак проявления перцептивных особенностей психики в поведении. Так, некоторые свидетельствуют о том, что домашние собаки узнают себя и своего хозяина в зеркале.

В одной из публикаций на указанной странице хозяева домашнего питомца породы джек рассел терьер по кличке Диана, которой исполнилось в октябре 2015 г.

13 лет, зафиксировали именно такой случай. Диана не только видит себя в зеркале, но и узнает своих хозяев. С чем связано проявление именно у Дианы признаков абстрагирования и перцепции, характерной для разумных существ, сказать сложно, можно только предполагать. Интересно, что эта собака реагирует на руку хозяина в отражении, которая «тянется» к ее собственному отражению, и когда собака видит «критическое» приближение руки в отражении к ее телу, она реагирует, оборачиваясь и игриво огрызаясь. Из последнего можно заключить, что собака не воспринимает руку как какую-либо опасность, она реально абстрагирует данный объект как руку своего хозяина, не опасный предмет, вступая в игру, спровоцированную хозяином.

Наблюдая за поведением собаки Дианы, которая видит зеркальное отражение, можно заметить, что она сравнивает объекты («отражение хозяина» и «реальный хозяин»). Собака смотрит в зеркало, анализируя, как следует предположить, и выражение лица, и позы, и движения человека в зеркале, после чего оборачивается и смотрит на реальный (не зеркальный) объект. Очевидно, что собака отражает этот объект как идентичный зеркальному, являющийся прямым «продолжением» «зеркальной действительности», или, возможно, отражением этой действительности.

В качестве объяснения такому «продвинутому» социальному поведению сами хозяева склоняются к мысли о том, что на протяжении совместной с человеком жизни их питомец был неоднократно поставлен перед необходимостью жить то с одним, то с другим хозяином, то совместно. Возможно, такие ситуации (вынужденного выбора того или иного стиля поведения с разными хозяевами) и послужили дополнительным стимулом для формирования усложненных форм адаптивного поведения («социального» — в плане необходимости общения с разными людьми, но от которых собака находится в жизненной зависимости).

Зоопсихолог Н.Н. Мешкова дает некоторые объяснения описанному эффекту (и/или феномену) в своей работе «Собаки и городской транспорт», правда, на примере бездомных собак. По мнению исследователя, есть все основания говорить, что «происходит постепенное увеличение адаптационных возможностей собак, обитающих в современном городе на свободе, подобно тому как это установлено для диких животных, также приспособившихся к обитанию в урбанизированной среде... и чем более сложны и разнообразны эти связи, тем более развита психика животных...» [6].

Можно предположить, что в случае с лабрадором Дианой речь может идти и о высоком уровне не только адаптивных, но и интеллектуальных возможностей собаки, о ее необычайной сообразительности, а также о большом опыте (13 лет) контактного межвидового общения (коммуникативного и интерактивного взаимодействия) в группе «человек — домашнее животное» с «выходом» на более высокий его уровень. Речь о своеобразном «социальном симбиозе», который складывается и существует долгие годы между человеком и домашним животным [5], когда возникает психическая и психологическая общность, которая объединяет их в единого, совокупного субъекта совместной психической активности по отношению друг к другу. Такое межвидовое взаимодействие человека и домашнего животного происходит в рамках семьи как в малой группе, и, по мнению исследователей, строится не иначе как в соответствии с моделями, принятыми в социальной психологии [7—9].

Наконец, следует сказать о специально организованных образовательных эффектах межвидового взаимодействия обучающихся и домашних животных. С одной стороны, психолого-педагогические аспекты общения с животными в дошкольных учреждениях, в школе, внешкольных организациях изучены достаточно хорошо. С другой стороны, есть и такие моменты, которые еще предстоит осмыслить в теории и воплотить в соответствующих технологиях. Так, на наш взгляд, для эффективного образовательного процесса важна не только организация непосредственного взаимодействия обучающихся с животными (это сложно, а зачастую, например, в высшем учебном заведении невозможно), но и взаимодействия косвенного, опосредованного, с выходом на сторону «эффектную». Важно так или иначе актуализировать проблему такого взаимодействия, включая обучающихся в самые разные виды познавательной активности, в том числе и косвенно связанной с этой проблемой, акцентируя внимание на ее социально-личностной значимости. Все это может способствовать развитию познавательной мотивации обучающихся и активизировать их на соответствующую учебную деятельность.

Таким образом, исследование социально-психологических эффектов межвидового взаимодействия «человек — домашнее животное» есть направление не только перспективное в теоретическом плане, но оно практически значимое и востребованное в самых разных сферах индивидуальной и групповой социальной активности и жизнедеятельности человека, так как социально-психологическая сторона как непосредственного, так и косвенного контакта его с природными объектами, несомненно, оказывает существенное влияние и в целом способствует социализации на основе развития разных сфер личности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] 10 примеров гнусной рекламы с собаками или наша петиция ко всем креативным маркетологам. URL: <http://www.dogtales.ru/?p=9420> (дата обращения 22.11.2015).
- [2] Базаркина И.Н., Донцов Д.А., Донцова М.В., Сокурченко М.Б. Социально-психологические эффекты общения, влияние их на взаимодействие и применение их в обучении. URL: <http://novainfo.ru/archive/16/effekt-obshtcheniya> (дата обращения 23.11.2015).
- [3] Криволапчук Н.Д. Прикладная психология домашней собаки. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. URL: http://samlib.ru/g/gorbunkow_s_s/acad_sequestered.shtml (дата обращения 20.11.2015).
- [4] Лоренц К. Человек находит друга. М.: РИМИС, 2013. 496 с.
- [5] Маслова Н.В. Компенсаторные психические комплексы. URL: <http://econet.ru/articles/66074-kompensatornye-psichicheskie-kompleksy> (дата обращения 20.11.2015).
- [6] Мешкова Н. Собаки и городской транспорт. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4330/> (дата обращения 22.11.2015).
- [7] Никольская А.В. Социальные аспекты взаимодействия человека с домашними питомцами как копинг-стратегии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 1(13). С. 79—83.
- [8] Никольская А.В. Экопсихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными. URL: <http://www.twirpx.com/file/685570/> (дата обращения 09.03.2015).
- [9] Панов В.И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13—28.

- [10] Собака в рекламе. URL: <http://dogbook.ru/dogs/sobaka-v-reklame> (дата обращения 22.11.2015).
- [11] Социальная реклама. URL: <http://www.markint.ru/socialnaya-reklama/> (дата обращения 23.11.2015).
- [12] Шукова Г.В. Социально-психологические аспекты межвидового взаимодействия человека и домашних животных // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 1(13). С. 83–86.
- [13] Эффекты социально-психологические // Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/yefekty-socialno-psihologicheskie> (дата обращения 23.11.2015).
- [14] Collis G.M., McNicholas J., Morley I.E. Can pet-person «attachment» explain the beneficial effects of owning pets? // Int. Congress on Applied Ethology. Berlin, 1993.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF INTERSPECIFIC INTERACTIONS IN A GROUP “HUMAN — PET”

A.V. Gagarin

Department of Acmeology and Psychology of Professional Activity
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
pr. Vernadskogo, 84, Moscow, Russia, 119606

The article reveals the features of interspecific interaction “Human — Pet” in aspects of psychology and behaviorism. This direction is shown to be promising in the theoretical and applied aspects. This is significant for the study of individual social activity and human life, as well as social groups. The article identifies the promising areas of the research of such interaction: in the development of family and child-parent relations; in the asocial individual development under the influence of various factors (social and personal); in various directions of media development (social advertising on television and in print), in fiction and film; in socially-significant communicating in social networks (communication through video sharing, etc.). It is shown that this perspective is important for research in education and upbringing. We have come to the conclusion that the problems are of social significance because the direct and/or indirect human contact with natural objects contributes to the development of different spheres of his/her personality (cognitive, communicative, aesthetic, ethical, emotional, volitional).

Key words: interspecies interaction between human and animals, social socio-psychological group “Human — Pet”, behavioural and psychological effects of interspecific interactions, social behavior of animals

REFERENCES

- [1] *10 primerov gnusnoj reklamy s sobakami ili nasha peticija ko vsem kreativnym marketologam* [10 examples of nefarious advertising with dogs or our petition to all creative marketers]. Available at: <http://www.dogtales.ru/?p=9420> (accessed 22 November 2015).
- [2] Bazarkina I.N., Dontsov D.A., Dontsova M.V., Sokurenko M.B. *Socialno-psihologicheskie efekty obshhenija, vlijanie ih na vzaimodejstvie i primenenie ih v obuchenii* [Socio-psychological effects of communication, the impact of their interactions and their application in teaching]. Available at: <http://novainfo.ru/archive/16/effekt-obshcheniya> (accessed 22 November 2015).

- [3] Krivolapchuk N.D. *Prikladnaja psihologija domashnej sobaki*. Uchebnoe posobie. [Applied psychology of the domestic dog. Tutorial]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2008. Available at: http://samlib.ru/g/gorbunkow_s_s/acad_sequestered.shtml (accessed 22 November 2015).
- [4] Lorenc K. *Chelovek nahodit druga* [Man finds a friend]. Moscow, RIMIS Publ., 2013. 496 p.
- [5] Maslova N.V. *Kompensatornye psihicheskie komplekсы* [Compensatory mental complexes]. Available at: <http://econet.ru/articles/66074-kompensatornye-psihicheskie-komplekсы> (accessed 22 November 2015).
- [6] Meshkova N. *Sobaki i gorodskoj transport* [Dogs and urban transport]. Available at: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4330/> (accessed 22 November 2015).
- [7] Nikolskaya A.V. Sotsialnye aspekty vzaimodeystviya cheloveka s domashnimi pitomtsami kak koping-strategii [Social aspects of human interaction with pets as a coping strategy]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2015, vol. 4, no. 1(13), pp. 79—83.
- [8] Nikolskaya A.V. *Ekopsihologicheskaja model mezhvidovogo vzaimodeystviya cheloveka s domashnimi zhivotnymi* [Ecopsychological model of interspecific interaction of a person with pets. Available at: <http://www.twirpx.com/file/685570/> (accessed 22 November 2015).
- [9] Panov V.I. Ekopsihologicheskie vzaimodeystviya: vidy i tipologija [Ecopsychological interaction: types and typology]. *Socialnaja psihologija i obshhestvo* [Social Psychology and the society], 2013, no. 3, pp. 13—28.
- [10] *Sobaka v reklame* [The dog in advertisements]. Available at: <http://dogbook.ru/dogs/sobaka-v-reklame> (accessed 22 November 2015).
- [11] *Socialnaja reklama* [Social advertising]. Available at: <http://www.markint.ru/socialnaya-reklama/> (accessed 22 November 2015).
- [12] Shukova G.V. Socialno-psihologicheskie aspekty mezhvidovogo vzaimodeystviya cheloveka i domashnih zhivotnyh [Socio-psychological aspects of interspecific interaction between humans and domestic animals]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2015, vol. 4, no. 1(13), pp. 83—86.
- [13] Effekty socialno-psihologicheskie [Socio-psychological effects]. In Kondratev M.Ju., Ilyin V.A. *Azbuka socialnogo psihologa-praktika* [ABC of social psychologist-practice]. Moscow, PER SJe Publ., 2007. 464 p. Available at: <http://vocabulary.ru/dictionary/894/word/yefekty-socialno-psihologicheskie> (accessed 23 November 2015).
- [14] Collis G.M., McNicholas J., Morley I.E. Can pet-person «attachment» explain the beneficial effects of owning pets? *Proceeding of Int. Congress on Applied Ethology*. Berlin, 1993.

INDIRECT EVIDENCE: MILD ALZHEIMER'S DISEASE & CANNABIS AFFECT THE SECOND STAGE OF FREE RECALL SUGGESTING LOCALIZATION IN HIPPOCAMPAL CA1

Eugen Tarnow

Avalon Business Systems
18-11 Radburn Road, Fair Lawn, NJ 07410, USA

Recently it was shown explicitly that free recall consists of two stages: the first few recalls empty working memory and a second stage, a reactivation stage, concludes the recall ([20]; for a review of the theoretical prediction see [15]). Here it is shown that the serial position curve changes in mild Alzheimer's disease (AD) and acute cannabis usage — lowered total recall and lessened primacy — are similar to second stage recall and different from working memory recall.

Since cannabis and AD affect the second stage of free recall, the intersection of the two localizes the second stage of free recall to the CA1 area of the hippocampus. Since the second stage of recall uses a retrieval process that is accompanied by a linear rise in the error rate [18] this error generating mechanism should give clues to the structure of the corresponding neural network.

Key words: Mild Alzheimer's disease, marijuana, cannabis, free recall, working memory, short term memory

Introduction. Free recall, in which items in a list are displayed or read to subjects who are then asked to retrieve the items, is one of the simplest ways to probe short term memory. It is used in neuropsychological batteries to test for the presence of Alzheimer's disease, for example, MMSE, ADAS-Cog, FREES, CVLT, DWR, etc (for a review see [7]). The corresponding serial position curve, the probability of recalling an item versus the order in which the item was presented, is u-shaped: items in the beginning of the presented list (primacy) and at the end of the list (recency) are more likely to be recalled than those in the middle of the list.

It was recently shown explicitly that free recall is a well defined two stage process ([20]; this had been suggested before, for a review see [15]). In the first stage working memory is emptied and in the second stage a different retrieval process occurs. Working memory is responsible for recency (and some primacy for short lists) and the second stage recall shows some primacy but no recency. In this paper I use a narrow definition of working memory: the memory that keeps a number of items fully activated.

Let me summarize the relevant results from [20]: In Fig. 1a (Fig. 1b) is shown the sequential serial position curves, one for each recall, of recalls 1-8 from the 10 word (40 word) free recall experiments of [14]. These curves show direct evidence for a two stage process. By definition the first recall comes from working memory, and from the similarity of the 2nd and 3rd recalls these also come from working memory. The last three recalls all appear the same and come from a second stage. Recalls 4 and 5 are a combination of the two. In each recall is plotted a best linear fit which expresses the balance between recency (positive slope) and primacy (negative slope). As we see the slopes go from primacy for the emptying of working memory to recency for the second stage. Working memory can

be seen as responsible for recency (consistent with previous work, see [11; 21]); primacy comes from the secondary process though working memory adds the first items in the shorter 10-2 list; together they create a u-shaped serial position curve.

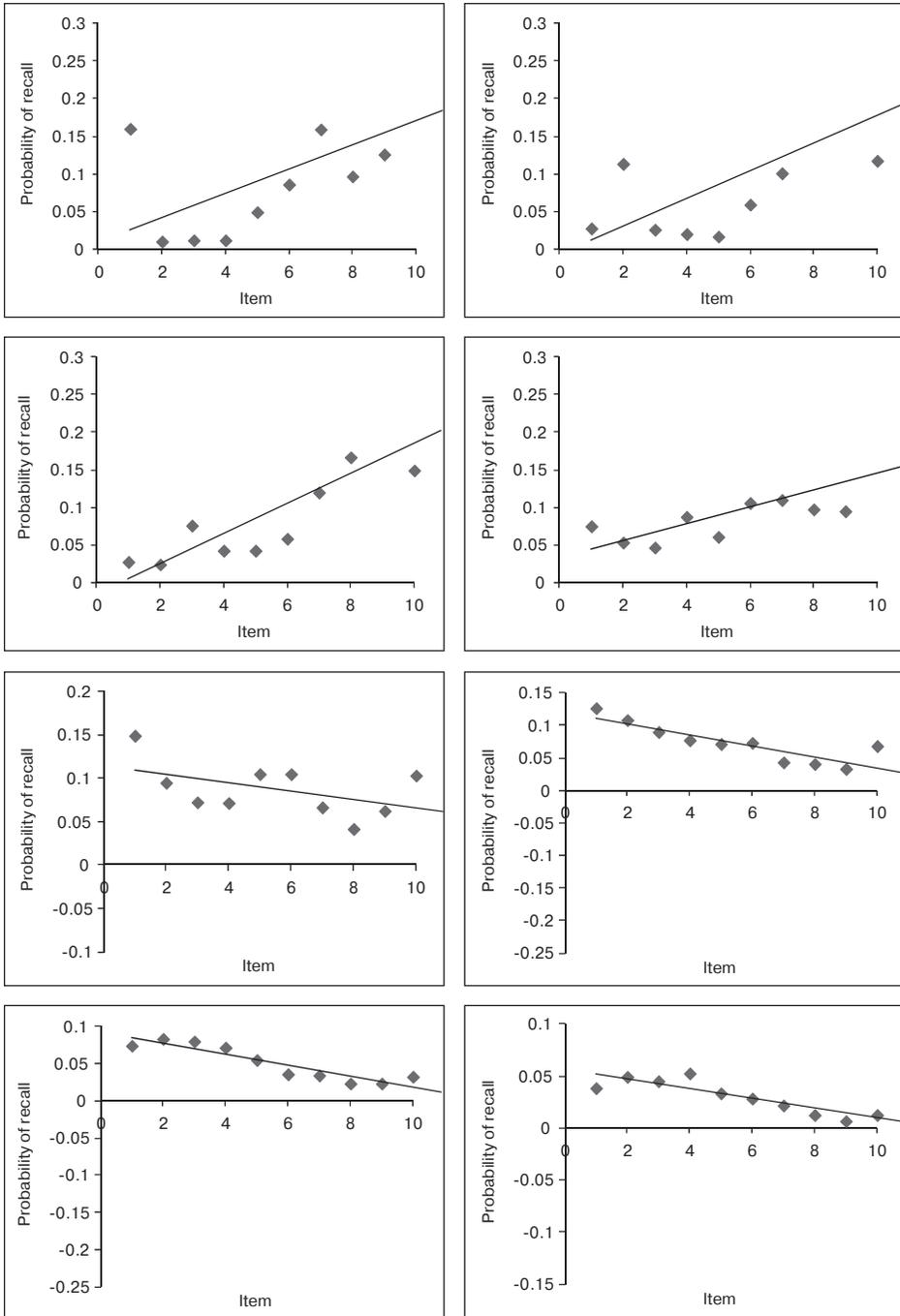

Fig. 1a. Recalls 1-4 (top panel) and 5-8 (bottom panel) for the 10 word list in the dataset [14].

The first three recalls are from working memory, last three recalls from second stage recall, and the 4th and 5th recalls are from a combination of working memory and second stage recall.

Figure is taken from [20]

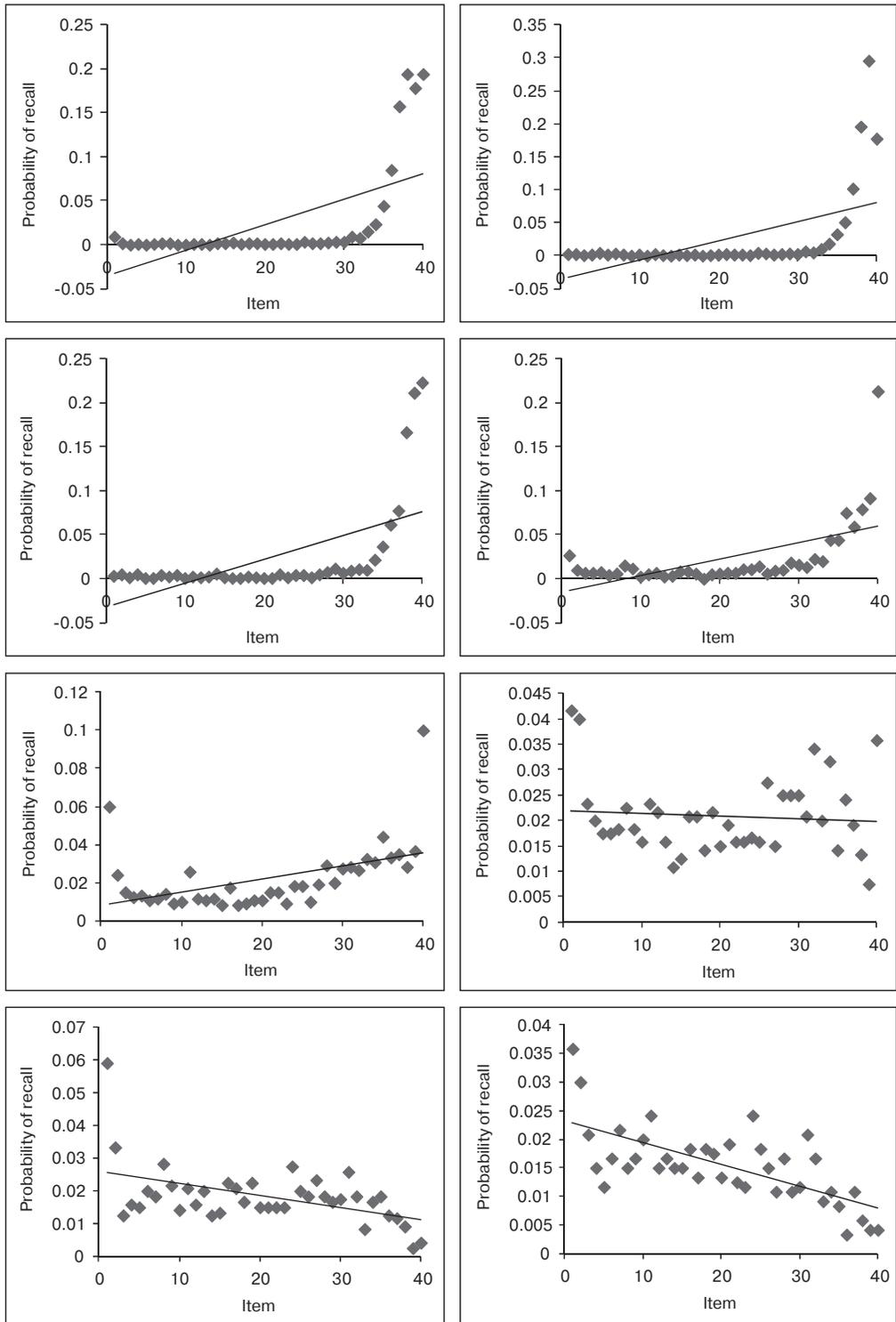

Fig. 1b. Recalls 1-4 (top panel) and 5-8 (bottom panel) for the 40 word list in the dataset of [14].

The first three recalls are from working memory, last three recalls from second stage recall, and the 4th and 5th recalls are from a combination of working memory and second stage recall.

Figure is taken from [20]

The slopes as a function of recall are plotted in Fig. 2. The curve is a smoothed step function, which separates the emptying of working memory from the second stage recall. The midpoint of the step function indicates the capacity of working memory and is 4 for the 10 word list and 4.5 for the 40 word list.

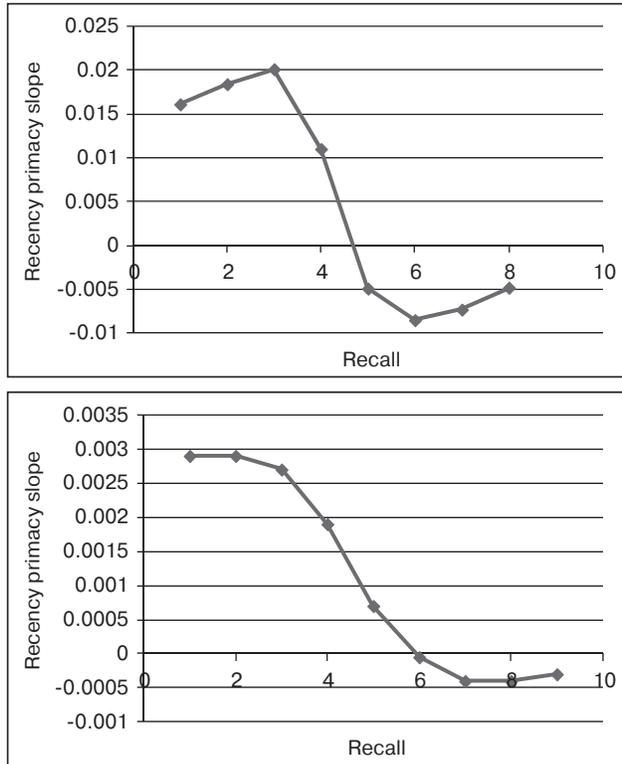

Fig. 2. The slope of a linear fit to the serial position curves for the 10 word list (upper panel) and the 40 word list (lower panel) data. Positive slope indicates recency, negative slope indicates primacy. Note the similarity to a step function. The middle of the step function is a little higher than 4, corresponding to the capacity of working memory. Figure is taken from [20]

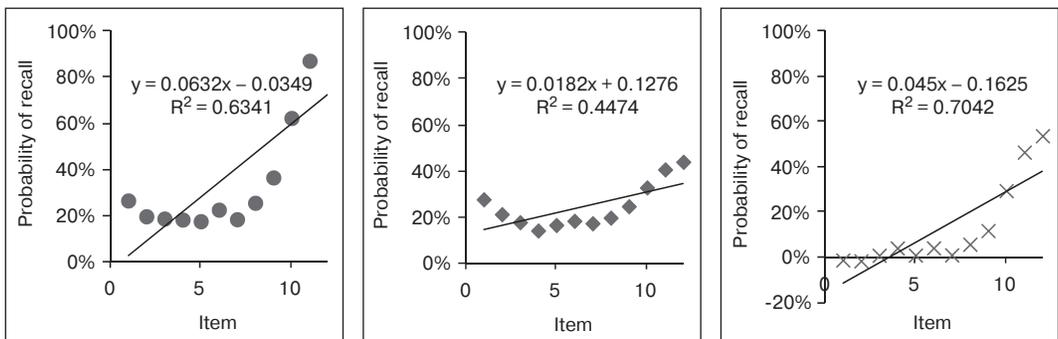

Fig. 3. Serial position curves for immediate free recall (left panel), for delayed free recall (middle panel) and the change in the serial position curves between immediate and delayed free recall (right panel). The total recall difference between immediate and delayed conditions is 1.6 words, much smaller than the working memory capacity indicating an enhanced second stage recall. Figure is taken from [19]

Let me summarize a relevant finding from [19]: If, after the presentation of the word lists, the subjects are distracted by a delay before the free recall begins, this delay almost completely removes the working memory component and somewhat enhances the second stage recall (this had been suggested before [12]). This is shown in Figs. 3 and 4 using word recall data from [13]. Note that the difference in serial position curves looks like the letter “J” indicating that the working memory component is missing.

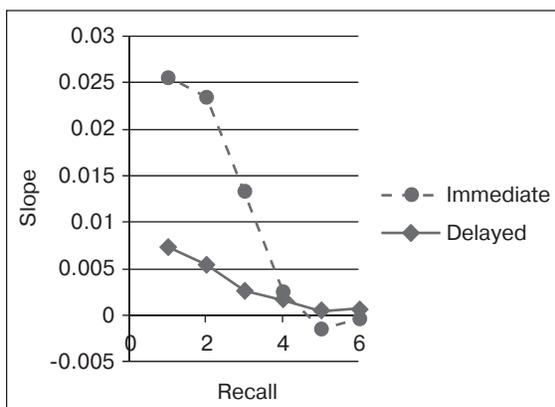

Fig. 4. Slope of linear fit as a function of recall. Note the similarity of the immediate curve to the rounded step function in Figure 2. This characteristic is absent from the delayed curve. This figure is taken from [19]

To summarize: recall from working memory has a large positive slope and looks like the letter “J” while recall from the second stage has a small negative slope and is more similar to a line. If working memory disappears, the difference in the serial position curves looks like a “J” and if the second stage recall disappears, the difference in the serial position curves will look like a line with a negative slope.

Now let us examine the changes to the serial position curves in mild Alzheimer’s disease (AD) and acute cannabis usage.

Results & Discussion. Mild Alzheimer’s disease changes the serial position curve so that primacy disappears but recency remains the same [3; 6]).

The changes to the serial position curve are linear with a negative slope, indicating that the second stage of free recall is affected the most.

In Fig. 5 is shown the difference in serial position curves between normal and Alzheimer’s disease subjects calculated from [6] for a 10 word list. It can be fitted with a line of negative slope and, accordingly, shows that memory from the second stage of recall is missing. In Fig. 6, left panel, is shown the difference in serial position curves between normal and very mild Alzheimer’s disease subjects from [3]. This can be fitted with a line with a negative slope and also indicates that memory is missing from the second stage of recall.

In Fig. 6, right panel, is shown the difference in serial position curves between very mild and mild Alzheimer’s disease from [3]. This is not well fitted with a line with a negative slope but seems to indicate more of a constant shift. Since the slope is not strongly positive nor looks like a “J”, most of the loss presumably still comes from the second stage of recall with a minor component of working memory included.

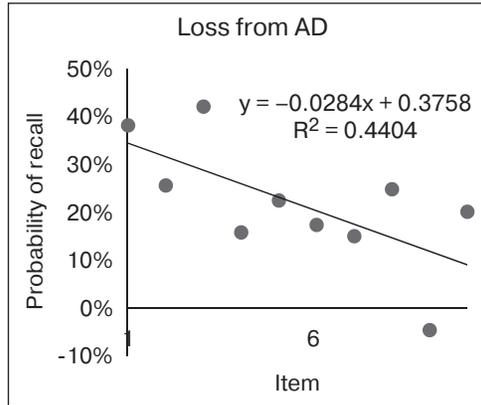

Fig. 5. Change in serial position curve between normal and Alzheimer’s disease group in [6]. The negative slope implies that the second stage of recall is affected

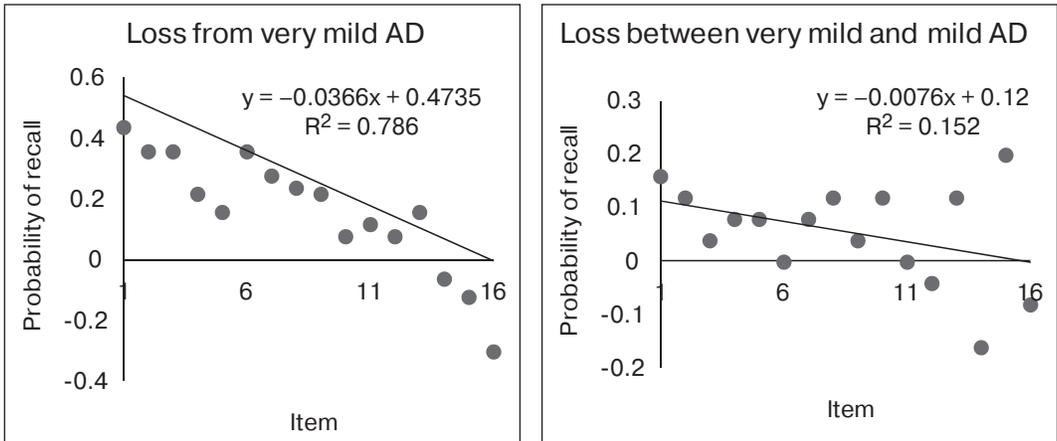

Fig. 6. Change in serial position curve from normal to very mild AD (left panel) and from very mild to mild AD (right panel) using data from [3]. The former shows a line with a negative slope implying that the second stage of recall is affected. The latter shows a line with more spread which presumably implies that the second stage of recall is affected with some losses also occurring in working memory

This finding, that mild Alzheimer’s disease damages the second stage of free recall, is consistent with the fact that the delayed free recall test in the MMSE is much more sensitive than the immediate free recall test in which the same items are used [1-2]. Since [19] showed that delayed free recall removes the working memory component of free recall, the delayed test specifically tests the second stage of recall. In addition, since [20] showed that the working memory component takes up the first 3-4.5 items of free recall, the MMSE immediate free recall test only probes the working memory component which, initially, is not damaged by Alzheimer’s disease, consistent with [1].

Acute effects of cannabis were reviewed [10; 16]. The effects on free recall occur when the learning of the list takes place while the subject is intoxicated. Typically, the effects on the serial position curve were thought to include depressed recall probabilities for all items but the last. An actual plot of the difference of the free recall data in [8] reveals a

linear dependency with a negative slope (see Fig. 7). This indicates that the loss comes from the second stage of recall.

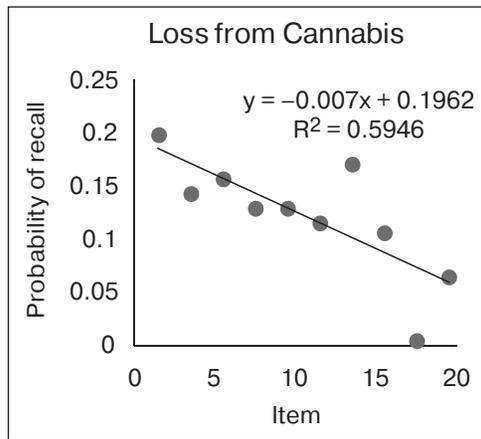

Fig. 7. Change in serial position curve from acute cannabis usage using data from [8]

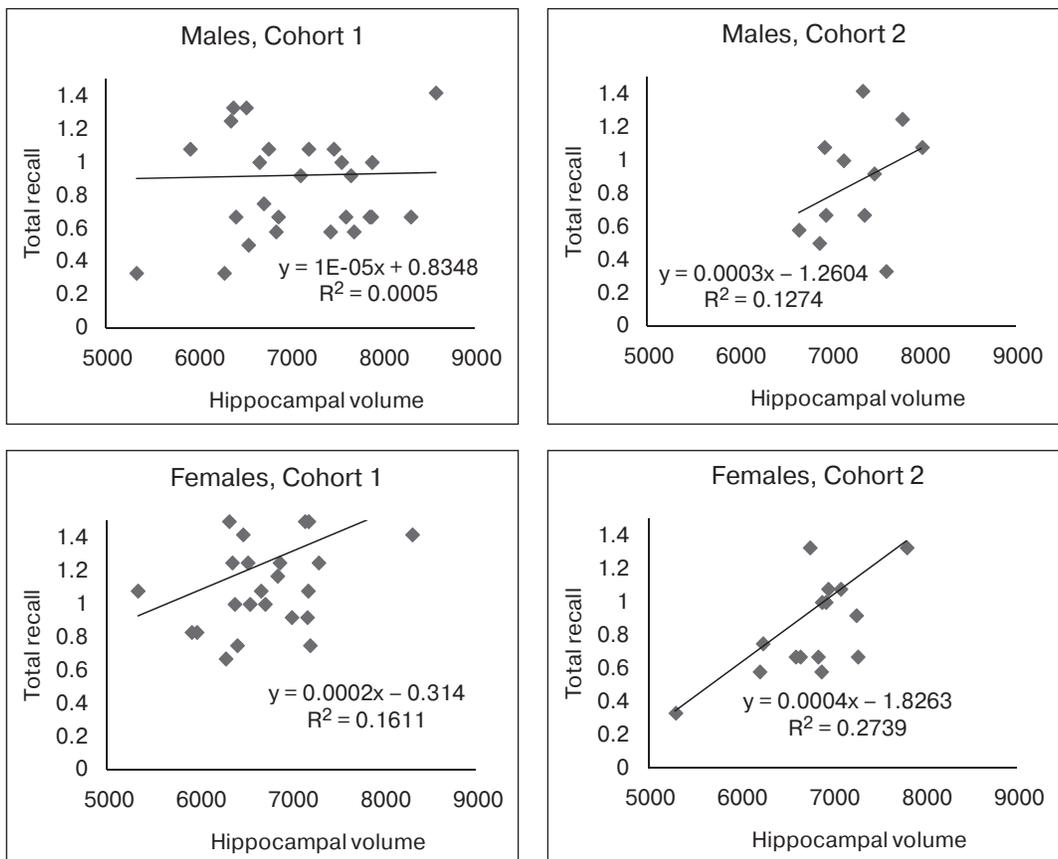

Fig. 8. Delayed total free recall as a function of hippocampal volume using data from [5]. Cohorts 1 and 2 were differently recruited subjects. The volume displayed is the hippocampal grey matter volume in mm^3

The two stages of free recall must have loci in two different structures of the brain since only the second stage is affected by acute cannabis use and by mild AD. The second stage of recall presumably exists at the intersection of locations affected by cannabis and AD. There are two known cannabinoid receptors, CB1 and CB2, and CB1 is particularly highly concentrated in the dentate gyrus, CA1 and CA3 regions of the hippocampus [17]. AD cognitive deficits are thought to originate in the hippocampal region where the CA1 subfield is damaged first [4], thus pointing to hippocampal CA1 as the location of the second stage of free recall. There is a weak positive relationship between hippocampal volume and delayed total free recall in normal subjects (Fig. 8, data from [5]) and a strong positive correlation in subjects with Alzheimer's disease for both immediate and delayed free recall but no such correlation for the parahippocampal gyrus or the temporal neocortex [9].

A testable prediction of this placement would be whether the CA1 area of hippocampus supports a retrieval mechanism that creates errors proportional to the time spent retrieving items [18], this is different from the long term retrieval mechanism which does not include such a rise in the error rate.

REFERENCES

- [1] Ashford J.W., Kolm P., Colliver J.A., Bekian C., Hsu L.N. Alzheimer patient evaluation and the mini-mental state: item characteristic curve analysis. *Journal of Gerontology*, 1989, vol. 44, no 5, pp. 139–146.
- [2] Ashford J.W., Shan M., Butler S., Rajesekar A., Schmitt F. Temporal quantification of Alzheimer's disease severity: Time index model. *Dementia and Geriatric Cognitive Disorders*, 1995, vol. 6, no 5, pp. 269–280.
- [3] Bayley P.J., Salmon D.P., Bondi M.W., Bui B.K., Olichney J., Delis D.C., Thomas R.G., Thal L.J. Comparison of the serial position effect in very mild Alzheimer's disease, mild Alzheimer's disease, and amnesia associated with electroconvulsive therapy. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 2000, no 6, pp. 290–298.
- [4] Braak H., Braak E. Staging of Alzheimer's disease-related neurofibrillary changes. *Neurobiology of aging*, 1995, vol. 16, no 3, pp. 271–278.
- [5] Bruno D., Grothe M.J., Nierenberg J., Zetterberg H., Blennow K., Teipel S.J., Pomara N. A study on the specificity of the association between hippocampal volume and delayed primacy performance in cognitively intact elderly individuals. *Neuropsychologia*, 2015, no 69, pp. 1–8.
- [6] Buschke H. *Memory tests using item-specific weighted memory measurements; and uses thereof*. US Patent 6306086. 1999.
- [7] Cullen B., O'Neill B., Evans J.J., Coen R.F., Lawlor B.A. A review of screening tests for cognitive impairment. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*, 2007, vol. 78, no 8, pp.790-799.
- [8] Darley C.F., Tinklenberg J.R., Hollister T.E., Atkinson R.C. Marijuana and Retrieval from Short-Term Memory. *Psychopharmacologia (Berl.)*, 1973, no 29, pp. 231–238.
- [9] De Toledo-Morrell L., Dickerson B., Sullivan M.P., Spanovic C., Wilson R., Bennett D.A. Hemispheric differences in hippocampal volume predict verbal and spatial memory performance in patients with Alzheimer's disease. *Hippocampus*, 2000, vol. 10, no 2, pp. 136–142.
- [10] Ferraro D.P. Acute effects of marijuana on human memory and cognition. *NIDA Res. Monogr.*, 1980, no 31, pp. 98–119.
- [11] Glanzer M. Short-term memory. In Puff R. (Ed.) *Handbook of Research Methods in Human Memory and Cognition*. New York, Academic Press, 1982, pp. 63–98.
- [12] Glanzer M., Cunitz A.R. Two storage mechanisms in free recall. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, 1966, vol. 5, no 4, pp. 351–360.

- [13] Howard M.W., Kahana M.J. Contextual Variability and Serial Position Effects in Free Recall. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition*, 1999, vol. 25, no 4, pp. 923–94.
- [14] Murdock B.B., Jr. The serial position effect of free recall. *Journal of experimental psychology*, 1962, vol. 64, no 5, pp. 482.
- [15] Murdock B.B. *Human memory: Theory and data*. Lawrence Erlbaum, 1974.
- [16] Ranganathan M., D'souza D.C. The acute effects of cannabinoids on memory in humans: a review. *Psychopharmacology*, 2006, vol. 188, no 4, pp. 425–444.
- [17] Sullivan J.M. Cellular and molecular mechanisms underlying learning and memory impairments produced by cannabinoids. *Learning & Memory*, 2000, vol. 7, no 3, pp. 132–139.
- [18] Tarnow E. Free Recall Retrieval Process Creates Errors in Short Term Memory but Not in Long Term Memory. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, Series: Psychology and Pedagogy*, 2015, no 2, pp. 54–66.
- [19] Tarnow E. Direct Evidence Delay with A Task Decreases Working Memory Content in Free Recall. Submitted for publication, 2015.
- [20] Tarnow E. First direct evidence of two stages in free recall. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia, Series: Psychology and Pedagogy*, 2015, no 4, pp. 15–26.
- [21] Watkins M.J. Concept and measurement of primary memory. *Psychological Bulletin*, 1974, vol. 81, no 10, pp. 695–711.

КОСВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЛОКАЛИЗАЦИИ ВТОРОЙ СТУПЕНИ СВОБОДНОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗ КРАТКОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ В ОБЛАСТИ СА1 ГИППОКАМПА

Юджин Тарноу

Авалон Бизнес Систем

18-11 Рэдбэрн Роад, Фэйр Лоун, Нью Джерси 07410, США

В предыдущих исследованиях [15; 20] было обосновано и показано, что воспроизведение информации из кратковременной памяти включает две ступени: первые единицы воспроизводятся из «опустошающейся» оперативной памяти, вторая ступень воспроизведения имеет характер реактивации. В данной статье показано, что последовательные изменения кривой воспроизведения информации при умеренной болезни Альцгеймера (БА) и значительном употреблении марихуаны — снижение общего количества воспроизведений и уменьшение эффекта первичности — похожи на характер воспроизведения информации на второй ступени и отличаются от воспроизведения из рабочей памяти. Так как употребление марихуаны и БА влияют на вторую ступень свободного воспроизведения, предположительно, эта стадия воспроизведения связана с областью СА1 гиппокампа. Поскольку на втором этапе воспроизведения используется процесс извлечения информации, который сопровождается линейным ростом частоты ошибок [18], этот механизм генерирования ошибки должен помочь понять структуру соответствующей нейронной сети.

Ключевые слова: умеренная болезнь Альцгеймера, марихуана, конопля, свободное воспроизведение из кратковременной памяти, рабочая память, кратковременная память

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

СООТНОШЕНИЕ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И ПЯТИФАКТОРНОЙ МОДЕЛЕЙ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А.И. Крупнов, И.А. Новикова, А.А. Воробьева

Кафедра социальной и дифференциальной психологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье сравниваются некоторые аспекты изучения проблемы личности и индивидуальности в отечественной и зарубежной (прежде всего американской) психологии. Представлена специфика понимания феноменологии личности в современном учебнике Американской психологической ассоциации. Кратко рассмотрена сущность пятифакторной модели «Большая пятерка» как одного из доминирующих подходов к исследованию индивидуальности в зарубежной психологии и системно-функционального подхода к анализу свойств личности, воплощающего многие традиции отечественной психологии. Описаны и проанализированы основные результаты сравнительного исследования любознательности и настойчивости как системно-функциональных свойств личности и индивидуально-личностных факторов «Большой пятерки» (нейротизм, экстраверсия, открытость опыту, согласие, добросовестность). В исследовании приняли участие 207 российских студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика». Для диагностики индивидуально-личностных факторов использовался пятифакторный личностный опросник «Big Five» в модификации С.Д. Бирюкова и М.В. Бодунова, для диагностики любознательности и настойчивости — бланковые тесты А.И. Крупнова. С использованием рангового корреляционного анализа и факторного анализа было выявлено, что существуют достаточно устойчивые соотношения между настойчивостью как волевым свойством личности в рамках системно-функционального подхода и *добросовестностью* пятифакторной модели, а также любознательностью как познавательным свойством и *открытостью опыту*, при этом настойчивость более тесно связана с факторами модели «Большая пятерка», чем любознательность. *Экстраверсия* и *нейротизм* как индивидуально-личностные факторы характеризуют меру активности личности при реализации ее свойств и трудности в их реализации соответственно.

Ключевые слова: системно-функциональный подход, пятифакторная модель «Большая пятерка», личность, индивидуальность, личностные черты, индивидуально-личностные факторы

Проблема личности в настоящее время является, с одной стороны, одной из центральных, а с другой — одной из самых дискуссионных в психологической науке. Неоднозначную трактовку имеет как само понятие «личность», так и вопросы, связанные с ее детерминантами, особенностями развития, структуры, диагностики, соотношения с другими психологическими понятиями и т.п. Еще большая неоднозначность проявляется при сопоставлении трактовок данного феномена в отечественной и зарубежной психологии. Так, в отечественной психологии существует традиция разведения понятий «личность», «индивид», «индивидуальность» и рассмотрения соотношений между ними, хотя это, в свою очередь, также является предметом дискуссий. Тем не менее большинство отечественных психологов вслед за Б.Г. Ананьевым [1] относят особенности нервной системы, физиологических, психофизиологических реакций, задатки, темперамент к так называемым *индивидным свойствам человека* и разграничивают их с собственно личностными особенностями, которые имеют прежде всего социальную обусловленность [12]. Используемое в зарубежной психологии понятие “personality”, которое чаще всего переводится на русский язык как «личность», адекватнее всего соответствует понятию «индивидуальность» [3]. В связи с этим в зарубежных теориях личности, а точнее, индивидуальности могут рядоположенно рассматриваться собственно личностные, индивидуальные и индивидные особенности человека. Более того, в отечественной психологии принято разводить и понятия «личность», «характер» и «темперамент», что в меньшей степени характерно для зарубежных концепций.

В 2015 году был опубликован 4-й том учебника Американской психологической ассоциации по психологии личности и социальной психологии под названием “Personality processes and individual differences” [15]. В предисловии редакторы отмечают, что «психология личности (индивидуальности)» как научная область очень активно развивается в течение последних 25 лет, причем даже больше «вне» психологии, чем «внутри» нее». Скорее всего, это замечание отражает специфику развития американской психологии, в которой долгое время преобладали бихевиористские (необихевиористские) и когнитивистские подходы, практически не рассматривавшие личность как таковую.

Том включает 30 глав, структурированных в семь разделов, в которых рассмотрены следующие проблемы:

- происхождение и развитие индивидуальности (эволюционные, генетические, нейробиологические основы индивидуальности; проблемы ее развития и жизненного цикла);
- индивидуально-личностные процессы (эмоциональные, когнитивные, мотивационные, динамические, саморегуляционные);
- индивидуальные различия (особенности индивидуальных и «интерперсональных» черт, поведенческих и интеллектуальных аспектов индивидуальности);
- личность в целом (целостный подход к личности в соотношении с ее рассмотрением по отдельным переменным, жизненная история и самосознание личности);
- личность в контексте (проблемы взаимодействия личности и ситуации; личность как когнитивно-аффективная система; индивидуальность в соотношении с гендером, порядком рождения, культурой);

— индивидуальность и адаптация (соотношения индивидуальности с субъективным благополучием, психическими расстройствами, успехом в карьере, физическим здоровьем);

— перспективы исследований личности и индивидуальности.

Безусловно, материалы, представленные в учебнике, представляют большой интерес и содержат результаты современных исследований в соответствующей области. Однако у отечественного читателя могут возникнуть вопросы относительно структурирования и иерархии глав и разделов, отражающие разночтения в трактовке понятий «личность», «индивид», «индивидуальность», о которых говорилось выше.

На наш взгляд, особого внимания заслуживают 11-я глава о чертах индивидуальности [18] и 13-я глава о подходах к структуре индивидуальности (помещенная в середину третьего раздела об индивидуальных различиях), в которой рассматриваются два основных вопроса: о «единицах» индивидуальности и способах их соотношения или организации [19]. В этой главе подробно представлены сущность и ограничения пятифакторной модели «Большая пятерка». Еще в 1999 г. А. Фернхем и П. Хейвен отмечали, что подход к исследованию личности с точки зрения составляющих ее черт, является одним из самых распространенных в американской психологии [13]. Традиция рассмотрения личностных черт (диспозиций) была заложена Г. Оллпортом и в дальнейшем получила свое развитие в так называемых «факторных теориях личности» Г. Айзенка, Р. Кеттела и др. [14]. В настоящее время наибольшую известность получила пятифакторная модель «Большая пятерка» в варианте П. Косты и Р. Макрея [16; 17], которая считается одним из наиболее подробных и подкрепленных эмпирическими данными исследований в зарубежной психологии личности [9; 13]. О популярности данной модели свидетельствуют результаты поискового запроса в базах данных Американской психологической ассоциации. По запросу “Big Five personality model”, сделанному в апреле 2016 г., в базе PsycINFO нашлось 2269 результатов, PsycARTICLES — 347 результатов, PsycBOOKS — 23 результата, причем количество публикаций во всех случаях имеет тенденцию к увеличению за последние несколько лет.

Модель «Большая пятерка» предполагает, что индивидуальность можно описать через сочетание выраженности пяти основных факторов: *нейротизм (Neurotism, N)*, *экстраверсия (Extraversion, E)*, *открытость опыту (Openness, O)*, *согласие (Agreeableness, A)*, *добросовестность (Conscientiousness, C)* [17]. Факторы *нейротизм* и *экстраверсия*, согласно традициям отечественной психологии, можно отнести к индивидуальным, а *согласие* и *добросовестность* — к собственно личностным особенностям индивидуальности. Поэтому полагаем, что будет правильным называть факторы «Большой пятерки» *индивидуально-личностными*.

В отечественной (советской) психологии проблематика личности целенаправленно начала разрабатываться во второй половине XX в. в тесной взаимосвязи с проблемами деятельности и коллектива. Как отмечалось в начале статьи, проблема личности неизменно остается в центре внимания отечественных психологов и в настоящее время. На наш взгляд, для отечественных подходов к личности по сравнению с зарубежными (прежде всего американскими) в большей степени

характерен акцент на теоретических аспектах проблемы и в меньшей степени — ее эмпирическая и экспериментальная проработанность. В данной статье не ставится задача дать анализ состояния современной российской психологии личности, мы остановимся на одном из подходов, который разрабатывается в Российском университете дружбы народов уже более 30 лет и воплощает в себе многие черты, отражающие специфику отечественной науки. Речь идет о системно-функциональном подходе к анализу свойств личности и соответствующей ему модели их строения.

Системно-функциональный подход к анализу свойств личности [6—8] базируется на важнейших положениях и принципах отечественной психологии: о неразрывности динамического, содержательного и результативного аспектов психической деятельности (А.В. Брушлинский, В.Д. Небылицын, С.Л. Рубинштейн и др.), о единстве личностных и индивидуальных образований субъекта (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, В.С. Мерлин и др.), о системной природе отношений субъекта (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, В.Г. Мясищев и др.) [8].

Согласно современной «восьмикомпонентной» версии системно-функционального подхода [6—8], свойства личности включают две подсистемы: мотивационно-смысловую и инструментально-динамическую. *Мотивационно-смысловая подсистема*, содержащая установочно-целевой, мотивационный, когнитивный и продуктивный компоненты, обеспечивает селекцию и приоритет тех или иных побуждений, глубину и точность смысловых значений, сферу приложений свойств личности в различных видах деятельности, в самовыражении, саморазвитии субъекта. *Инструментально-динамическая подсистема*, содержащая динамический, эмоциональный, регуляторный, рефлексивно-оценочный компоненты, обеспечивает процессуальную сторону и регуляторно-энергетическую основу свойств личности. Как показывают исследования, между подсистемами существуют специфические связи, что дает основание для утверждения о единстве этих подсистем как параметре, определяющем специфическое строение различных свойств личности и обеспечивающем как активную, так и адаптивную функции в общении и деятельности субъекта [6—8].

На основе данной модели были изучены психологические особенности следующих свойств личности: агрессивности, инициативности, любознательности, настойчивости, общительности, организованности, ответственности, трудолюбия, уверенности [8]. Была предложена и реализуется программа системного изучения каждого из перечисленных свойств личности по следующим основным направлениям [8]:

- структура и психологическое строение;
- особенности формирования и развития;
- связи с генетическими, психофизиологическими и средовыми предпосылками;
- половые, возрастные, профессиональные, этнопсихологические, патопсихологические особенности;
- индивидуально-типические и типологические особенности;
- возможности коррекции и саморегуляции свойств личности.

Отдельное направление исследований, активно развивающееся в последние годы, — это *сравнительные исследования* системно-функциональных личностных

свойств как между собой, так и с другими характеристиками личности и деятельности [11].

Соответственно, сопоставительное исследование свойств и черт личности, рассматриваемых одновременно на основе пятифакторной и системно-функциональной моделей, на наш взгляд, соответствует современным требованиям комплексного подхода к изучению личности. Объединение эвристических потенциалов разных теоретических моделей позволит не только более полно проанализировать и проинтерпретировать данные, полученные при помощи диагностических методик, соответствующих этим моделям, но и будет способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию данных подходов.

Отметим, что при описании каждой из рассматриваемых в статье концептуальных моделей мы используем традиционно принятую в ней терминологию: при характеристике свойств в русле системно-функционального подхода — понятие «свойство личности» или «личностное свойство», при характеристике нейротизма, экстраверсии, открытости опыту, согласия и добросовестности в русле пятифакторной модели «Большая пятерка» — понятие «фактор». Как обобщающее понятие для обозначения исследуемых категорий считаем возможным использовать понятие «черта личности» или «личностная черта». С одной стороны, это не противоречит сложившейся традиции перевода на русский язык англоязычного термина “personality trait”, который как указывалось выше, хотя и не является наиболее адекватным, стал общепринятым в современной психологической литературе. С другой стороны, в отечественной традиции словосочетание «черта личности» может являться аналогом понятия «черта характера», ведь именно характер в силу его биосоциальной обусловленности можно рассматривать в структуре индивидуальности как связующее звено между собственно личностными и индивидуальными особенностями человека [5; 10], что вполне соответствует содержанию индивидуально-личностных факторов «Большой пятерки».

Итак, продолжая традиции комплексных исследований, выполненных в русле системно-функционального подхода, мы провели сравнение любознательности и настойчивости как системно-функциональных свойств личности с факторами «Большой пятерки» [4]. В исследовании приняли участие 207 российских студентов 1—2-го курсов РУДН направления «Лингвистика» (166 девушек и 41 юноша) в возрасте 17—25 лет. Для диагностики индивидуально-личностных факторов использовался пятифакторный личностный опросник «Big Five» в модификации С.Д. Бирюкова и М.В. Бодунова [2], для диагностики любознательности и настойчивости — бланковые тесты А.И. Крупнова [7]. Для статистической обработки данных применялся ранговый корреляционный анализ Спирмена (табл. 1) и факторный анализ методом главных компонент (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что проведенный корреляционный анализ выявил, что настойчивость как волевая черта теснее всего связана с *добросовестностью* и *экстраверсией*, а любознательность — с *экстраверсией* из пятифакторной модели личности. Это объясняется тем, что обе черты относятся к континууму личностной активности. При этом настойчивость в целом более тесно связана с факторами модели «Большая пятерка», чем любознательность.

Таблица 1

Схематическое изображение корреляций переменных настойчивости и любознательности с факторами модели «Большая пятерка»

Переменные настойчивости / любознательности	Нейротизм		Экстраверсия		Открытость опыту		Согласие		Добросовестность	
	Н	Л	Н	Л	Н	Л	Н	Л	Н	Л
Общественно значимые цели	-	-	+	+	0	0	0	+	+	+
Личностно значимые цели	0	0	+	+	0	0	0	0	+	0
Социоцентричность	0	0	+	+	0	0	0	+	+	0
Эгоцентричность	0	0	+	+	+	+	-	0	+	0
Осмысленность	0	0	+	0	0	+	0	+	0	+
Осведомленность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Предметность	0	-	+	+	0	0	0	0	+	+
Субъектность	0	-	+	+	0	0	0	0	+	+
Энергичность	-	-	+	+	0	+	+	0	+	0
Аэнергичность	+	+	-	-	0	0	0	0	-	-
Стеничность	0	0	+	+	0	0	0	0	+	0
Астеничность	+	+	0	-	0	0	0	0	0	0
Интернальность	0	0	+	0	0	0	0	0	+	0
Экстернальность	0	+	0	-	0	0	0	0	-	0
Операциональные трудности	+	0	-	-	0	0	-	-	-	-
Личностные трудности	+	+	-	-	0	0	0	0	-	-

Примечание: знаками (+) и (-) отмечены статистически значимые корреляции между факторами модели «Большая пятерка» и переменными любознательности и настойчивости; совпадающие корреляции выделены серым фоном; 0 — незначимые корреляции. Н — настойчивость, Л — любознательность.

Таблица 2

Сравнение факторных структур любознательности, настойчивости и факторов модели «Большая пятёрка» (статистически значимые факторные веса)

Переменные	I		II		III		IV		V	
	Л	Н	Л	Н	Л	Н	Л	Н	Л	Н
Переменные настойчивости и любознательности	Общественно значимые цели	—	—	—	,857	,713	—	—	—	—
	Личностно значимые цели	—	,437	—	—	,841	,452	—	—	—
	Социоцентричность	—	—	—	—	,681	,708	—	—	—
	Эгоцентричность	,532	,571	—	—	,584	,412	—	—	—
	Осмысленность	,701	,576	—	—	—	—	—	—	—
	Осведомленность	—	—	—	—	—	,645	—	—	-,625
	Предметность	,786	,722	—	—	—	—	—	—	—
	Субъектность	,774	,800	—	—	—	—	—	—	—
	Энергичность	,757	,610	—	—	—	—	—	—	—
	Аэнергичность	—	-,448	,744	,600	—	—	—	—	—
Индивидуально- личностные факторы	Стеничность	,790	,695	—	—	—	—	—	—	—
	Астеничность	—	—	,523	,723	—	—	-,418	—	—
	Интернальность	,709	,701	—	—	—	—	—	—	—
	Экстернальность	—	—	,724	—	—	,664	—	—	—
	Операциональные трудности	—	—	,837	,807	—	—	—	—	—
	Личностные трудности	—	—	,838	,849	—	—	—	—	—
	Нейротизм	—	—	—	,473	—	—	-,711	-,527	—
	Экстраверсия	—	—	—	—	—	—	,540	,554	—
	Открытость новому опыту	—	—	—	—	—	—	—	—	,716
	Согласие	—	—	—	—	—	—	,692	,813	—
Добросовестность	—	,469	—	—	—	—	,625	,530	—	
% объясненной дисперсии	19,54	20,75	14,27	13,85	13,23	11,88	9,84	8,79	6,47	6,06

Примечание: для наглядности совпадающие статистически значимые показатели весов совпадающих переменных выделены серым фоном. Л — любознательность, Н — настойчивость.

Специфика соотношений между настойчивостью и любознательностью с факторами модели «Большая пятерка» заключается в том, что наиболее специфические содержательные связи существуют между настойчивостью и *добросовестностью* и любознательностью и *открытостью опыту*; *экстраверсия* демонстрирует большое количество сходных связей как с настойчивостью, так и с любознательностью, что позволяет выделить данный фактор, как характеризующий континуум общей активности, *нейротизм* может быть рассмотрен как фактор, характеризующий трудности и проблемы в различных сферах; *согласие* не показывает выраженных связей с рассматриваемыми свойствами личности, так как данный фактор характеризует коммуникативную сферу.

В свою очередь, совместный факторный анализ переменных настойчивости и факторов модели «Большая пятерка» (табл. 2) продемонстрировал, что наиболее тесные связи переменных настойчивости существуют с *добросовестностью*, что подтверждается существованием *фактора добросовестной настойчивости*, означающим, что более добросовестные студенты, как правило, демонстрируют и более выраженную настойчивость. Настойчивость также связана с *нейротизмом* через *фактор нейротических проблем настойчивости*, отражающий сильную связь между наличием у личности страхов и переживаний по поводу своей деятельности в разных сферах и возникновением трудностей, в частности, при проявлении настойчивости.

Аналогичный факторный анализ переменных любознательности и факторов модели «Большая пятерка» выявил содержательное сходство любознательности с *открытостью новому опыту* (*фактор осознанной открытости*), но подтвердил, в целом, менее выраженные связи любознательности с факторами «Большой пятерки».

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Сопоставительный анализ настойчивости и любознательности с одной стороны и факторов пятифакторной модели личности с другой содержательно дополняет концептуальные основы системно-функционального подхода в области сравнительных исследований.

2. Существует специфика в структуре соотношений настойчивости и любознательности как системно-функциональных свойств личности с факторами пятифакторной модели личности:

— настойчивость прежде всего соотносится с добросовестностью через связи переменных мотивационно-смысловой (общественно значимые цели, личностно значимые цели, социоцентричность, эгоцентричность, предметность, субъектность) и инструментально-стилевой подсистемы (энергичность, аэнергичность, стеничность, интернальность, экстернальность, операциональные трудности, личностные трудности), причем наиболее специфичные связи характерны для личностно значимых целей, социоцентричности, предметности, субъектности, энергичности, аэнергичности, стеничности и интернальности, что подтверждается существованием фактора «добросовестной настойчивости»;

— любознательность также соотносится с добросовестностью через общественно значимые цели, осмысленность, предметность, субъектность, аэнергичность,

операциональные и личностные трудности, но наиболее специфичные связи существуют с открытостью опыту (эгоцентричность, энергичность, аэнергичность, стеничность, интернальность) и проявляются в существовании фактора «осознанной открытости»;

— настойчивость и любознательность тесно связаны с экстраверсией, которая характеризует континуум личностной активности в различных сферах, поэтому существует наибольшее количество совпадающих корреляций (общественно значимые цели, личностно значимые цели, социоцентричность, эгоцентричность, предметность, субъектность, энергичность, аэнергичность, стеничность, операциональные и личностные трудности);

— настойчивость и любознательность связаны с нейротизмом, прежде всего через агармонические переменные и переменные трудностей (аэргичность, астеничность, личностные трудности), что позволяет говорить о нейротизме как о факторе, характеризующем сложности в реализации свойств личности в различных сферах;

— связи с согласием немногочисленны и разнородны ввиду того, что данный фактор характеризует коммуникативную сферу личности, не рассматриваемую в исследовании;

3) исследование черт личности с использованием диагностического инструментария пятифакторной модели способствует ее адаптации и валидации на русскоязычной студенческой выборке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980. Т. 2. С. 13—179.
- [2] *Бирюков С.Д., Васильев О.П.* Психогенетическое исследование свойств темперамента и личностных характеристик: анализ структуры изучаемых переменных // Труды Института психологии РАН. Т. 2 / отв. ред. А.В. Брушлинский, В.А. Бодров. М.: ИП РАН, 1997. С. 23—51.
- [3] Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
- [4] *Воробьева А.А.* Волевые и познавательные черты личности как факторы учебных достижений студентов: дисс. ... канд. психол. наук. М.: РУДН, 2015. 246 с.
- [5] *Голубева Э.А.* Способности, личность, индивидуальность. Дубна: Феникс, 2005. 511 с.
- [6] *Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 63—73.
- [7] *Крупнов А.И.* Психодиагностика свойств личности и темперамента. М.: МГУДТ, 2007.
- [8] *Крупнов А.И., Новикова И.А.* История и концептуальные основы системно-функционального подхода к исследованию свойств личности // Системные исследования свойств личности: к 30-летию научной школы А.И. Крупнова в РУДН. Коллективная монография / научн. ред. А.И. Крупнов, С.И. Кудинов, И.А. Новикова. М.: РУДН, 2014. С. 9—30.
- [9] *Лаак Я. тер, Бругман Г.* Big 5: Как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания. М.: Университет, 2003. 112 с.
- [10] *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1985. 256 с.
- [11] *Новикова И.А.* К проблеме сравнительного исследования черт характера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 83—92.

- [12] *Петровский А.В.* Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 57–66.
- [13] *Фернхем А., Хейвен П.* Личность и социальное поведение. СПб.: Питер, 2001. 368 с.
- [14] *Хелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. (Основные положения, исследования и применение). СПб.: ПитерПресс, 1997. 608 с.
- [15] APA handbook of personality and social psychology, Volume 4: Personality processes and individual differences / Ed. by M. Mikulincer, F.R. Shaver, M.L. Cooper, R.J. Larsen. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2015. 727 p.
- [16] *Costa P.T., McCrae R.R.* Revised NEO Five Factor Inventory (NEO-PI-R) and the NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI). Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992. 101 p.
- [17] *McCrae R.R., John O.P.* An introduction to the five-factor model and its applications // Journal of Personality. 1992. No. 60 (2). pp. 175–215.
- [18] *Raunonen S.V., Hong R.Y.* On the properties of personality traits // APA handbook of personality and social psychology, Volume 4: Personality processes and individual differences / Ed. by M. Mikulincer, F.R. Shaver, M.L. Cooper, R.J. Larsen. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2015. pp. 233–259.
- [19] *Saucier G., Srivastava S.* What makes a good structural model of personality? Evaluating the Big Five and alternatives // APA handbook of personality and social psychology, Volume 4: Personality processes and individual differences / Ed. by M. Mikulincer, F.R. Shaver, M.L. Cooper, R.J. Larsen. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2015. pp. 283–305.

ON THE PROBLEM OF RELATION BETWEEN THE SYSTEM-FUNCTIONAL AND THE FIVE-FACTOR MODELS OF PERSONALITY TRAITS

A.I. Krupnov, I.A. Novikova, A.A. Vorobyeva

Chair of Social and Differential Psychology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article compares some problems of the person and the personality study in Russian and foreign (primarily US) psychology. The authors describe the phenomenology of the personality as it is perceived and described in a textbook published by the American Psychological Association in 2015. The structure of the Five-Factor model (“Big Five”) as one of the main approaches to the study of personality in foreign psychology and the System-Functional Approach to the personality traits analysis, which embodies many Russian psychology traditions, are briefly presented in the paper. The main results of the comparative study of the curiosity and persistence as system-functional personality traits and the “Big Five” factors (neuroticism, extraversion, openness, agreeableness, consciousness) are described and analyzed. The sample includes 207 first and second-year university students of Linguistics department. The Big Five factors were measured with the Russian NEO Five-Factor Inventory adaptation by S. Biryukov and M. Bodunov, curiosity and persistence as system-functional personality traits were measured with the paper-and-pencil test developed by A.I. Krupnov. The Spearman correlation analysis and factor analysis were used for statistical analysis. The study shows that there are stable correlations between Persistence as a conative personality trait studied within the System-Functional Approach framework and Consciousness as a Five-Factor Model trait, and Curiosity as a

cognitive trait and Openness (within the same respective frameworks). Persistence shows closer associations with the factors of the Big Five model than Curiosity. Extraversion and Neuroticism as individual-personal factors characterize a measure of a person's activeness in the implementation of their personality traits and difficulties in these traits implementation, respectively.

Key words: System-Functional approach, the Five-Factor model (“Big Five”), person, personality, personality traits, individual-personal factors

REFERENCES

- [1] Ananov B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Human as the subject of knowledge]. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogics Publ., 1980, vol. 2, pp. 13–179.
- [2] Biryukov S.D., Vasilev O.P. Psikhogeneticheskoye issledovaniye svoystv temperamenta i lichnostnykh kharakteristik: analiz struktury izuchaemykh peremennykh [Psychogenetic study of the temperament properties and personality characteristics: analysis of the structure of the studied variables]. *Trudy Instituta psikhologii RAN* [Brushlinskiy A.V., Bodrov V.A. (Eds.) Works of the RAS Institute of Psychology]. Moscow, IP RAS Publ., 1997, vol. 2, pp. 23–51.
- [3] *Bolshoy psikhologicheskiy slovar* [Meshcheryakov B., Zinchenko V. (Eds.) Grand Psychological Dictionary]. St. Petersburg, PRAYM-EVROZNAK Publ., 2004. 672 p.
- [4] Vorobyeva A.A. *Volevyye i poznavatel'nye cherty lichnosti kak faktory uchebnykh dostizheniy studentov: Diss... kand. psikhol. nauk.* [Volitional and Cognitive Personal Traits as Factors of Academic Achievement in the Students: Ph.D. research paper]. Moscow, PFUR, 2015. 246 p.
- [5] Golubeva E.A. *Sposobnosti, lichnost, individualnost* [Abilities, personality, individuality]. Dubna, Feniks Publ., 2005. 511 p.
- [6] Krupnov A.I. Sistemno-dispozitsionnyy podkhod k izucheniyu lichnosti i ee svoystv [System-dispositional approach to the study of personality and its traits]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2006, no 1, pp. 63–73.
- [7] Krupnov A.I. *Psikhodiagnostika svoystv lichnosti i temperamenta* [Psychological measurement of personality traits and temperament], Moscow, MGUDT Publ., 2007.
- [8] Krupnov A.I., Novikova I.A. Istoriya i kontseptualnye osnovy sistemno-funktsionalnogo podkhoda k issledovaniyu svoystv lichnosti [History and Conceptual Basis of the System-Functional Approach to the Study of Personality Traits]. *Sistemnyye issledovaniya svoystv lichnosti: k 30-letiyu nauchnoy shkoly A.I. Krupnova v RUDN*. [System Study of Personality Traits: to the 30th Anniversary of A.I. Krupnov's Research School in the Peoples' Friendship University of Russia]. Moscow, PFUR Publ., 2014, pp. 9–30.
- [9] Ter Laak J., Brugman G. *Big 5: Kak izmerit chelovecheskuyu individualnost: Otsenki i opisaniya* [Big Five: How to Measure Human Individuality: Measurements and Descriptions]. Moscow, Book House “University” Publ., 2003. 112 p.
- [10] Merlin V.S. *Ocherk integralnogo issledovaniya individualnosti* [An Essay on the Integrated Research of Individuality]. Moscow, Pedagogics Publ., 1985. 256 p.
- [11] Novikova I.A. K probleme sravnitel'nogo issledovaniya chert kharaktera [On the Problem of a Comparative Study of Personality Traits]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2006, no 1, pp. 83–92.
- [12] Petrovskiy A.V. Lichnost v psikhologii s pozitsiy sistemnogo podkhoda [Personality in Psychology: the System Approach]. *Voprosy psikhologii* [Psychological Issues], 1981, no 1, pp. 57–66.
- [13] Furnham A., Heaven P. *Lichnost i sotsialnoye povedeniye* [Personality and Social Behaviour]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 368 p.
- [14] Hjelle L., Ziegler D. *Teorii lichnosti. (Osnovnyye polozheniya, issledovaniya i primeneniye)* [Personality Theories. Basic Assumptions, Research, and Applications]. St. Petersburg, PiterPress Publ., 1997. 608 p.

- [15] Mikulincer M., Shaver F.R., Cooper M.L., Larsen R.J. (Eds.) *APA handbook of personality and social psychology. Volume 4: Personality processes and individual differences*. Washington, DC, US, American Psychological Association, 2015. 727 p.
- [16] Costa P.T., McCrae R.R. *Revised NEO Five Factor Inventory (NEO-PI-R) and the NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI). Professional manual*. Odessa, FL, Psychological Assessment Resources, 1992. 101 p.
- [17] McCrae R.R., John O.P. An introduction to the Five-Factor model and its applications. *Journal of Personality*, 1992, vol. 60, no 2, pp. 175–215.
- [18] Paunonen S.V., Hong R.Y. On the properties of personality traits. In Mikulincer M., Shaver F.R., Cooper M.L., Larsen R.J. (Eds.) *APA handbook of personality and social psychology. Volume 4: Personality processes and individual differences*. Washington, DC, US, American Psychological Association, 2015, pp. 233–259.
- [19] Saucier G., Srivastava S. What makes a good structural model of personality? Evaluating the Big Five and alternatives. In Mikulincer M., Shaver F.R., Cooper M.L., Larsen R.J. (Eds.) *APA handbook of personality and social psychology. Volume 4: Personality processes and individual differences*. Washington, DC, US, American Psychological Association, 2015, pp. 283–305.

ЧУВСТВО ЮМОРА И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ШУТОК В ЮНОШЕСКОМ И ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Р.В. Ершова, Р.З. Киямова

Кафедра психологии
Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, Коломна, Россия, 140411

В работе представлен анализ существующих представлений о чувстве юмора, его психологических детерминантах и проявлениях. Обосновывается необходимость его изучения как системного свойства личности с позиций структурно-функционального подхода. Анализируются результаты сравнительного исследования чувства юмора у представителей юношеского и зрелого возраста. Рассмотрены и описаны общие связи компонентов чувства юмора представителей юношеского и зрелого возраста с выбором тематических конструкторов направленности юмора. Описаны специфические связи переменных чувства юмора представителей юношеского возраста (социоцентричность, осмысленность, осведомленность, субъектность, энергичность, аэнергичность, стеничность) с выбором тематических конструкторов направленности юмора (взаимоотношения полов, пагубные пристрастия, деньги, мода, карьера, социальные неурядицы, человеческая глупость). Раскрыты характерные связи переменных чувства юмора представителей зрелого возраста (эгоцентричность, субъектность, энергичность, экстернальность) с выбором тематических конструкторов направленности юмора (взаимоотношения полов, мода, семейные неурядицы, социальные неурядицы, бездарность в искусстве). В конце статьи представлены выводы, описывающие психологические особенности восприятия юмора определенной тематики людьми разного возраста.

Ключевые слова: чувство юмора, юмор, свойство личности, восприятие юмора, структурно-функциональный подход

Исследованиям чувства юмора в психологии посвящено относительно малое количество работ отчасти в силу неоднозначности и противоречивости в понимании самого феномена, отчасти из-за отсутствия валидных и надежных методов его изучения.

В современной психологии выделяется несколько паллиативных, с нашей точки зрения, подходов к чувству юмора. Оно определяется как обычный поведенческий паттерн (тенденция к частому смеху; рассказывание шуток ради забавы других; смех над чужими шутками); способность (умение создавать юмор, вспоминать и создавать шутки); темпераментная черта (обычная жизнерадостность); эстетическая реакция (наслаждение специфическими видами юмористического материала); отношение (позитивное отношение к смешному и к веселым людям); копинг-стратегия (тенденция поддерживать юмористическую перспективу перед лицом неприятности) [12].

М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский определяют чувство юмора как способность человека подмечать в явлениях их комические стороны, эмоционально на них откликаясь [3].

А. Кестлер, рассматривая проблему взаимоотношения юмора и творчества, утверждает, что юмор основывается на процессе бисоциации (формировании

оригинальной связи между различными элементами двух ситуаций («ассоциативных контекстов»), приводящих к образованию новых значений. С его точки зрения, чувство юмора — это способность человека замечать точки соприкосновения разнородных понятий, реалий и совмещать их в единое суждение. Данное умение автор рассматривает как показатель творческих способностей человека, его творческую функцию [10]. Л. Омуэйк подчеркивает важнейшую роль чувства юмора в процессах формирования самосознания личности: чувство юмора «настолько всеобъемлюще и высоко ценимо, что сказать о человеке: “У него замечательное чувство юмора” почти аналогично высказыванию: “Он интеллигентный, компанейский человек, и я его очень люблю”» [7. С. 227]. А. Маслоу рассматривал чувство юмора как одну из важнейших психологических характеристик самоактуализирующейся личности. Представители позитивной психологии причисляют чувство юмора к высшим индивидуально-психологическим человеческим качествам наряду с духовностью, честностью, добротой, творчеством, чувством реальности, альтруизмом, эмпатией и т.д.

А.Н. Лук предлагает изучать не просто психологическую структуру чувства юмора, но и его место среди других «цельно личностных показателей», таких как проявление национального характера, форма мышления. Связывая чувство юмора с некоторыми интегральными личностными характеристиками, он утверждает, что экстраверты предпочитают шутки, связанные с жестокостью и сексом, в то время как интроверты отвергают эти темы [6].

Анализируя тематику юмора, Т. Витч утверждает, что направленность юмора не должна противоречить «субъективным моральным принципам» индивида. Именно эти принципы позволяют оценить шутку в той или иной мере, поэтому феминистка не будет смеяться над шутками про блондинку, а афроамериканец не оценит шутки с расистским подтекстом. Таким образом, человек считает что-либо смешным только в том случае, если это не противоречит его моральным принципам [13].

Очевидно, что многочисленные и разрозненные сведения о закономерностях функционирования, структуре и природе чувства юмора возможно свести воедино лишь при условии рассмотрения этого свойства как интегральной характеристики личности. С позиций структурно-функционального подхода, реализованного в данном исследовании, чувство юмора рассматривается как системное свойство личности, включающее в себя единство мотивационно-смысловых и регуляторно-динамических характеристик и обеспечивающее когнитивную способность личности выявлять, осмыслять и воспроизводить смешное с определенной эмоциональной реакцией в соответствии с ситуацией социального взаимодействия.

Целью исследования было изучение психологических особенностей чувства юмора и связанных с ним тематических предпочтений шуток у представителей юношеского и зрелого возраста [2; 8]. В исследовании приняли участие 164 респондента: 94 представителя юношеского возраста (средний возраст 19 лет) и 70 зрелых респондентов (средний возраст 33 года).

Для изучения структурно-содержательных характеристик чувства юмора был использован бланковый тест «Чувство юмора» (БТЧЮ) Р.В. Ершовой и Р.З. Ки-

ямовой, разработанный на основе бланковых тестов диагностики свойств личности А.И. Крупнова [4]. Бланковый тест чувства юмора позволяет изучать это свойство в единстве установочно-целевых, мотивационных, когнитивных, результативных, динамических, эмоциональных, регуляторных, рефлексивно-оценочных составляющих. Установочно-целевой компонент отражает особенности векторной направленности в восприятии и воспроизведении юмора и состоит из переменных общественно значимой и личностно значимой нацеленности. Мотивационный компонент включает переменные социоцентрической (использование чувства юмора с целью помощи другим) и эгоцентрической (побуждения, вызванные желанием проявить себя) мотивации. Когнитивный компонент характеризуется соотношением общих знаний о сущности чувства юмора и представлений о конкретных нормах его восприятия и воспроизведения: переменная осмысленности подразумевает глубокие и целостные представления субъекта о способах восприятия и воспроизведения юмора, а переменная осведомленность — наличие общего, недифференцированного представления о конкретных функциях чувства юмора и его проявления. Продуктивный компонент представлен в предметной (эквивалент общественно значимого результата) и субъектной (результаты, достигнутые с помощью юмора в решении личных проблем) сферах. Динамический компонент раскрывает параметры энергичности (активности в проявлении юмора) и аэнергичности (пассивности в проявлении юмора). Эмоциональный компонент включает переменные стеничность — доминирование эмоций радости и гордости от предвосхищения положительного исхода юмористических действий, и астеничность — доминирование тревоги, апатии. Регуляторный компонент оценивает локус контроля при воспроизведении и восприятии юмора: интернальная или экстернальная регуляция. Рефлексивно-оценочный компонент подразумевает показатели операциональных (плохое умение шутить) и личностных (неуверенности, тревожности в восприятии или воспроизведении юмора) трудностей.

Диагностика мотивационной направленности юмора (тематические предпочтения) проводилась с помощью Теста юмористических фраз (ТЮФ) А.Г. Шмелева и А.С. Бабина, в основу которого положен прием свободной тематической классификации многозначных стимулов — юмористических фраз [1]. Стимульный материал состоит из 100 юмористических фраз, из которых 40 фраз являются многозначными (испытываемые в зависимости от собственной интерпретации должны отнести их к одной из 10 предложенных тем).

Результаты исследования были обработаны с использованием программы математико-статистической обработки данных Statistica 7.0.

Проведенный корреляционный анализ позволил выделить общие для молодых и зрелых людей тенденции в предпочитаемой ими юмористической тематике в зависимости от структурных характеристик их чувства юмора (рис. 1).

Как показал анализ, шутки, связанные с денежной темой, чаще предпочитают люди с социоцентрической направленностью (можно предположить, что именно приоритетная направленность на интересы группы, игнорирование личных выгод приводит к фрустрации потребности в материальном благополучии (дефициту средств), что сказывается на тематическом предпочтении шуток).

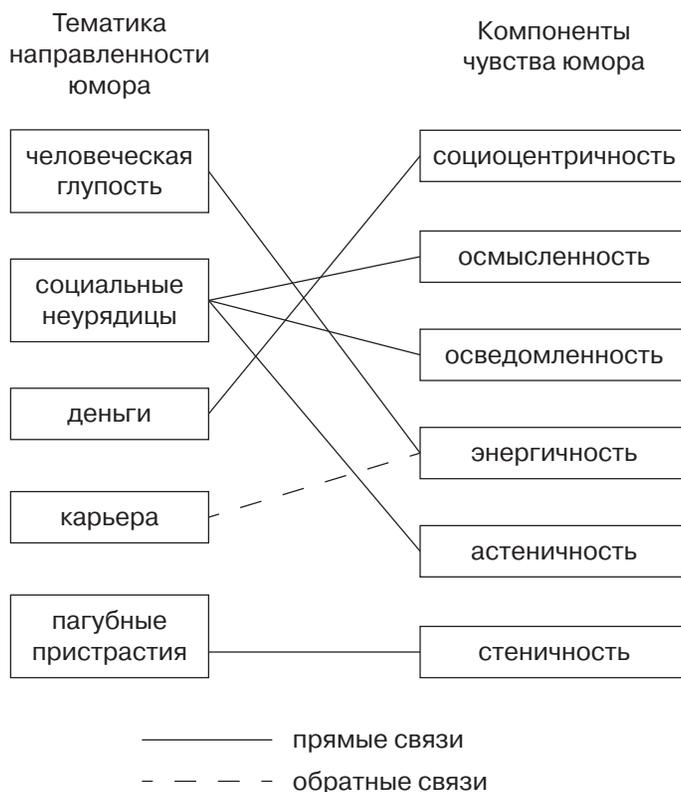

Рис. 1. Общие корреляции переменных чувства юмора с тематическими конструктами ТЮФ у представителей юношеского и зрелого возрастов

Те люди, которые хорошо понимают как специфические, так и неспецифические характеристики чувства юмора (переменные осмысленности и осведомленности в БТЧЮ), но не слишком высоко оценивают собственное умение шутить (астеничность в БТЧЮ), чаще реагируют на шутки по поводу социального неблагополучия, «несознательности» окружающих, нарушающих нормы социальной справедливости, что, очевидно, является наиболее понятными для большинства шутками.

«Шутники» (люди с высоким показателем энергичности чувства юмора) охотнее смеются над невежеством, ограниченностью окружающих (в основе этих предпочтений — мотив познания, самоутверждение через демонстрацию своей «отличности» от объектов шуток). При этом избегаемой темой для них становится тема достижения высокого положения в обществе, получения широкого признания за счет профессионального и социального продвижения по служебной лестнице.

Респонденты, гордящиеся своим умением шутить (стеничность БТЧЮ) предпочитают шутки на алкогольную тематику (можно предположить, что в качестве объяснительного принципа в данном случае выступают глубоко интериоризованные субъектом социальные запреты, чувства вины и стыда).

Специфическая для представителей юношеского возраста картина связи структурно-содержательных характеристик чувства юмора с тематикой их юмористи-

ческих предпочтений формируется за счет появления дополнительных связей у уже описанных при анализе общих корреляций переменных чувства юмора (социоцентричности, осмысленности, осведомленности, энергичности, стеничности), что может свидетельствовать об особой, системообразующей роли этих переменных свойства, их особенной значимости в характере проявления и тематике шуток в данном возрасте (рис. 2).

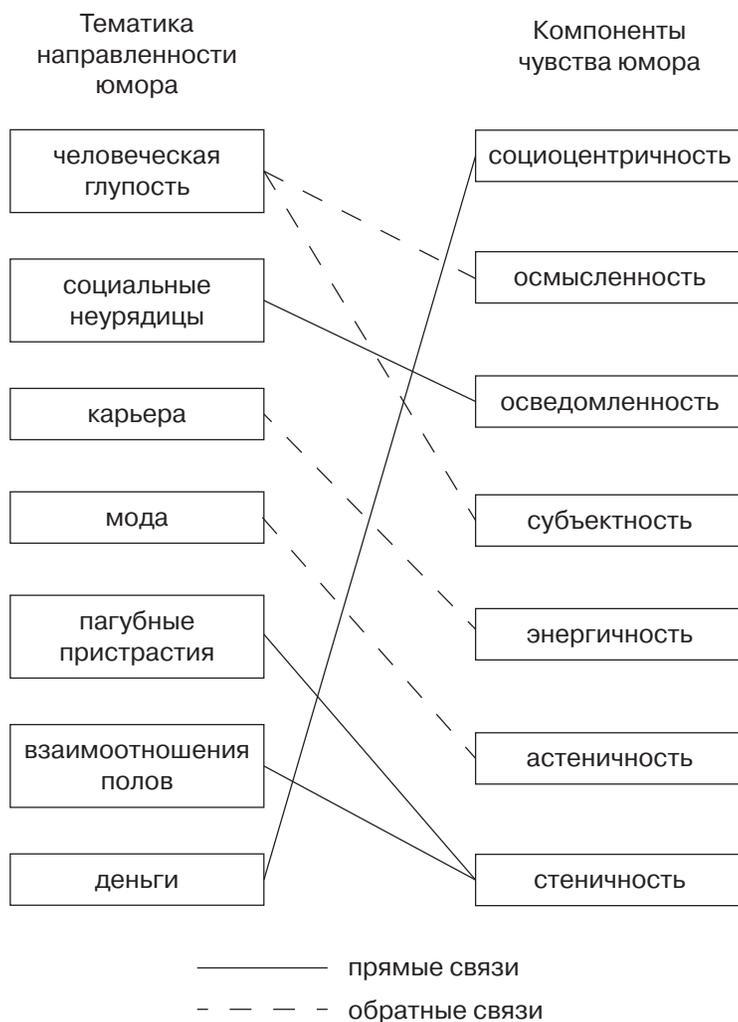

Рис. 2. Специфические корреляции переменных чувства юмора с тематическими конструктами ТЮФ (юношеский возраст)

Молодые люди с недифференцированными представлениями о чувстве юмора (осведомленность БТЧЮ) проявляют особую чувствительность к шуткам о социальных неурядицах, высмеивающим людей, нарушающих нормы социальной справедливости. Корреляция социоцентричности мотивационного компонента чувства юмора с тематическим конструктом «деньги» свидетельствует о том, что молодые люди, сфокусированные на помощи другим, любят пошутить о недостатке денег, высоких ценах и т.п.

Отличительной особенностью чувства юмора молодых людей является связь стеничности эмоционального компонента с тематическими конструктами «пагубные пристрастия» и «взаимоотношения полов», т.е. юноши и девушки, гордящиеся свои умением шутить, чаще шутят на тему секса и вредных привычек.

Интересно, что сочетание в структуре чувства юмора у представителей данной возрастной группы выраженных параметров субъектности и осмысленности определяет зону «апперцептивной слепоты» по отношению к шуткам над человеческой глупостью. Активные «шутники» (энергичность динамического компонента чувства юмора) плохо понимают шутки на тему карьеры, а молодые люди со сниженным желанием шутить (аэнергичность БТЧЮ) — игнорируют юмор, связанный с темой моды, самоутверждения за счет обладания внешними атрибутами социального успеха.

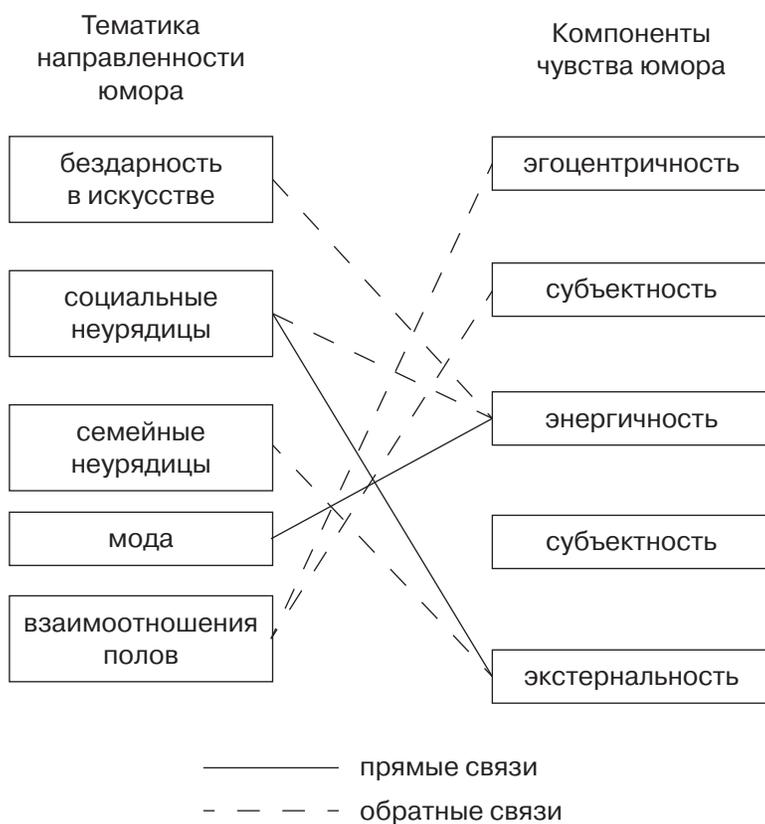

Рис. 3. Специфические корреляции переменных чувства юмора с тематическими конструктами ТЮФ (зрелый возраст)

В группе взрослых респондентов были обнаружены семь связей показателей чувства юмора со специфическими тематическими конструктами шуток (рис. 3). Центральной характеристикой чувства юмора взрослых, оказывающей наибольшее влияние на тематику юмористических предпочтений, является переменная энергичность динамического компонента. Так называемые шутники, люди часто и активно шутящие, охотнее смеются над шутками на тему моды и престижа и проявляют низкую чувствительность к шуткам о «несознательности» окружаю-

щих, социальной несправедливости, бездарности «людей искусства», что, в частности, может указывать на низкую эстетическую сензитивность.

Прямая связь экстернальности регуляторного компонента чувства юмора с тематическим конструктом «социальные неурядицы» и обратная с «семейными неурядицами» позволяют сделать вывод о том, что люди, использующие юмор лишь в случае крайней необходимости, вряд ли оценят «семейный юмор», для них наиболее понятны и предпочитаемы шутки, связанные с асоциальностью, «несознательностью» окружающих.

Обратная корреляция эгоцентричности мотивационного компонента и субъектности продуктивного компонента чувства юмора с тематическим конструктом «взаимоотношения полов» указывает на то, что взрослые респонденты, активно использующие юмор для достижения личных целей, избегают шутить над интимно-сексуальными взаимоотношениями, что вполне объяснимо: неправильно понятая шутка может нанести существенный вред карьере и репутации.

Следует также отметить, что единственным тематическим конструктом из теста юмористических фраз, не обнаружившим ни одной корреляции с переменными чувства юмора, оказался конструкт «агрессия»: все, что связано с темой угрозы физической безопасности не расценивается как смешное ни представителями юношеского возраста, ни зрелыми респондентами.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие **выводы**.

1. С возрастом тематика предпочитаемых и понимаемых шуток претерпевает изменения, которые, в частности, могут определяться процессами развития чувства юмора как интегральной характеристики субъекта.

2. В юношеском возрасте тематику юмористических предпочтений в первую очередь определяют динамические (энергичность/аэнергичность), эмоциональные (стеничность), когнитивные (осмысленность/осведомленность) характеристики чувства юмора. Респонденты, обладающие глубинными представлениями о юморе, избегают шутить на тему невежества и ограниченности окружающих; плохо разбирающиеся в юморе, напротив, предпочитают «асоциальный» юмор. Активные «шутники» и «юмористы» чаще шутят на тему секса и пагубных привычек и избегают «карьерный» юмор. Молодежь, использующая юмор для помощи другим, предпочитает шутить по поводу денег и материального достатка.

3. Количество характеристик чувства юмора, сопряженных с предпочитаемой тематикой, шуток с возрастом снижается вдвое, тематика юмора как мотивационный конструкт в зрелости в большей мере опосредована индивидуальным жизненным опытом субъекта, своеобразием его убеждений и мировоззренческих позиций, чем структурно-содержательными характеристиками чувства юмора. Взрослые респонденты со сформированной группоцентрической установкой избегают шуток, касающихся интимно-сексуальных взаимоотношений. Любящие пошутить часто шутят на тему престижа, моды, самоутверждения, те же, кто шутит лишь в случае крайней нужды, лучше всего понимают «асоциальный» юмор.

4. Полученные в исследовании результаты позволяют углубить представления об особенностях развития чувства юмора в онтогенезе, влиянии структурно-функционального своеобразия этого свойства на его содержательные характеристики, особенности понимания и проявления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гребень Н.Ф.* Психологические тесты для профессионалов. М.: Современ. школа, 2007. 496 с.
- [2] *Ершова Р.В.* Психология организованности: теория и практика исследования: монография. Коломна: КГПИ, 2008. 179 с.
- [3] Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
- [4] *Крупнов А.И.* Психодиагностика свойств личности и темперамента: учеб. пособие. М.: МГУДТ, 2007. 56 с.
- [5] *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- [6] *Лук А.Н.* Юмор, остроумие, творчество. М.: Искусство, 1977.
- [7] *Мартин Р.* Психология юмора. СПб.: Питер, 2009. 478 с.
- [8] *Шарапова (Киямова) Р.З.* Представления о чувстве юмора в психологии // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 3. С. 16–22.
- [9] *Allport G.W.* Pattern and growth in personality. New York: Holt, Reinhart & Winston, 1961.
- [10] *Koestler A.* The Act of Creation. London. 1964. 753 p.
- [11] *Lefcourt H.M., Martin R.A.* Humor and life stress: Antidote to adversity. New York: Springer-Verlag, 1986.
- [12] *Martin R.A.* Sense of humor // S.J. Lopez & C.R. Snyder (Eds.), Positive psychological assessment: A handbook of models and measures. Washington, DC: American Psychological Association. 2003. P. 313–326.
- [13] *Veatch T.C.* A Theory of Humor A (V)iolation of what? The subjective moral order // Humor, the International Journal of Humor Research. 1998. No 2. URL: <http://www.tomveatch.com/else/humor/paper/node3.html> (Дата обращения 22.12.2011).

SENCE OF HUMOR AND THEMATIC PREFERNCES IN JOKES AT PREADULT AND MATURE AGE

R.V. Ershova, R.Z. Kiyamova

Department of Psychology
State University of Humanities and Social Sciences
Zelenaya str., 30, Kolomna, Russia, 140411

The research contains the analysis of the existing conceptions of the sense of humor, its psychological determinants and manifestations; this enables to justify the necessity of its study as a system personality trait from a position of structural-functional approach. The results of a comparative study of the sense of humor of the preadult and mature age representatives are analysed. The common links of the sense of humor components possessed by the preadult and mature age representatives with the choice of humor direction thematic constructs are examined and described. The specific links of the sense of humor components possessed by the pre — adult age representatives (such as socio-centricity, meaningfulness, awareness, subjectivity, vigor, inertia, sthenicity) with the choice of humor direction thematic constructs (such as gender interrelation, harmful habits, money, fashion, career, social woes, human stupidity) are described. The typical links of the sense of humor components possessed by the mature age representatives (such as egocentricity, subjectivity, vigor, externality) with the choice of humor direction thematic constructs (such as gender interrelation, fashion, family friction, social woes,

lack of talent in art) are disclosed. In the end the article presents the findings, describing the psychological features of certain theme humor perception by the people of different ages.

Key words: sense of humor, humor, property of personality, perception of humor, structurally-functional approach

REFERENCES

- [1] Greben N.F. *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Moscow, Modern School Publ., 2007, 496 p.
- [2] Ershova R.V. *Psychologiya organizovannosti: teoriya i practica issledovaniya* [Psychology of Self-Discipline: Theory and Practice of Research]. Kolomna, KGPI Publ., 2008. 179 p.
- [3] Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. (Eds.) *Kratkii psikhologicheskii slovar* [Concise Dictionary of Psychology]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 431 p.
- [4] Krupnov A.I. *Psikhodiagnostica svoistv lichnosti i temperamenta* [Psychodiagnosics of Personality and Temperament Characteristics]. Moscow, MGUDT Publ. 56 p.
- [5] Lomov B.F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemi psikhologii* [Methodological and Theoretical Problems of Psychology]. Moscow, Science, 1984.
- [6] Look A.N. *Yumor, ostroumie, tvorchestvo* [Humor, Wit and Creativity]. Moscow, Art, 1977.
- [7] Martin R. *Psikhologiya yumora* [Psychology of Humor]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009. 478 p.
- [8] Sharapova (Kiyamova) R.Z. Predstavleniya o chyvstve yumora v psikhologii [Concepts of Sense of Humor in Psychology]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy], 2012, no. 3, pp. 16–22.
- [9] Allport G.W. *Pattern and growth in personality*. New York: Holt, Reinhart & Winston, 1961.
- [10] Koestler A. *The Act of Creation*. London, 1964. 753 p.
- [11] Lefcourt H.M., Martin, R.A. *Humor and life stress: Antidote to adversity*. New York: Springer-Verlag, 1986.
- [12] Martin R.A. Sense of humor. In Lopez S.J., Snyder C.R. (Eds.), *Positive psychological assessment: A handbook of models and measures*. Washington, DC, American Psychological Association. 2003, pp. 313–326.
- [13] Veatch T.C. A Theory of Humor A (V)iolation of what? The subjective moral order. *Humor, the International Journal of Humor Research*, 1998, vol. 2. Available at: <http://www.tomveatch.com/else/humor/paper/node3.html> / (Accessed 22 December 2011).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ

Е.Н. Полянская

Кафедра психологии и педагогики
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена актуальной проблеме ценностных ориентаций современной молодежи в условиях трансформации политической, социальной и экономической жизни разных стран. К странам, переживающим кризис в связи с глобализационными процессами, относятся Греция и Россия. В статье изложены результаты сравнительного эмпирического исследования ценностных ориентаций греческих и российских студентов. Выявлено сходство особенностей ценностных ориентаций греческих и российских студентов, проявляющееся в том, что для студентов обеих групп высокозначимы ценность здоровья (при этом она представляется труднодостижимой), саморазвития и самосовершенствования (легкодостижимая ценность); мало значимы ценности творчества, материально обеспеченной жизни (труднодостижимая ценность). Существенные различия между группами состоят в том, что в группе российских студентов преобладают люди с направленностью на дело, для них важна ценность интересной работы, они ориентированы на любовь, при этом менее значима область межличностных отношений; греческие студенты чаще характеризуются направленностью на себя, более ориентированы на семью, ценят свободу в поступках и действиях, уверенность в себе, дружбу. Особенности ценностных ориентаций российских студентов внутренне более конфликтны: высокая ценность любви — и ее неудовлетворенность, высокая ценность интересной работы — представление о ее малодоступности. Внутренний конфликт греческих студентов чаще относится к значимости и малодоступности ценности свободы. Особенности ценностных ориентаций российских студентов в большей степени отражают социально-экономические изменения в обществе, в то время как ценности греческих студентов остаются более традиционными для их культуры и образа жизни.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценности, греки, российские студенты, греческие студенты

Современная молодежь разных стран вступает в самостоятельную жизнь в сложное время. В условиях глобализации многие страны сталкиваются с серьезными вызовами в экономике, политике и социальной сфере. Молодежь испытывает трудности в процессе социализации, в том числе с осознанием своего призвания и места в жизни [3]. В этой связи особую актуальность приобретают исследования современных ценностных ориентаций молодежи.

В ценностных ориентациях молодых людей разных стран может обнаруживаться как общее, так и специфическое. Зарубежные сравнительные исследования ценностей обычно посвящены сравнению ценностей «средних представителей» различных стран, редко внимание к российской выборке [12]. Российские исследования последних лет чаще обращены к изучению ценностей представителей разных социальных групп, регионов и этносов России [2; 4; 5; 7; 14]. Единичны работы, в которых рассматриваются ценности представителей других культур в

современном мире [8; 10; 13; 15]. Сравнительные исследования ценностей молодежи России и других стран фактически не встречаются.

Для каждой страны характерно своеобразие экономической и социокультурной жизни. Для Греции наиболее значимы такие отрасли экономики, как туризм и судоходство, характерна особая предпринимательская культура: стремление к быстрой и легкой прибыли, сосредоточенность хозяйственной деятельности «главным образом на выпуске потребительских товаров, а не на производстве знаний или инноваций» [1. С. 24]. Греки предпочитают открывать небольшие частные лавки, мастерские, которые становятся делом всей семьи. Они не желают работать по найму, стремятся к самостоятельности, уделяют много времени досугу, очень оптимистичны [9. С. 224], высоко ценят семейные связи. Греция является одной из стран, переживающих серьезный кризис в связи с глобализационными процессами. В числе кризисных явлений — высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи [10]. Хотя Россия также сталкивается с рядом вызовов, однако ее социально-экономическая ситуация отличается от таковой в Греции, что не может не порождать различий в том числе и в ценностях. В исследованиях, посвященных ценностным ориентациям современных российских студентов начала 2000-х гг., было выявлено, что в данной социальной группе отмечается значимость ценностей индивидуалистической направленности, служащих личностному росту и развитию, возрастание значимости прагматических ценностей достижения успеха делового и в личной жизни, материального благосостояния, направленность на деловую и экономическую активность [6; 11].

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью сравнительного анализа ценностных ориентаций российских и греческих студентов.

В процессе исследования использовались ориентационная анкета для определения направленности личности Б. Баса и методика для определения ценностных ориентаций Е.Б. Фанталовой. Выборку составили 104 студента различных вузов г. Москвы и г. Афин (по 52 в каждой группе) в возрасте 20—24 года.

Результаты ориентационной анкеты для определения направленности личности Б.Басса представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Направленности личности российских и греческих студентов
(ориентационная анкета Б. Басса)**

Направленность личности	Греческие студенты (n = 52)	Российские студенты (n = 52)
Направленность на себя (Я)	28	9
Направленность на общение (О)	15	7
Направленность на дело (Д)	9	36

По результатам, представленным в табл. 1, можно сделать вывод, что среди опрошенных греческих студентов преобладают субъекты с направленностью на себя, им свойственна ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы и сотрудников, властность, склонность к соперничеству. Второй по степени распространенности оказалась направленность на общение — стремление поддерживать отношения с людьми, ориентация на совместную дея-

тельность, социальное одобрение. Нехарактерна направленность на дело — выполнение работы как можно лучше, достижение общей цели в деловых вопросах.

Подавляющее большинство российских студентов (69%), наоборот, обнаружили направленность на дело. Они ориентированы на решение деловых проблем, деловое сотрудничество. Значительно меньше (17,3%) студентов характеризуется направленностью на себя — агрессивностью в достижении статуса, властью, склонностью к соперничеству, раздражительностью. В наименьшей степени российские студенты оказались направлены на общение (13,5% выборки), выражающееся в стремлении при любых условиях поддерживать отношения с людьми, ориентации на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнению конкретных заданий. Полученные результаты свидетельствуют о серьезных ценностных изменениях среди российской молодежи. Особенности ценностных ориентаций греческих студентов оказались вполне традиционными для экономической и социокультурной жизни греков, хотя предполагалось, что направленность на общение у них будет выражена сильнее, чем показали результаты нашего исследования.

По результатам методики Фанталовой была вычислена значимость и доступность каждой ценности, выраженная в процентах (табл. 2).

Таблица 2

**Частотные характеристики привлекательности (ценности)
и доступности жизненных установок (методика Е.Б. Фанталовой) (%)**

Ценности	Выбор греческими студентами		Выбор российскими студентами	
	ценность	доступность	ценность	доступность
Счастливая семейная жизнь	75,0	75,0	45,0	70,0
Здоровье	65,0	55,0	80,0	65,0
Свобода как независимость в поступках и действиях	65,0	50,0	25,0	35,0
Саморазвитие, самосовершенствование	55,0	45,0	60,0	30,0
Уверенность в себе	50,0	45,0	20,0	50,0
Наличие хороших и верных друзей	40,0	45,0	25,0	65,0
Жизненная мудрость	40,0	40,0	45,0	35,0
Любовь	35,0	40,0	70,0	10,0
Познание	35,0	40,0	35,0	50,0
Материально обеспеченная жизнь	30,0	35,0	20,0	45,0
Творчество	30,0	35,0	15,0	55,0
Развлечения	20,0	30,0	20,0	60,0
Активная, деятельная жизнь	20,0	30,0	40,0	5,0
Красота природы и искусства	15,0	25,0	40,0	5,0
Интересная работа	15,0	25,0	70,0	10,0

Наиболее значимыми ценностями у греческих студентов оказалась «счастливая семейная жизнь» (75%), «здоровье» и «свобода как независимость в поступках и действиях» (65%), «саморазвитие, самосовершенствование» (55%). Наименьшую значимость для греческих студентов представляют ценности «красота природы и искусства» — 15% и «интересная работа» — 15%.

Есть основания полагать, что ценностная ориентация на счастливую семейную жизнь, преобладающая над ценностью «любовь», у греков заложена еще с детства, поскольку основной жизненной ценностью этой нации является семья. Здоровье как наиболее важная ценность может быть декларативным выбором (в современном обществе здоровье принято декларировать как высшую ценность), в реальности здоровье может не представлять столь высокой ценности для молодых людей, в большинстве своем полных энергии и жизненных сил. Свобода как ценность традиционно характерна для греков. Значимость саморазвития и самосовершенствования, на наш взгляд, может отражать особенности студентов как социальной группы. Низкая значимость интересной работы, неустойчивый интерес к творческой деятельности, видимо, отражает значимость иных мотивов при выборе трудовой деятельности, чем интерес к характеру самой деятельности. Данный результат в сочетании с низкой направленностью на дело, показывает слабость интереса к деловой стороне жизни, ориентацию на частную жизнь.

У большинства российских студентов на первом месте оказалась ценность «здоровье» — 80%, на втором — «интересная работа» и «любовь» — 70%, третье место занимает ценность «саморазвитие, самосовершенствование» — 60%. В отношении ценности здоровья, саморазвития и самосовершенствования наша интерпретация аналогична таковой у греческих студентов. Ценность «интересная работа», видимо, подтверждает их направленность на дело. Характерно, что ценность «любовь» значительно преобладает над ценностью «счастливая семейная жизнь» (45%), что может отражать, на наш взгляд, направленность на романтические переживания, но не семейные отношения. В одном ряду по значимости со «счастливой семейной жизнью» отмечается ценность «жизненная мудрость» (45%), далее по убыванию — «красота природы и искусства» и «активная, деятельная жизнь» (40%), «познание» (35%), «свобода как независимость в поступках и действиях» и «наличие хороших и верных друзей» (25%). Еще менее значимы «материально обеспеченная жизнь», «развлечения», «уверенность в себе» (по 20%), самая непопулярная ценность — «творчество» (15%). Подобная иерархия ценностей российских студентов показывает предпочтение ценностей здоровья, любви, работы, саморазвития, чем семьи, дружбы и творческой самореализации. Видимо, творческая деятельность в современном российском обществе оказывается маловостребованной; молодежь отличается деловитостью и прагматичностью.

Представления о ценностных ориентациях дополняются оценкой ценностей, наиболее привлекательных по степени легкости достижения, доступности. Результаты дальнейшего исследования показывают соотношение между желанием обладать той или иной ценностью и возможностью иметь ее. Из таблицы 2 видно, что к легкодостижимым ценностям большинством российских студентов были отнесены такие ценности как «саморазвитие, самосовершенствование» (70%), «познание» (65%), «развлечения» (65%), «активная деятельная жизнь» (60%), к наиболее трудно достижимым — «интересная работа» (5%), «жизненная мудрость» (5%), «счастливая семейная жизнь» (10%) и «материально обеспеченная жизнь» (10%).

Ценность «саморазвитие и самосовершенствование» высокозначима и легкодостижима — желание и возможности совпадают. «Познание», «активная дея-

тельная жизнь» представляется студентами легкодостижимыми, но не столь значимыми ценностями. Ценность «творчество» доступна, но наименее значима. Студенты имеют широкие возможности для развлечений, однако приятное времяпрепровождение не является для них особой ценностью. «Интересная работа», «жизненная мудрость», «материально обеспеченная жизнь», «семейная жизнь» оцениваются студентами как наименее доступные, что вполне объяснимо их актуальным социальным положением и возрастом. «Материально обеспеченная жизнь» при ее малодоступности является малозначимой, соответственно, внутреннего конфликта здесь не возникает. Наиболее внутренне конфликтными для российских студентов являются ценности «любовь», «интересная работа», «здоровье» и «счастливая семейная жизнь»: их значимость сочетается с представлениями о трудной достижимости. Внутренний конфликт может порождать неудовлетворенность и отрицательные переживания. Несовпадение уровня значимости и доступности ценности здоровья мы предположительно связываем с неблагоприятными условиями жизни в мегаполисе либо с представлениями о малой подконтрольности и зависимости здоровья от собственных действий. Трудная доступность ценности «интересная работа» может отражать объективно недостаточные возможности студента для ее реализации, либо несоответствие своих интересов и ожиданий содержанию профессиональной деятельности. Ценность любви и ее неудовлетворенность может источником наиболее значимых переживаний, что в сочетании с неярко выраженной ценностью счастливой семейной жизни может приводить к выбору внесемейных любовных отношений — при данных установках кризис семьи в российском обществе имеет свое продолжение.

Для греческих студентов легкодостижимыми признаются ценности «саморазвитие, самосовершенствование» — 75%, «познание» — 55%, «уверенность в себе» — 50% испытуемых. Другими словами, они не испытывают дефицит возможностей расширения своего образования и возможностей саморазвития. На наш взгляд, доступность ценности «уверенность в себе» может отражать характерные для греков жизнелюбие, оптимизм, а также сохранение тесных семейных связей, которые являются определенной опорой в жизни. Как и у российских студентов, наиболее трудными для достижения у греческих студентов оказываются ценности «интересная работа» и «материально обеспеченная жизнь» — 25%. Видимо, их труднодостижимость характерна для молодежи в современных социально-экономических условиях. Хотя жизненные ценности «наличие хороших и верных друзей» оказываются явно в числе наиболее реализованной у молодых людей студенческого возраста, но греческие студенты отметили их меньшую доступность по сравнению с российскими студентами. Возможно, в силу большей направленности греческих студентов на общение они более чувствительны к нереализованным потребностям в этой сфере. «Жизненная мудрость» (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом) оценивается студентами как малодоступная ценность, что вполне адекватно для молодого возраста.

Для сравнительного анализа результатов исследования ценностных ориентаций студентов нами был использован критерий Манна—Уитни. Различия в выборе оказывались существенны для критериев-ценностей «интересная работа»,

«любовь», «уверенность в себе», «свобода как независимость в поступках и действиях», «счастливая семейная жизнь». Для российских студентов большую значимость имеет ценность интересной работы и любви, для греческих — уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, свобода и независимость в поступках и действиях.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**.

1. Сходство особенностей ценностных ориентаций греческих и российских студентов состоит в том, что для обеих групп высокозначимы ценности здоровья, саморазвития; среднезначима ценность познания; малозначимы ценности творчества, материально-обеспеченной жизни.

2. Для обеих групп характерна оценка ценностей интересной работы и материально-обеспеченной жизни как труднодостижимых; у обеих групп отмечается расхождение между значимостью и достижимостью ценности здоровья.

3. В группе российских студентов преобладают люди с деловой направленностью, они более ориентированы на карьеру, а также на любовь, менее значимыми становятся общение, дружба, в определенной степени — семья; греческие студенты чаще характеризуются направленностью на себя, более ориентированы на семью, для них более значима свобода в поступках и действиях, уверенность в себе, дружба.

4. Ценности российских студентов внутренне более конфликтны: высокая ценность любви — и ее неудовлетворенность, высокая ценность интересной работы — и представления о ее малодостижимости. Внутренний конфликт греческих студентов чаще относится к значимости и невысокой доступности ценности свободы как независимости в поступках и действиях

На наш взгляд, особенности ценностных ориентаций российских студентов в большой степени определяются социально-экономическими изменениями в обществе и отличаются от традиционных для российской культуры ценностей, в то время как ценности греческих студентов остаются более традиционными для их культуры и образа жизни. Вместе с тем особенности ценностных ориентаций частично отражают особенности данной социальной группы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Авилова А.В.* Проблема сближения уровней развития в ЕС и Евроне: опыт Греции // Современная Греция в мировой экономике и политике. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 18—29.
- [2] *Бочарова Е.Е.* Аксиологическая направленность личности представителей разных социокультурных групп // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2-1. С. 58—63.
- [3] *Ваганова А.Р.* Социально-психологические аспекты сопровождения процессов направленной социализации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2. № 2. С. 146—151.
- [4] *Дагбаева С.Б.* Этнопсихологические особенности ценностных ориентаций личности студентов: дисс. ... канд. психол. наук. Чита, 2006.
- [5] *Джанчатова И.А.* Ценностные ориентации студенческой молодежи Республики Адыгея в современных условиях: Социологический аспект: дисс. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2000.

- [6] *Исаев Е.А.* Психологические аспекты поликультурной самоорганизации языковой личности студента // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 32 (4). С. 24—28.
- [7] *Мамсурова Е.А.* Ценностные ориентации городской молодежи Республики Северная Осетия-Алания в реформируемом обществе: дисс. ... канд. социол. наук. Владикавказ, 2001.
- [8] *Маслова О.В., Буй Дык Т.* Динамика ценностей вьетнамских студентов в России // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 49—54.
- [9] *Платонов Ю.П.* Основы этнической психологии. СПб., 2003.
- [10] *Полянская Е.Н.* Карьерные ориентации греческих студентов // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном мире: сборник научных трудов участников II Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2015. С. 280—286.
- [11] *Полянская Е.Н.* Особенности ценностных ориентаций российских студентов // Пути и задачи духовного возрождения России: сб. ст. общественно-политических и гуманитарных чтений. М.: РУДН, 2014. С. 156—164.
- [12] *Руднев М.Г.* Базовые ценности населения. Сравнение россиян с жителями других европейских стран: автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2009.
- [13] *Тищенко С.М.* Базовые ценности населения Южно-Африканской Республики в условиях глобальных трансформаций: дисс. ... канд. социол. наук. М., 2014.
- [14] *Хабудаева В.А.* Традиционные социокультурные национальные ценности бурятской молодежи в условиях трансформации российского общества: на материалах Республики Бурятия: дисс. ... канд. социол. наук. Улан-Удэ, 2013.
- [15] *Цэвээний Ц.* Традиционные и современные ценности монгольской молодежи: дисс. ... канд. социол. наук. М., 1998.

COMPARATIVE ANALYSIS OF VALUE ORIENTATIONS IN RUSSIAN AND GREEK STUDENTS

E.N. Polyanskaya

Department of Psychology and Pedagogy
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to the problem of the value orientations of modern young people, who begin their independent life in the current conditions of the difficult changes in the political, social and economic life of the countries. Greece and Russia are two of the countries, which are in crisis due to the globalisation processes. The article gives the details of the results of the empirical study of the value orientations in Greek and Russian students and presents their comparative analysis. It identifies the similarity of the value orientations in Greek and Russian students, which appears in the fact that the value of health (it seems quite difficult to achieve) and the value of self-development and self-improvement (an easily achievable value) are important to the students of both groups; and the values of creativity and financially-secure life (the value, which is difficult to achieve) have little significance. The significant differences between the groups lie in the fact, that the Russian group is dominated by the people with the focus on business, the value of interesting work is important to them, they are more focused on business activity, as well as on love, and the interpersonal relations are less significant for

them. The Greek students are often focused on themselves, on their families; freedom in actions, confidence and friendship are more important to them. The peculiarities of the value orientations of the Russian students are internally more conflicting: first of all, we are talking of an important value of love and its dissatisfaction, the important value of an interesting job and the idea that it is difficult to achieve these values. The internal conflict of the Greek students often concerns the importance and the low availability of the value of freedom. The study shows that the peculiarities of the value orientations of Russian students reflect the socio-economic changes in the society, while the values of Greek students remain more traditional for their culture and the way of life.

Key words: value orientations, values, value system, Greeks, Russian students, Greek students

REFERENCES

- [1] Avilova A.V. Problema sblizheniya urovnei razvitiya v ES i Eurozone: opit Gretsii [The problem of rapprochement of levels of development in the EU and the Eurozone: Greece's experience]. *Sovremennaya Gretsia v mirovoi ekonomike i politike* [Modern Greece in the global economy and politics]. Moscow: Institute of world economy and international relations of Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 18—29.
- [2] Bocharova E.E. Aksiologicheskaya napravlenost lichnosti predstaviteley raznykh sotsiokulturnykh grupp [Axiological orientation in members of different sociocultural groups]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. [News of Saratov University. New Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2014, vol. 14, no 2-1, pp. 58—63.
- [3] Vagapova A.R. Sotsialno-psikhologicheskie aspekty soprovozhdeniya protsessov napravlennoy sotsializatsii molodezhi [Social-psychological aspects of youth socialization support processes]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology]. 2013, vol. 2, no 2, pp. 146—151.
- [4] Dagbaeva S.B. *Etnopsichologicheskie osobennosti tsennostnykh orientatsii lichnosti studentov: diss. ... kand. psichol. nauk* [Ethno-psychological features of value orientations of the personality of students: Ph.D. Thesis]. Chita, 2006.
- [5] Djanchatova I.A. *Tsennostnie orientatsii studencheskoi molodiozhi Respubliki Adigeya v sovremennih usloviyah: sotsiologicheskii aspekt: diss. ... kand. sotsiol. nauk* [Value orientations of student youth of the Republic of Adygea in the modern world: Sociological aspect: Ph.D. Thesis]. Maicop, 2000.
- [6] Isaev E.A. Psikhologicheskie aspekty polikulturnoy samoorganizatsii yazykovoy lichnosti studenta [Psychological aspects of multicultural self-organization of student's language person]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikulturnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2015, no 32 (4), pp. 24—28.
- [7] Mamsurova E.A. *Tsennostnie orientatsii gorodskoi molodiozhi Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v reformiruemom obschestve: diss. ... kand. sotsiol. nauk* [The value orientation of the urban youth of the Republic of North Ossetia-Alania in reforming the society: Ph.D. Thesis]. Vladicaucasus, 2001.
- [8] Maslova O.V., Duc Tuan Bui. Dinamica tsennostei vietnamskikh studentov v Rossii [Dynamics of values in Vietnamese students in Russia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2014, no 1, pp. 49—54.
- [9] Platonov Y.P. *Osnovy etnicheskoi psikhologii* [Basis of ethnic psychology]. St.Peterburg, Piter, 2003. 224 p.
- [10] Polyanskaya E.N. Kariernie orientatsii grecheskikh studentov [Career orientations in Greek students]. *Aktualnie problemy psikhologii i pedagogiki v sovremennom mire: sbornik nauchnykh trudov uchashtnikov II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of psychology and pedagogy in modern world: collection of scientific works of participants of the II International scientific-practical conference]. Moscow, PFUR Publ., 2015, pp. 280—286.

- [11] Polyanskaya E.N. Osobennosti tsennostnih orienatsii rossiiskih studentov [Peculiarities of value orientations of Russian students]. *Puti i zadachi dukhovnogo vrozhdeniya Rossii: sbornik statei obschestvenno-politicheskikh i gumanitarnih chtenii* [Ways and goals of spiritual revival of Russia: collection of articles of socio-political and humanitarian readings]. Moscow, PFUR Publ., 2014. pp. 156—164.
- [12] Rudnev M.G. Bazovie tsennosti naseleniya. Sravnenie rossiyan s zhitelyami drugih europeiskih stran: autoref. diss. ... cand. sotsiol. nauk [Basic values of the population. Comparing Russians with citizens of other European countries: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 2009.
- [13] Tischenko S.M. *Bazovie tsennosti naseleniya Uzhno-Afrikanskoi Respubliki v usloviyah globalnih transformatsii: diss. ... cand. sotsiol. nauk* [Basic values of the population of the Republic of South Africa in the context of global transformations: Ph.D. Thesis]. Moscow, 2014.
- [14] Khabudaeva V.A. *Traditsionnie sotsiokulturnie nacionalnie tsennosti buryatskoi molodiozhi v usloviyah transformatsii rossiiskogo obschestva: na materialah Respubliki Buryatiya: diss. ... cand. sotsiol. nauk* [Traditional socio-cultural values in the Buryat national youth in conditions of transformation of Russian society: on materials of Republic of Buryatia: Ph.D. Thesis]. Ulan-Ude, 2013.
- [15] Tseveenii Ts. *Traditsionnie i sovremennye tsennosti mongolskoi molodiozhi: diss. ... kand. sotsiol. nauk* [Traditional and modern values in the Mongolian youth: Ph.D. Thesis]. Moscow, 1998.

ПРОАКТИВНЫЙ КОПИНГ КАК РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ*

Т.С. Пилишвили, Исмаил Аль Масри

Кафедра психологии и педагогики
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена изучению специфики проявления проактивного копинга как генерации психических ресурсов личности, находящейся в ситуации вынужденной адаптации к новым условиям проживания на территории лагеря беженцев. Продемонстрирована возможность развития подлинной активности личности посредством копинга, ориентированного на будущее. Анализируются связи различных видов совладания с трудной жизненной ситуацией и характером адаптационных проблем в новых условиях на примере сирийских старшеклассников. Проактивное совладание рассматривается в качестве копинга, основанного на усилиях по созданию общих ресурсов личности, облегчающих достижение будущих целей, видение перспективы. Показано, что проактивный копинг связан с эффективной адаптацией, предполагающей отсутствие коммуникативных трудностей, уверенность в собственных силах и ориентацию на будущее. Продемонстрированы половые различия в адаптации к новым условиям с учетом факторной структуры групп сирийских юношей и девушек как представителей конкретной этнокультурной группы. В частности, выявлена связь проактивного копинга и отчуждения у девушек, что означает возможность их абстрагирования от эмоционального переживания проблемной ситуации, в меньшей мере свойственного юношам исследуемой выборки. Обозначены возможные пути развития активности как становления субъектности при управлении целями вопреки традиционному управлению рисками в трудной жизненной ситуации в рамках реактивного копинга.

Ключевые слова: психические ресурсы, личностный потенциал, адаптация, копинг, активность личности, проактивное совладание

Психологическая адаптация к новым условиям жизни представляет собой сложный многоуровневый процесс, требующий активизации существенных психических усилий личности и переживаемый как достаточно стрессовая ситуация. В условиях же вынужденной миграции в связи с бегством от войны на родине в другую страну адаптация объективно становится психотравмирующей ситуацией, вызывающей не только психофизиологические [9], но и психологические последствия, что существенно сказывается на характере преодолевающего поведения. Отмечается, что «в каждом конкретном случае протекание процесса психической адаптации приобретает эмоциональную окраску и динамику в соответствии с особенностями характеристик психики индивида, что проявляется в его психическом состоянии» [8. С. 29]. При этом выявлена связь между «социально-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-1095.2014.6 «Феномен активности личности и особенности ее проявления в современном информационном мире».

психологической адаптацией личности и копинг-поведенческой стратегией» [6. С. 18].

Специфика современных психологических исследований совладания личности со стрессом состоит в выделении рядом авторов (Л. Аспинваль, Ш. Тейлор, Э. Грингласс, Р. Шварцер, Л. Фиксенбаум и др.) наряду с традиционным (реактивным) копингом так называемого проактивного копинга [12]. Последний принципиально отличается от реактивного реагирования тем, что может наступать ранее самого стрессового события. Активное преодоление предполагает ориентацию на будущее, генерацию личностных ресурсов для поиска наилучшего решения, а также саморегуляцию эмоций. Р. Шварцер отмечает, что при реактивном копинге личность управляет рисками, поскольку оценивает наступившее стрессовое событие с точки зрения угроз, потерь, вреда. Активное же совладание сосредотачивает личностные усилия на управлении целями, так как будущее стрессовое событие воспринимается здесь скорее как вызов, требующий ответа. В связи с этим мотивация проактивного копинга становится позитивной в отличие от реактивного копинга, мотивированного негативным стимулом-угрозой. Подчеркивается, что заблаговременное накопление ресурсов преодоления «выступает в качестве «буфера» при столкновении с затруднительными или стрессогенными ситуациями» [3. С. 22]. При этом в качестве ресурса совладания выступает уже сама значимость собственной личности в трудной жизненной ситуации [1; 3].

Рядом авторов отмечается, что даже в ситуации объективной психотравмы возможно позитивное совладание с ней и как результат удовлетворенность жизнью [16]. Субъективное благополучие личности сегодня становится не просто самостоятельной проблемой отдельно взятого человека [2], а общечеловеческим вызовом, поскольку в ситуации психотравмы, в особенности разделяемой представителями целых государств, потенциальной становится угроза «роста агрессивности, носящей защитный характер» [11. С. 50]. Показано, что стратегии коррекции агрессивности связаны с эффективностью саморегуляции как высшим уровнем активности личности [13]; отмечаются сложные корреляции между агрессивностью и общительностью как системными свойствами личности, требующими комплексного изучения в процессе адаптации [10].

Активность личности выполняет следующие функции в процессе деятельности: адаптивную, заключающуюся в адекватном оценивании и приспособлении индивида к постоянно изменяющимся условиям среды; преобразовательную, т.е. выходящую за рамки собственно адаптивной функции, включающую в себя надситуативную активность; совладающую функцию, состоящую в проактивном копинге при оценке потенциальных трудностей не в качестве угроз, а в форме вызовов, требующих ответа; функцию взаимодействия субъекта с окружающим миром, при котором субъект-субъектные отношения выступают в качестве основы для формирования ресурсных состояний личности; функцию саморазвития личности, базирующуюся на самодетерминации, продолжении себя в пространстве и времени жизни.

Можно весьма условно выделить два пути формирования личностью своего жизненного пути, с одной стороны, «через овладение структурой собственного времени жизни, с другой стороны, через самоорганизацию событийного пласта

жизни» [12. С. 7]. На наш взгляд, проактивный копинг как элемент оценочно-поведенческого компонента активности личности [7] позволяет: а) путем управления целями и перспективами развития потенциальной стрессовой ситуации становится субъектом собственной жизни в неразрывной связи прошлого—настоящего—будущего; б) посредством управления внутриличностными, социальными, средовыми ресурсами обеспечить резонансную внутреннему позитивному состоянию событийность жизни. В отношении преодоления психотравмирующей ситуации подростками и старшеклассниками показано, что в условиях стресса существенно возрастает вероятность девиантного поведения и употребления психоактивных веществ [15].

В гипотезе проводимого исследования мы предположили, что существует связь между использованием проактивного копинга как ресурсного потенциала личности и эффективной адаптацией к новым средовым параметрам «как процессом активного приспособления индивида к условиям социальной среды, затрагивающего все уровни функционирования человека» [5. С. 66]. Для подтверждения гипотезы было проведено эмпирическое исследование среди старшеклассников, находившихся на территории Иордании в лагере беженцев «Заатары» в период с марта 2013 г. по май 2014 г. Ранее зарубежными авторами уже отмечалось бедственное состояние детей и подростков, являющихся беженцами и пребывающими в соответствующих лагерях [14; 16]. Однако наша цель состояла в выявлении ресурсов личности в условиях объективной психотравмирующей ситуации. В урavnенную по полу выборку вошло 150 человек в возрасте 15—17 лет. С целью диагностики указанных выше психических явлений на данном этапе исследования применялись методика «Адаптация» (А.И. Крупнов), методика «Проактивное совладающее поведение» (Э. Грингласс, Р. Шварц и др.). Для обработки полученных данных был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена, факторный анализ.

Описательная статистика свидетельствует о том, что 42% испытуемых переживают горе утраты близкого или члена семьи, 96% страдают от ряда психосоматических заболеваний, что согласуется с результатами ранних исследований ПТСР [18]; 100% выборки проявляют симптомы диссоциации; у 98% испытуемых наблюдаются симптомы повышенной возбудимости; 100% опрошенных демонстрируют симптомы избегания и переживают интрузию; 98% испытуемых субъективно оценивают ситуацию как страшную, ужасную, переживают беспомощность; 95% испытуемых в рамках сложившейся ситуации на родине хотя бы единожды испытывали угрозу физической целостности; 94% опрошенных стали свидетелем травматического события; 93% испытуемых лично пережили травматическое событие. В ходе исследования было выявлено, что ставших испытуемыми сирийских старшеклассников объединяет объективная ограниченность в возможности поддерживать привычные отношения с комфортной для них системой «я — окружающий мир — культура». В этих условиях становится принципиально важной адаптация к новым условиям среды для установления доверительных отношений с собой и другими людьми и преодоления сомнения в том, что человек изначально добр по своей природе.

Результаты корреляционного исследования показывают, что имеется отрицательная связь между проактивным копингом и коммуникативными трудностями ($R_S = -0,23$ при $p = 0,05$), неуверенностью в себе ($R_S = -0,26$ при $p = 0,05$), рефлексивным копингом ($R_S = -0,22$ при $p = 0,05$), превентивным копингом ($R_S = -0,27$ при $p = 0,05$). Это означает, что юноши и девушки, неспособные к постановке целей, высокой саморегуляции для их достижения, оценке и поиску путей выхода из стрессовой ситуации, оказываются неготовыми к нейтрализации негативных последствий адаптации. Они испытывают большие коммуникативные трудности и неуверенность в себе, им труднее поддерживать разговор с новыми людьми, они хуже понимают других людей, переживают неуверенность в себе и своих силах, концентрируясь на неудачах.

Выявлено также, что эмоциональные трудности отрицательно коррелируют с превентивным копингом ($R_S = -0,16$ при $p = 0,01$) и положительно — с избегающим копингом ($R_S = 0,17$ при $p = 0,01$). Эти результаты, по-видимому, означают, что испытуемые, которые не готовы действовать в направлении нейтрализации негативных последствий до того, как наступит возможное стрессовое событие, в большей мере избегают свои проблемы. Они испытывают эмоциональные трудности, что сопровождается подавленным настроением и раздражительностью, беспокойством, злостью, обидами, тревогой.

Шкала ностальгии положительно коррелирует с поиском эмоциональной поддержки ($R_S = 0,27$ при $p = 0,05$). Это означает, что юноши и девушки, которые нуждаются в разделении своих чувств с другими, испытывают сильное желание вернуться на родину. В данном случае неудовлетворенность потребности в межличностных контактах «здесь и сейчас» оказывается связанной со все большим погружением в прошлое, что, в свою очередь, затрудняет адаптацию. Также выявлено, что шкала отчуждения положительно коррелирует с рефлексивным копингом ($R_S = 0,20$ при $p = 0,01$). Таким образом, испытуемые, использующие стратегию оценки и поиска путей выхода из стрессовой ситуации, чаще принимают нормы поведения других людей и доверяют им, обращаются за помощью к окружающим, ожидая ее от них.

Шкала адаптации сирийских старшеклассников положительно коррелирует с проактивным ($R_S = 0,49$ при $p = 0,05$), рефлексивным ($R_S = 0,43$ при $p = 0,05$), превентивным копингом ($R_S = 0,34$ при $p = 0,05$), а также поиском эмоциональной поддержки ($R_S = 0,24$ при $p = 0,05$). Вероятно, испытуемые, которые применяют стратегии, ориентированные на будущее, четкое целеполагание, а также поиск альтернативных вариантов поведения и позитивного общения с окружением, оказываются более высоко адаптированными.

С целью исследования факторной структуры адаптации в группах юношей и девушек применялся факторный анализ с вращением Varimax. В результате последнего в выборке девушек можно условно выделить два фактора. Первый из них, фактор стратегического планирования и активных действий по совладанию, включает в себя стратегическое планирование (0,826), проактивный копинг (0,778), поиск эмоциональной поддержки (0,752), превентивный копинг (0,722), поиск инструментов поддержки (0,685), рефлексивный копинг (0,642). Второй фактор превентивной адаптации с дистанцированием от стресса состоит из шкал

адаптации (0,679), рефлексивного копинга (0,531), неуверенности (-0,555), эмоциональных трудностей (-0,555), избегающего копинга (-0,477), отчуждения (0,467), ностальгии (0,423), превентивного копинга (0,419). Таким образом, факторная структура адаптации сирийских девушек включает в себя стратегическое планирование и дострессовые усилия по совладанию с будущим событием для нейтрализации его негативных последствий. Примечательно, что активные действия по изменению ситуации, а также превенция эмоционально-коммуникативных трудностей и неуверенности в себе относятся к разным факторам. Это, по-видимому, означает, что девушкам требуются неодинаковые психические ресурсы для осуществления усилий по эмоциональному совладанию, с одной стороны, и стратегической активности, с другой.

В юношеской выборке также условно выделяются следующие факторы. Первый фактор совладающей адаптации с уходом в прошлое, включает в себя шкалы проактивного копинга (0,788), поиска эмоциональной поддержки (0,779), превентивного копинга (0,760), рефлексивного копинга (0,734), адаптации (0,514), поиска инструментов поддержки (0,492), ностальгии (0,428). Второй фактор коммуникативно-эмоциональных трудностей и избегания, нагружается переменными «эмоциональные трудности» (0,762), «коммуникативные трудности» (0,713), «неуверенность» (0,707), «избегающий копинг» (0,601). Полученные результаты означают, что факторная структура адаптации юношей включает в себя не только усилия по улучшению ситуации, но и существенные эмоционально-аффилятивные сложности. Вероятно, это связано с блокированием внешних проявлений психоэмоционального состояния юношей.

Итак, несмотря на то, что проактивный копинг является базовым ресурсным потенциалом личности, предоставляющим возможность для эффективной адаптации в новой социокультурной среде у обоих полов, характер переживания и использования для нее определенных групп ресурсов несколько различается у юношей и у девушек исследуемой выборки. Причины возникновения подобных различий могут выступить в качестве перспективы для дальнейших исследований адаптации к новым условиям жизни. Субъектность как усиление собственной авторской позиции в процессе адаптации личности к новым условиям оказывается связанной с усилиями по дострессовой активизации психических ресурсов с целью минимизации потенциального негативного влияния.

Поскольку личностный потенциал совладания со стрессогенными событиями отражается в выборе успешных, относительно успешных или неуспешных приспособительных и преодолевающих стратегий поведения, а «уровень развития и репертуар адаптационных механизмов имеют огромное значение как для уровня функционирования человека, так и для сохранения его психического благополучия, требует своего рассмотрения также и проблема выявления “уязвимого”, дезадаптирующего стиля совладания, который приводит здорового человека в “группу риска”, а нездорового — к декомпенсации, резистентности к лечению или неблагоприятному прогнозу» [13. С. 29]. Таким образом, более надежным будет результат, полученный путем сравнения использования ресурсного потенциала здоровыми подростками и теми, кто находятся в группе риска с точки зрения психотравмирующих объективных условий. Наши дальнейшие исследования

проактивности как ресурсного состояния личности предполагают именно такой характер исследования психических возможностей человека при совладании с трудной жизненной ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акименко А.К.* Стратегии адаптивного поведения студенческой молодежи и их характеристика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2014. Т. 1. С. 63—74.
- [2] *Бочарова Е.Е.* О субъективном благополучии личности в аспекте социально-психологической адаптации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2009. Т. 2. № 2. С. 16—22.
- [3] *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Роль ресурсно-инвестиционного копинга в эмоциональном переживании экстремальных ситуаций и развитии индивидуальной стресс-резистентности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3-2. С. 13—22.
- [4] *Кочкарева И.В.* Актуализация стремления к значимости собственной личности как ресурса совладающего поведения в преодолении трудных жизненных ситуаций // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 3. С. 29—31.
- [5] *Крупнов А.И., Шентура А.В.* Психологические различия в проявлении адаптивности у различных групп иностранных студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 3. С. 66—70.
- [6] *Малышев И.В.* Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-стратегий личности в разных условиях социализации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 1—22. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-i-koping-strategiy-lichnosti-v-raznyh-usloviyah-sotsializatsii>
- [7] *Медведская Т.С.* К проблеме структурно-содержательных и функциональных компонентов активности личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 84—88.
- [8] *Михайлова О.Б. Косталес А.И.* Проблемы межкультурной адаптации иностранных студентов и их проявления в стратегиях адаптивности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 3. С. 29—33.
- [9] *Николаева Е.И., Мартинсон К.Э.* Психофизиологические основания психосоматических изменений (обзор исследований) // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 30 (2). С. 53—63.
- [10] *Новикова И.А., Нечепуренко Т.В.* Сравнительный анализ общительности и агрессивности у студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2007. № 1. С. 20—26.
- [11] *Пилишвили Т.С., Аль Масри Исмаил.* Специфика инокультурной адаптации арбаских студентов на фоне стрессогенной ситуации в родной стране // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 2. С. 50—55.
- [12] *Пилишвили Т.С.* Психологические особенности активности личности юношеского возраста. М.: РУДН, 2014. 205 с.
- [13] *Тарасова Е.В.* Проблема агрессивности, саморегуляции и адаптации личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2010. № 3. С. 28—32.
- [14] *Abdel-Khalek A.M., Al-Arja N.S., Abdalla T.* Death obsession in Palestinians // Death Studies. 2006. Vol. 30. No 3, 1. P. 203—215. DOI: 10.1080/17439760.2014.927910.
- [15] *Goldstein A.L., Wekerle C., Tonmyr L., Thornton T., Waechter R., Pereira J., Chung R.* The Relationship Between Post-Traumatic Stress Symptoms and Substance Use Among Adolescents Involved with Child Welfare: Implications for Emerging Adulthood // International Journal of Mental Health and Addiction. 2011. Vol. 9. No 5. P. 507—524. DOI: 10.1007/s11469-011-9331-8.

- [16] *Israel-Cohen Y., Uzefovsky F., Kashy-Rosenbaum G., Kaplan O.* Gratitude and PTSD symptoms among Israeli youth exposed to missile attacks: examining the mediation of positive and negative affect and life satisfaction // *Journal of Positive Psychology*. 2015. Vol. 10. No 2 (4). P. 99—106. DOI: 10.1016/j.jad.2015.08.038.
- [17] *Jabbar S.A., Zaza H.I.* Impact of conflict in Syria on Syrian children at the Zaatari refugee camp in Jordan // *Early Child Development and Care*. 2014. (Article in press). DOI: 10.1080/03004430.2014.916074.
- [18] *Koo K.H., Hebenstreit C.L., Madden E., Maguen S.* PTSD detection and symptom presentation: Racial / ethnic differences by gender among veterans with PTSD returning from Iraq and Afghanistan // *Journal of Affective Disorders*. 2016. Vol. 189. No 1. P. 10—16. DOI: 10.1080/07481180500493302.

PROACTIVE COPING AS A PERSONAL POTENTIAL RESOURCE IN THE PROCESS OF ADAPTATION TO NEW LIFE CONDITIONS

T.S. Pilishvili, Ismaeel Al Masri

Department of Psychology and Pedagogy
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, 117198, Russia

The article is devoted to the specificity of proactive coping as the generation of individual mental resources in personality in the situation of forced adaptation to the new living conditions in the refugee camp. It demonstrates the possibility to generate authentic personal activity by means of coping, focused on the future. The relationship of different coping types with the difficult life situation and the nature of adaptation to new life conditions by the example of the Syrian adolescents is analyzed. Proactive coping is being seen as the efforts to create a shared resource to facilitate the achievement of future goals as well as general vision. It is shown that proactive coping is associated with effective adaptation, suggesting a lack of communication difficulties, high self-confidence and orientation towards the future. Gender differences in adapting to the new conditions are demonstrated, taking into account the factor structure of the Syrian boys and girls samples as the members of specific ethnic — cultural group. An association is found out between the proactive coping and estrangement in girls, in particular, which means the possibility of abstracting from the problem situation emotional experiences, that is less characteristic of the boys of the study sample. Possible future ways of activity development as the formation of subjectivity in the objectives management, contrary to the traditional risk management in difficult situations within the reactive coping are denoted.

Key words: mental resources, personal potential, adaptation, coping, personal activity, proactive coping

REFERENCES

- [1] Akimenko A.K. Strategii adaptivnogo povedeniya studencheskoy molodezhi i ikh kharakteristika [Strategies for adaptive behavior of students and their characteristics]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology]. 2014, vol. 1, pp. 63—74.

- [2] Bocharova E.E. O subektivnom blagopoluchii lichnosti v aspekte sotsialno-psikhologicheskoy adaptatsii [On subjective well-being of the person in the aspect of social-psychological adaptation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [News of Saratov University. New Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology]. 2009, vol. 2, no 2, pp. 16–22.
- [3] Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Rol resursno-investicionnogo kopinga v jemocionalnom perezhivanii jekstremalnykh situacij i razvitii individualnoj stress-rezistentnosti [The role of resource-investment coping in extreme situations' emotional experience and the development of individual stress-resistance]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Psikhologija. Sociologija. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2009, no 3-2, pp. 13–22.
- [4] Kochkareva I.V. Aktualizacija stremlenija k znachimosti sobstvennoj lichnosti kak resursa sovladajushhego povedenija v preodolenii trudnykh zhiznennykh situacij [The actualization of self aspiration significance as a resource of coping behavior in difficult life situations overcoming]. *Psikhopedagogika v pravoohranitelnykh organah* [Psychopedagogy in law enforcement bodies]. 2009, no 3, pp. 29–31.
- [5] Krupnov A.I., Sheptura A.V. Psikhologicheskie razlichija v projavlenii adaptivnosti u razlichnykh grupp inostrannykh studentov [Psychological differences in the manifestation of adaptability in different groups of foreign students]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2014, no 3, pp. 66–70.
- [6] Malyshev I.V. Charakteristika socialno-psihologicheskoy adaptacii i koping-strategij lichnosti v raznykh uslovijah socializacii [Characteristics of socio-psychological adaptation and individual coping strategies in different conditions of socialization]. *Sovremennye issledovanija socialnykh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)]. 2012, no. 12, pp. 1–22. <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-i-koping-strategij-lichnosti-v-raznykh-uslovijah-sotsializatsii>
- [7] Medvedskaja T.S. K probleme strukturno-soderzhatelnykh i funkcionalnykh komponentov aktivnosti lichnosti [On the problem of structural-content as well as functional personal activity components]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2010, no 4, pp. 84–88.
- [8] Mihailova O.B. Kostales A.I. Problemy mezhkulturnoj adaptacii inostrannykh studentov i ih projavlenija v strategijah adaptivnosti [Problems of foreign students' intercultural adaptation and their manifestation in the strategies of adaptability]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2011, no 3, pp. 29–33.
- [9] Nikolaeva E.I., Martinsone K.E. Psikhofiziologicheskie osnovaniya psikhosomaticheskikh izmenenij (obzor issledovanij) [Psychophysiological bases of psychosomatic changes (review of studies)]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikulturnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2015, no 30 (4), pp. 24–28.
- [10] Novikova I.A., Nechepurenko T.V. Sravnitelnyj analiz obshhitelnosti i agressivnosti u studentov [Comparative analysis of communicability and aggressiveness among students]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2007, no 1, pp. 20–26.
- [11] Pilishvili T.S., Al Masri Ismail. Specifika inokulturnoj adaptacii arbaskih studentov na fone stressogennoj situacii v rodnoj strane [The specificity of Arabic students cultural adaptation on the background of a stressful situation in the native country]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy]. 2013, no 2, pp. 50–55.
- [12] Pilishvili T.S. *Psikhologicheskie osobennosti aktivnosti lichnosti junosheskogo vozrasta* [The psychological features of youthful age personal activity]. Moscow, RUDN, 2014. 205 p.
- [13] Tarasova E.V. Problema agressivnosti, samoreguljacii i adaptacii lichnosti [The problem of personal aggression, self-regulation and adaptation]. *Vestnik RUDN. Serija: Psihologija i pedagogika* [Bulletin

- of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*]. 2010, no 3, pp. 28—32.
- [14] Abdel-Khalek A.M., Al-Arja N.S., Abdalla T. Death obsession in Palestinians. *Death Studies*, 2006, vol. 30, no 3, 1, pp. 203—215. DOI: 10.1080/17439760.2014.927910.
- [15] Goldstein A.L., Wekerle C., Tonmyr L., Thornton T., Waechter R., Pereira J., Chung R. The Relationship Between Post-Traumatic Stress Symptoms and Substance Use Among Adolescents Involved with Child Welfare: Implications for Emerging Adulthood. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2011, vol. 9, no 5, pp. 507—524. DOI: 10.1007/s11469-011-9331-8.
- [16] Israel-Cohen Y., Uzefovsky F., Kashy-Rosenbaum G., Kaplan O. Gratitude and PTSD symptoms among Israeli youth exposed to missile attacks: examining the mediation of positive and negative affect and life satisfaction. *Journal of Positive Psychology*, 2015, vol. 10, no 2 (4), pp. 99—106. DOI: 10.1016/j.jad.2015.08.038.
- [17] Jabbar S.A., Zaza H.I. Impact of conflict in Syria on Syrian children at the Zaatari refugee camp in Jordan. *Early Child Development and Care*, 2014. (Article in press). DOI: 10.1080/03004430.2014.916074.
- [18] Koo K.H., Hebenstreit C.L., Madden E., Maguen S. PTSD detection and symptom presentation: Racial / ethnic differences by gender among veterans with PTSD returning from Iraq and Afghanistan. *Journal of Affective Disorders*, 2016, vol. 189, no 1, pp. 10—16. DOI: 10.1080/07481180500493302.

ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ И ТРЕВОЖНОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

А.В. Михеева

Кафедра социальной и дифференциальной психологии
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117187

В статье обсуждается соотношение уровня стрессоустойчивости с показателями тревожности личности. Приводится определение термина «стрессоустойчивость», анализируются и сравниваются понятия «тревога» и «тревожность» с точки зрения разных авторов. Рассматриваются понятия «личностная тревожность» и «ситуативная тревожность». Приводятся взгляды зарубежных и отечественных авторов на тревожность как на фактор, обуславливающий стрессоустойчивость, а также как на ее компонент. Делается обзор методик измерения стрессоустойчивости и тревожности: опросник стрессоустойчивости С.В. Субботина, шкала тревожности Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина. Рассматриваются результаты отечественных и зарубежных исследований, посвященных выявлению корреляций между переменными стрессоустойчивости и тревожности. Представлены результаты собственного эмпирического исследования, проведенного на выборке из 149 мужчин и 142 женщин. Рассмотрены результаты четырех подгрупп респондентов: мужчин с высокой стрессоустойчивостью, мужчин с низкой стрессоустойчивостью, женщин с высокой стрессоустойчивостью и женщин с низкой стрессоустойчивостью. В каждой из подгрупп проанализированы показатели реактивной и личностной тревожности, взаимосвязи показателей тревожности с показателями стрессоустойчивости, сделаны выводы о соотношении стрессоустойчивости и тревожности в каждой подгруппе.

Ключевые слова: стрессоустойчивость личности, реактивная тревожность, личностная тревожность, тревога, опросник стрессоустойчивости С.В. Субботина, шкала тревожности Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина

Увеличение темпа современной жизни и объема получаемой информации, повышение конкуренции и требований к профессиональной деятельности, экономический кризис, нестабильность политической ситуации в мире, виртуализация общества, перемены в социальной жизни, ухудшение экологической обстановки, природные и техногенные катаклизмы — все это ведет к тому, что нагрузки на нервную систему и психику современного человека нарастают ежедневно, что приводит к формированию у него эмоционального напряжения, накоплению негативных эмоций, снижению адаптивных способностей, снижению способности сопротивляться стрессу. В связи с этим разработка учеными теории и практики повышения стрессоустойчивости современного человека является важной социальной задачей [4; 7; 14; 15; 17; 19; 21].

Во многих исследованиях уже давно звучит мысль, что стрессоустойчивость выражается в эмоциональной, когнитивной, мотивационной и поведенческой сферах деятельности личности. Исследователи отмечают, что стрессоустойчивость, являясь интегративным свойством личности, имеет определенную структуру.

В своей работе мы придерживаемся подхода Н.И. Бережной, которая рассматривает стрессоустойчивость как качество личности, состоящее из совокупности следующих компонентов [2]:

- психофизиологического (тип, свойства нервной системы, темперамент);
- мотивационного;
- эмоционального опыта личности, накопленного в процессе преодоления отрицательных влияний экстремальных ситуаций;
- волевого, который выражается в сознательной саморегуляции действий, приведении их в соответствие с требованиями ситуации;
- профессиональной подготовленности, информированности и готовности личности к выполнению тех или иных задач;
- интеллектуального — оценка требований ситуации, прогноз ее возможного изменения, принятие решений о способах действий.

Как мы видим, стрессоустойчивость формируют самые разнообразные свойства личности и индивидуальности. Среди наиболее значимых факторов, определяющих стрессоустойчивость, многими исследователями выделяются показатели тревожности.

А.А. Андреева перечисляет следующие компоненты стрессоустойчивости: низкая тревожность (личностная и ситуативная), низкое нервно-психическое напряжение, высокая эмоциональная устойчивость, адекватная самооценка, высокий уровень работоспособности [1]. Тревожность как фактор, обуславливающий стрессоустойчивость, в научной литературе упоминается в работах Л.Д. Гиссена, Ч.Д. Спилбергера, И.М. Фейнгерберга, Ю.В. Щербатых и др. [21]. Личностную и реактивную тревожность упоминают среди компонентов стрессоустойчивости Н.Н. Смирнова [15], А.Г. Соловьев [16], Р.М. Шагиев [20]. О наличии прямой связи между степенью выраженности тревожности и мерой подверженности стрессу пишет А.С. Хромова [19]. Влияние тревожности на стрессоустойчивость изучают С.В. Ильинский и Е.А. Гладышева [11].

При этом «тревога» и «тревожность» используются иногда как синонимы, а иногда разводятся в качестве самостоятельных понятий: под тревожностью понимают свойство личности как относительно постоянную, относительно неизменную в течение жизни черту, а под тревогой — отрицательное эмоциональное состояние, относительно длительное, связанное с изменением нервно-психической деятельности. По мнению В.А. Ганзена, длительно существующее состояние тревоги может становиться свойством личности, переходя в категорию тревожности [16].

Многими отечественными авторами учитываются оба аспекта рассматриваемого явления (состояние и свойство личности), но для удобства они обозначаются единым термином «тревожность», к которому делается уточнение в виде терминов «реактивная» и «личностная».

Для проверки предположения о том, что тревожность и стрессоустойчивость взаимосвязаны, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 149 мужчин и 142 женщины. В исследовании использовались опросник диагностики стрессоустойчивости С.В. Субботина [17] и шкала тревожности

Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина [18]. Высокая личностная тревожность характеризует устойчивую склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие, реагировать на такие ситуации состоянием тревоги. Высокая реактивная тревожность характеризуется напряжением, беспокойством, нервозностью, вызывает нарушения внимания. Очень высокая личностная тревожность может прямо коррелировать с наличием невротического конфликта, с эмоциональными и невротическими срывами и с психосоматическими заболеваниями. Низкий балл указывает на отсутствие склонности к переживаниям тревоги и беспокойства без достаточных оснований. Для статистической обработки данных был осуществлен ранговый корреляционный анализ Спирмена и *t*-критерий Стьюдента.

Качественный анализ позволил выделить три группы респондентов по уровню проявления стрессоустойчивости: с высоким, средним и низким уровнем данного качества. Учитывая, что со средним уровнем стрессоустойчивости оказалось незначительное количество респондентов, данные испытуемые далее были исключены из анализа.

У мужчин с высокой стрессоустойчивостью средние значения показателей реактивной тревожности находятся на низком уровне, а личностной тревожности — на среднем уровне. Это означает, что испытуемые продемонстрировали умеренную склонность к переживаниям тревоги и беспокойства без достаточных оснований и низкую склонность воспринимать стрессогенные или кажущиеся стрессогенными ситуации как опасные или угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги, напряжением, беспокойством, озабоченностью и нервозностью. Респонденты на момент тестирования находились в относительно спокойном эмоциональном состоянии. Однако в целом они обладают средним порогом чувствительности к различным стрессовым агентам и средней уязвимостью к воздействию различных стрессоров.

У подгруппы мужчин с низкой стрессоустойчивостью средние значения показателей реактивной тревожности находятся на границе между средним и высоким уровнями, а средние значения показателей личностной тревожности относятся к высокому уровню. Полученные результаты говорят о том, что испытуемые, имея устойчивую склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие и реагировать на такие ситуации состоянием тревоги, на момент тестирования испытывали некоторое напряжение, беспокойство и нервозность.

Показатели мужчин с высокой стрессоустойчивостью ниже показателей мужчин с низкой стрессоустойчивостью как по шкале реактивной тревожности, так и по шкале личностной тревожности ($p < 0,05$). Стрессоустойчивые мужчины менее склонны воспринимать стрессогенные или кажущиеся стрессогенными ситуации как опасные или угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги (т.е. повышением реактивной тревожности). Они менее уязвимы к воздействию различных стрессоров в целом.

В подгруппе женщин с высокой стрессоустойчивостью средние значения показателей реактивной и личностной тревожности находятся на среднем уровне. Это означает, что женщины из этой подгруппы достаточно уравновешенны и имеют средний порог чувствительности к различным стрессовым агентам. Ис-

пытуемые продемонстрировали умеренную склонность к переживаниям тревоги и беспокойства без достаточных оснований, умеренную склонность воспринимать стрессогенные или кажущиеся стрессогенными ситуации как опасные или угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги, среднюю уязвимость к воздействию различных стрессоров, умеренную склонность к эмоциональной реакции на стрессовую ситуацию напряжением, беспокойством, озабоченностью и нервозностью. На момент тестирования они находились в относительно спокойном эмоциональном состоянии.

У подгруппы женщин с низкой стрессоустойчивостью средние значения показателей реактивной и личностной тревожности относятся к высокому уровню. Полученные результаты говорят о том, что испытуемые уязвимы к воздействию различных стрессоров, они имеют склонность часто необоснованно воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие и реагировать на такие ситуации состоянием тревоги и на момент тестирования они испытывали напряжение, беспокойство и нервозность.

Показатели женщин с высокой стрессоустойчивостью ниже показателей женщин с низкой стрессоустойчивостью как по шкале реактивной тревожности, так и по шкале личностной тревожности ($p < 0,05$). Они менее склонны воспринимать стрессогенные или кажущиеся стрессогенными ситуации как опасные или угрожающие и реагировать на них состоянием тревоги. Они в целом менее уязвимы к воздействию различных стрессоров.

Во всех подгруппах испытуемых было выявлено, что стрессоустойчивость отрицательно коррелирует на статистически значимом уровне ($p < 0,05$) с реактивной и личностной тревожностью. Из этого следует, что чем более выражена стрессоустойчивость у респондентов, тем они менее тревожны. Таким образом, стрессоустойчивые испытуемые не имеют склонности к переживаниям тревоги и беспокойства без достаточных оснований. В свою очередь, респонденты с низкой стрессоустойчивостью склонны к беспочвенному переживанию тревоги и беспокойства. Они обладают низкой эмоциональной устойчивостью и фрустрационной толерантностью и в стрессогенной ситуации утрачивают спокойствие и самообладание.

Итак, были выявлены особенности соотношения стрессоустойчивости и тревожности у мужчин и женщин. Были рассмотрены четыре подгруппы респондентов: мужчины с высокой стрессоустойчивостью, мужчины с низкой стрессоустойчивостью, женщины с высокой стрессоустойчивостью и женщины с низкой стрессоустойчивостью. В каждой из подгрупп были проанализированы показатели реактивной и личностной тревожности и взаимосвязи показателей тревожности с показателями стрессоустойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреева А.А. Стрессоустойчивость как фактор развития позитивного отношения к учебной деятельности у студентов: дисс. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2009. 219 с.
- [2] Бережная Н.И. Стрессоустойчивость оперативных сотрудников таможенных органов // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов. 25—28 июня 2003 г.: в 8 т. СПб, 2003. Т. 1. С. 453—457.

- [3] *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. 528 с.
- [4] *Буланкина Н.Е.* Актуализация традиций психологического равновесия в современном поликультурном образовании // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 30 (2). С. 6—11.
- [5] *Бурлачук Л.Ф.* Психодиагностика. СПб., 2003. 320 с.
- [6] *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб., 2009. 336 с.
- [7] *Герасимова Е.Н., Визитова С.Ю.* Психолого-педагогическая технология повышения стрессоустойчивости // Психология образования в поликультурном пространстве. 2011. Т. 1. № 17. С. 55—59.
- [8] *Горьковая И.А., Баканова А.А., Маликова Т.В.* и др. Технологии психологической помощи в кризисных и чрезвычайных ситуациях: учебно-методический комплекс. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 249 с.
- [9] *Гримак Л.П., Дикая Л.Г.* Особенности регуляции функционального состояния оператора в процессе адаптации к особым условиям // Психологические проблемы деятельности в особых условиях. К.: Ника-Центр, 2006. 580 с.
- [10] *Димитриев Д.А., Саперова Е.В.* Основные закономерности формирования экзаменационного стресса у студентов. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2009. 189 с.
- [11] *Ильинский С.В., Гладышева Е.А.* Особенности стрессоустойчивости сотрудников противопожарной службы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2013. № 2 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stressoustoychivosti-sotrudnikov-protivopozharnoy-sluzhby>
- [12] *Исаева Е.Р.* Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 136 с.
- [13] *Карандашев В.Н., Лебедева М.С., Спилбергер Ч.* Изучение оценочной тревожности. Руководство по использованию. М., 1992. 43 с.
- [14] *Кудинов С.И.* Психологическая устойчивость личности как основа самореализации субъекта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 26—31.
- [15] *Смирнова Н.Н., Соловьев А.Г., Ксенофонов А.М., Родыгина Ю.К.* Профилактика нарушений стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов: методические рекомендации. Архангельск: Изд-во СГМУ. 2012. 19 с.
- [16] *Соловьева С.Л.* Тревога и тревожность: теория и практика // Медицинская психология в России. 2012. № 6 (17). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php
- [17] *Субботин С.В.* Устойчивость к психическому стрессу как характеристика метаиндивидуальности учителя: дисс. ... канд. психол. наук. Пермь, 1993. 152 с.
- [18] *Спилбергер Ч.Д.,* адаптация Ханин Ю.Л. Исследование тревожности // Диагностика эмоционально-нравственного развития. СПб., 2002. С. 124—126.
- [19] *Хромова А.С.* Стрессоустойчивость как фактор, препятствующий эмоциональному выгоранию личности. URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Psihologia/9_126870.doc.htm
- [20] *Шагиев Р.М.* Структурно-функциональные характеристики стрессоустойчивости в спортивной деятельности: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2009. 24 с.
- [21] *Щербатых Ю.В.* Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2008. 256 с.

RATIO FEATURES OF STRESS TOLERANCE AND ANXIETY IN MEN AND WOMEN

A.V. Mikheeva

Department of Social and Differential Psychology
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article discusses the ratio of stress tolerance to the level of personal anxiety. It provides a definition of the term “stress tolerance”, analyzes the concept of the “disquietude” and the “anxiety”: how different authors define these phenomena, what is different and what is in common. The concepts of “personal anxiety” and “situational anxiety” are given consideration. The views of foreign and domestic authors on anxiety as a factor that contributes to stress, as well as its components are discussed. An overview of the methods of measuring stress and anxiety is provided: a stress questionnaire of S.V. Subbotin, anxiety scale of Spielberger — Hanin. The results of domestic and foreign research on the identification of correlations between the variables of stress tolerance and anxiety are analyzed. We also consider the results of our own research, conducted on a sample of 149 men and 142 women in 2015—2016 years in Moscow. The results of four subgroups of the respondents are reviewed: men with high stress tolerance, men with low stress tolerance, women with high stress tolerance, and women with low stress tolerance. In each of the subgroups the variables of reactive and personal anxiety and connections between indicators of anxiety and indicators of stress tolerance are analyzed; the conclusions about the relationship of stress and anxiety in each subgroup are drawn.

Key words: resistance to stress, tolerance to stress, reactive anxiety, personal anxiety, stress questionnaire of S.V. Subbotin, anxiety scale of Spielberger — Hanin

REFERENCES

- [1] Andreeva A.A. *Stressoustojchivost kak faktor razvitiya pozitivnogo otnoshenija k uchebnoj dejatel'nosti u studentov: diss. ... kand. psihol. nauk* [Stress resistance as a factor in the development of a positive attitude to learning activities of the students: Ph.D. Thesis]. Tambov, 2009. 219 p.
- [2] Berezhnaya N.I. Stressoustojchivost operativnykh sotrudnikov tamozhennykh organov [Stress resistance in operative customs officers]. *Ezhegodnik Rossijskogo psikhologicheskogo obshhestva: Materialy 3-go Vserossijskogo sjezda psikhologov* [Yearbook of the Russian Psychological Society: Proceedings of the 3rd All-Russian Congress of psychologists]. St. Petersburg, 2003, vol. 1, pp. 453—457.
- [3] Bodrov V.A. *Psikhologicheskij stress: razvitie i preodolenie* [Psychological stress: development and overcoming]. Moscow, 2006. 528 p.
- [4] Bulankina N.E. Aktualizatsiya traditsiy psikhologicheskogo ravnesiya v sovremennom polikul'turnom obrazovanii [Actualization of psychological balance traditions in a modern, multicultural education]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2015, no 30 (2), pp. 6—11.
- [5] Burlachuk L.F. *Psihodiagnostika* [Psychodiagnosics]. St. Petersburg, 2003. 320 p.
- [6] Vodopyjanova N.E. *Psihodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of stress]. St. Petersburg, 2009. 336 p.
- [7] Gerasimova E.N., Vizitova S.Yu. Psikhologo-pedagogicheskaya tekhnologiya povysheniya stressoustojchivosti [Psychological and pedagogical technology to increase stress resistance]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2011, vol. 1, no 17, pp. 55—59.
- [8] Gorkovaya I.A., Bakanova A.A., Malikova T.V. and others. *Tehnologii psikhologicheskoy pomoshhi v krizisnykh i chrezvychajnykh situacijah: Uchebno-metodicheskij kompleks* [Technologies of

- psychological assistance in crisis and emergency situations: Teaching Complex]. St. Petersburg, A.I. Gercen RGPU Publ., 2008. 249 p.
- [9] Grimak L.P., Dikaja L.G. Osobennosti reguljacii funkcionalnogo sostojanija operatora v processe adaptacii k osobym uslovijam [Features of regulation of the functional state of the operator in the process of adaptation to the specific conditions]. *Psichologicheskie problemy dejatelnosti v osobih uslovijah* [Psychological problems of activity in special conditions]. Kiev, Nika-Centr Publ., 2006. 580 p.
- [10] Dimitriev D.A., Saperova E.V. Osnovnye zakonomernosti formirovanija ekzamenacionnogo stressa u studentov [Basic laws of formation of examination stress in students]. Cheboksary, Chuvash. Univ. Publ., 2009. 189 p.
- [11] Ilinskij S.V., Gladysheva E.A. Osobennosti stressoustojchivosti sotrudnikov protivopozharnoj sluzhby [Features of stress tolerance in fire service employees]. *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of Samara Humanitarian Academy]. 2013, no 2 (14). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-stressoustojchivosti-sotrudnikov-protivopozharnoy-sluzhby>
- [12] Isaeva E.R. *Koping-povedenie i psichologicheskaja zashhita lichnosti v uslovijah zdorovja i bolezni* [Coping behavior and psychological protection of the individual in terms of health and disease]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2009. 136 p.
- [13] Karandashev V.N., Lebedeva M.S., Spilberger Ch. *Izuchenie ocenочноj trevozhnosti. Rukovodstvo po ispolzovaniju* [Anxiety Learning Assessment. Instructions for use]. Moscow, 1992. 43 p.
- [14] Kudinov S.I. Psichologicheskaja ustojchivost lichnosti kak osnova samorealizacii subjekta [Psychological resistance of personality as the basis of self-realization of the subject]. Vestnik RUDN. Serija: Psichologiya i pedagogika [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Psychology and Pedagogy]. 2015, no 1, pp. 26–31.
- [15] Smirnova N.N., Solovjev A.G., Ksenofontov A.M., Rodygina Ju.K. *Profilaktika narushenij stressoustojchivosti sotrudnikov pravoohranitelnyh organov: metodicheskie rekomendacii* [Preventing disorders in stress resistance in law enforcement personnel: guidelines]. Arhangelsk, SGMU Publ., 2012. 19 p.
- [16] Solovyeva S.L. Trevoja i trevozhnost: teorija i praktika [Anxiety: Theory and Practice]. *Medicinskaja psichologija v Rossii* [Medical psychology in Russia]. 2012, no 6 (17). Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer14.php
- [17] Subbotin S.V. *Ustojchivost k psichicheskomu stressu kak kharakteristika metaindividualnosti uchitelja: Diss. kand. psihol. nauk* [Resistance to mental stress as a characteristic of meta-individuality of the teacher: Ph.D. Thesis. Perm, 1993. 152 p.
- [18] Spilberger Ch.D., Hanin Ju.L. Issledovanie trevozhnosti [Study of anxiety]. *Diagnostika emocionalno-nravstvennogo razvitiija* [Diagnostics of emotional and moral development]. St. Petersburg, 2002, pp. 124–126.
- [19] Hromova A.S. Stressoustojchivost kak faktor, prepjatstvujushhij emocionalnomu vygoraniju lichnosti [*Stress resistance as a factor preventing personality emotional burnout*]. Available at: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2013/Psihologija/9_126870.doc.htm
- [20] Shagiev R.M. Strukturno-funcionalnye kharakteristiki stressoustojchivosti v sportivnoj dejatelnosti: avto-ref. diss. ... kand. ped. nauk [Structural and functional characteristics of the stress tolerance in the sports activity: Ph.D. Thesis Abstract]. Yaroslavl, 2009. 24 p.
- [21] Scherbatyh Ju.V. *Psichologiya stressa i metody korrekcii* [Psychology of stress and methods of correction]. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 256 p.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЯ-ПРЕДМЕТНИКА ПРИ ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ

С.Е. Мансурова¹, Р.А. Дощинский²

¹ Кафедра методики обучения биологии

² Кафедра филологического образования

Московский институт открытого образования

ул. Тимирязевская, д. 36, Москва, Россия, 127422

Деятельностный подход, по-разному преломляясь на разных уровнях образования, поставил много новых задач для педагогов. Методологической основой Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) и дополнительного образования выступает компетентностный подход, методологической основой Федеральных государственных образовательных стандартов общего образования (ФГОС ОО) — системно-деятельностный. Применительно к педагогам общего образования (учителям) главной задачей является преодоление противоречия между реальным уровнем их квалификации и новыми высокими требованиями к ним. Эти требования обозначены в ведущих нормативных документах — ФГОС ОО, профессиональном стандарте «Педагог». Для системы повышения квалификации педагогов авторы статьи предлагают комплексный подход, который объединяет компетентностный и системно-деятельностный подходы. При этом применение комплексного подхода существенно различается для учителей, преподающих предметы гуманитарного и естественно-научного профилей. В работе приведены примеры заданий для различных категорий учителей, отмечена специфика проектно-исследовательской деятельности, а также особенность организации процесса проблематизации на уроках и во внеурочной деятельности учителя, дифференцированы универсальные учебные действия с позиции вариативной составляющей. В то же время авторы понимают необходимость учета инвариатного компонента в преподавании гуманитарных и естественнонаучных предметов. Данный тезис является отражением общей тенденции к интеграции и междисциплинарности.

Ключевые слова: компетентностный подход, системно-деятельностный подход, повышение квалификации, естественнонаучное и гуманитарное образование

В динамично меняющемся мире успешность профессиональной деятельности напрямую связана со способностью (готовностью) учиться в течение всей жизни. Это всецело относится и к учителю, который сегодня находится в новых условиях: внедряются федеральные государственные образовательные стандарты обще-

го образования (ФГОС ОО), выстроенные на системно-деятельностной методологии, апробируется профессиональный стандарт «Педагог» (Профстандарт), открываются классы инклюзивного образования, появляется многообразие форм обучения (или видов образования): общее, гимназическое, лицейское, кадетское, профильное и др. Анализ образовательной ситуации в России XXI в. позволяет выделить существенные проблемы, от решения которых зависит процесс совершенствования системы образования в соответствии с требованиями общества, достижениями в области психолого-педагогических наук и ожиданиями всех участников образовательной деятельности. Одна из важнейших проблем — совершенствование профессиональной компетентности педагогических кадров.

Покажем сравнительные особенности обучения для гуманитарной и естественно-научной предметных областей (табл. 1).

Таблица 1

**Гуманитарная и естественно-научная предметные области:
сравнение особенностей обучения**

Параметры сравнения	Естественно-научная предметная область	Гуманитарная предметная область
Объект изучения	Природа	Человек и общество
Ведущий вид учебной деятельности	Решение учебно-познавательных и учебно-практических задач, основанных на принципах научного метода познания (опытная деятельность). Учебно-исследовательская деятельность	Решение учебно-познавательных и учебно-практических задач, основанных на работе с текстом (текстоориентированная деятельность). Социально-проектная деятельность
Тип познания, его физиологическая природа	Преимущественно рационально-логическое познание, левополушарное мышление	Преимущественно эмоционально-образное познание, правополушарное мышление
Специфические учебные умения	Проведение наблюдений, эксперимент, описание, объяснение, предсказание фактов и явлений	Диалогическое общение, речевые умения, интерпретация, поиск смыслов, рефлексия, критическое мышление
Результат познания	Формирование представлений о научной картине мира, объективной реальности («истина»)	Формирование субъективной реальности («правда»)

Рассмотрим подробнее особенности учебной деятельности слушателей естественно-научной и гуманитарной предметной области

Решение профессиональных задач. Анализ учебных умений, формирование которых вменяется педагогам ФГОС ОО, показывает, что наиболее универсальным умением выступает смысловое чтение. В современном обществе навык смыслового чтения по праву считается фундаментом всего последующего образования, он имеет метапредметный (надпредметный) характер, а умения такого чтения относятся к универсальным учебным действиям. Смысловое чтение включает осмысление цели чтения и выбор вида чтения в зависимости от цели; извлечение необходимой информации из текстов различных стилей и жанров; определение основной и второстепенной информации; восприятие, понимание и адекватную оценку языковой ткани текстов; свободную ориентацию в мире текстов, их интерпретацию и творческое преобразование [9].

Текст представлен во всех предметах. При этом доминирующие стили речи предлагаемых текстов в предметах гуманитарного и естественно-научного циклов

заметно различаются. Так, в предметах естественно-научного цикла учитель прежде всего обращается к текстам научного или (реже) официально-делового стиля речи, а в предметах гуманитарного цикла — к текстам публицистического, художественного, разговорного стилей речи.

Смена стилевого репертуара текстов влечет за собой и особенности работы с ними. Очевидно, что тексты, например, *научного стиля* требуют целенаправленного разбора, аргументации, конструирования закономерностей. Ведущая цель при работе с естественно-научным текстом статьи, параграфом учебника заключается в обеспечении адекватного (полного и точного) понимания информации, содержащейся в научном тексте. Такая установка означает, что имеется типовой эквивалент понимания, некий однозначно интерпретируемый «авторский коридор».

В отличие от естественно-научных, тексты *художественного стиля речи* главным образом предполагают свободное чтение, ассоциативное размышление, дискуссию, сочинительство. В современной лингвистической науке художественный текст осмыслен Ю.М. Лотманом как «конденсатор культурной памяти» [6. С. 21]. «Раскрыть текст — значит “понять культуру и одновременно понять самого себя”», — считает В.В. Колесов [4. С. 376]. По мнению О.Н. Левушкиной, в гуманитарном образовании должен быть раскрыт лингвокультурологический потенциал текстов (метафорически выраженные культурные смыслы, языковая картина мира этноса и др.) [5].

Сформулируем для слушателей курсов повышения квалификации педагогическую задачу, решение которой направлено на умение формировать навыки смыслового чтения у школьников: «Составить задания для работы с текстом параграфа (научной статьи, рассказа, руководства к прибору и т.д.)». С учетом сказанного выше решение этой задачи учителями разных предметных областей должно включать создание инвариантных заданий (выделение главной мысли, нахождение определенной информации, толкование новых терминов и т.д.) и вариативных заданий. Сущность и формулировка последних основаны на особенностях соответствующей предметной области (см. табл. 1). Вопросы к естественно-научным текстам следует формулировать, основываясь на научном методе, нацеленном на поиск объективной истины. Вопросы к гуманитарным текстам должны быть основаны на выявлении их субъективного смысла, диалогического понимания (табл. 2).

Таблица 2

Вариативные задания по работе с текстом

Вопросы к естественно-научным текстам	Вопросы к гуманитарным текстам
Вопросы на описание: «что?»; «о чем?»; «где?»; «как?»; «когда?» Вопросы на объяснение: «почему?»; «какая взаимосвязь?»; «по какой причине?» Вопрос на предсказание: «что будет, если..?» Вопросы по моделированию исследования: «какая гипотеза?»; «какой ход исследования?»	Вопросы на интерпретацию: «как вы думаете, что хотел сказать автор текста, описывая..?»; «в чем соотносится содержание текста с вашим собственным опытом?»; «что, с вашей точки зрения, может произойти в будущем?» Вопросы на оценку: «правильно ли поступил тот или иной персонаж?»; «какова мораль данного произведения?»

Профессиональные педагогические задачи по обучению навыкам смыслового чтения и его оценке предъявляются последовательно. Задача «Разработайте критерии и показатели сформированности навыков смыслового чтения», как и предыдущая, полностью или частично выполняется в ходе групповой работы, а ее решение может превратиться в полноценные педагогические памятки «Как работать с текстом», «Как оценивать умения смыслового чтения».

Мы живем в информационном обществе, поэтому такое метапредметное умение, как умение работать с информацией все больше выходит на первый план. Научить педагога формировать это умение можно с помощью соответствующих заданий, предлагаемых для групп слушателей или для индивидуального выполнения.

Инвариантные задания. На основе текстов учебников сформулируйте задания по поиску информации, ее анализу, обобщению; созданию информации на бумажных и электронных носителях.

Вариативные задания для учителей гуманитарного цикла. На основе текста учебника сформулируйте задания по интерпретации информации; по созданию собственной информации типа эссе, творческие задания.

Вариативные задания для учителей естественно-научного цикла. На основе текста учебника сформулируйте задания по переводу информации из одного вида представления в другой (график, схема, диаграмма, текст); по созданию модели, по созданию классификации.

Проектно-исследовательская технология. В рамках этой технологии существует очевидная вариативность. В ходе естественно-научного учебного исследования происходит овладение научными знаниями и методами самостоятельного их приобретения, установление естественно-научных закономерностей, их анализ.

Целью и ценностью проектной и исследовательской деятельности в рамках гуманитарной предметной области выступает конкретный человек, проникновение в его уникальный внутренний мир. В этом проявляется гуманитарная методология, основное содержание которой — рефлексия, интерпретация и коммуникация индивидов по поводу содержания смыслов и методов собственной деятельности [3]. Обучая учителей-гуманитариев организации проектно-исследовательской деятельности школьников, преподаватель в системе повышения квалификации должен учитывать специфику предметного содержания. В частности, следует обратить внимание на духовно-нравственный, ценностно-ориентированный компонент самого продукта проектно-исследовательской деятельности, важность проявления в нем субъективных позиций, взглядов, точек зрения.

Проблематизация обучения. Сегодня становится аксиомой, что учебную деятельность следует основывать на анализе проблемных ситуаций, решение которых составляет сущность мыслительной деятельности обучающихся. Проблемные ситуации могут предъявляться как на мотивационном, так и на других этапах занятий, они могут рассматриваться в ходе проблемных лекций, эвристических бесед, деловых игр. Профессиональные проблемные ситуации моделируют кейсы, которые имеют многозначные решения и способствуют развитию навыков критического мышления педагогов. Данные кейсы направляют деятельность слу-

шателей на самостоятельное формулирование профессиональной проблемы, сбор требуемой информации, предложение вариантов решения проблемы, их анализ. Обучение на курсах повышения квалификации на основе решения проблемных ситуаций всецело оправдано тем, что у слушателей есть необходимый профессиональный опыт, знания и умения для погружения в проблемные ситуации.

Поисковые методики способствуют решению разных профессиональных проблем. Не секрет, что учитель испытывает значительные затруднения при выявлении проблемных ситуаций в ходе обучения школьников. Поэтому на занятиях слушатели должны учиться формулировать проблемные ситуации исходя из их наличных признаков (неизвестное, противоречие, потребность (С.Л. Рубинштейн)) и условий их возникновения, когда обучающийся не может решить задачу из-за нехватки знаний и умений.

Сущность проблемных ситуаций отличается в разных предметных областях. В естественно-научной предметной области они основаны на объективных противоречиях, неизвестных фактах, явлениях. Методы и приемы проблемного обучения здесь отрабатывают умения выстраивать причинно-следственные связи, выявлять искомые закономерности, выдвигать и проверять гипотезы. В свою очередь, в гуманитарной предметной области подход к выявлению и решению проблемных ситуаций носит в значительной степени субъективный характер. Так, обсуждаемая проблематика при обучении учителей-гуманитариев — это способность человека отстаивать свои взгляды, собственную позицию, понимать другого человека, учитывать чужое мнение, строить конструктивный диалог, грамотно выходить из конфликтной ситуации и т.д.

В заключение проанализируем требования к результатам общего образования и совершенствованию профессиональных компетенций учителя.

Специфика гуманитарной и естественно-научной предметных областей обуславливает специфику результатов обучения в системе повышения квалификации учителей, то есть нацеливает обучение на формирование не только общих (инвариантных) универсальных учебных действий (УУД), но и конкретных, вариативных. Остановимся на УУД, обучение формированию которых различается для рассматриваемых предметных областей.

Учебная деятельность в рамках научного метода естественно-научной предметной области способствует приоритетному формированию *познавательных* УУД. Повышение квалификации учителя через названные выше подходы позволяет формировать умения школьников, развивающие в первую очередь их рациональную (логико-понятийную) сферу сознания.

Способность и готовность формировать по преимуществу *коммуникативные* и *личностные* УУД можно рассматривать в качестве вариативных результатов обучения в системе ДПО для учителя-гуманитария. В связи с социальным запросом на широкую гуманитаризацию и гуманизацию образования остановимся на этих результатах подробнее.

Формирование коммуникативных УУД находится в тесной взаимосвязи с педагогическим принципом диалогизма. Согласно этому принципу обучение организуется в естественных для общения условиях или максимально приближенных

к ним [2. С. 65—67]. В этом случае цель обучения (овладение языком как средством общения) и средство достижения цели (речевая деятельность) выступают в единстве [1. С. 213—214]. Преподаватель в системе ДПО создает слушателю условия для реализации практических возможностей освоения педагогики учебного диалога, чтобы в последующем эффективные диалогические формы организации учебной деятельности были широко использованы на уроках и во внеурочной деятельности.

Личностные УУД также актуализированы преимущественно в гуманитарном образовании. Художественные тексты как отражение гуманитарной культуры содержат в себе не столько знания, сколько ценности, в отличие от объективных, ценностно нейтральных естественнонаучных закономерностей. Например, учителя химии в большинстве своем адекватно относятся к желанию школьников иметь свое суждение по поводу таблицы Д.И. Менделеева и тем более активно его отстаивать, а учителя биологии — к мнению учащихся о клеточной теории или законах генетики. Однако учителя-«естественники» справедливо видят в таких фактах прикрытие учеником незнания учебного материала, неумение объяснить научные концепции.

Итак, повышение квалификации учителя должно способствовать формированию не только когнитивно-деятельностных компонентов его профессиональных компетенций, но и личностных компонентов, что более важно. Речь идет о саморазвитии субъекта за счет сознательного и активного присвоения нового социального опыта (в нашем случае — профессионального опыта), совершенствования социокультурных компетенций, самоорганизации своего успешного жизнепроявления в профессии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2009.
- [2] Зайдман И.Н. Коммуникативный подход в гуманитарном образовании // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 6 (49).
- [3] Имакаев В.Р. Феномен учительства в социально-философском и гуманитарно-проектном измерениях. Пермь: Из-во ПГУ, 2004.
- [4] Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб., 2003.
- [5] Левушкина О.Н. Методическая интерпретация лингвокультурологических характеристик текста на уроках русского языка. Монография. Ульяновск: УлГТУ, 2013.
- [6] Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- [7] Карташова В.Н. Методический аспект проблемы речевой культуры студентов педагогических факультетов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2012. Т. 1. № 17. С. 85—90.
- [8] Пищулин В.Н. Реализация компетентностного подхода в подготовке бакалавров в сфере туризма на занятиях по экономическим дисциплинам // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 30 (2). С. 139—144.
- [9] Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897).

ACTIVITY APPROACH AND FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCIES IN SUBJECT TEACHERS IN THE COURSE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT TRAINING

S.E. Mansurova¹, R.A. Doshchinskij²

¹ Department of Biology teaching techniques

² Department of Philological education

Moscow Institute of Open Education

Timiryazevskaya str., 36, Moscow, Russia, 127422

Activity approach, differently refracted at different levels of education, has put many new challenges for teachers. The competence approach acts as the methodological basis of the state educational standard of higher professional education, additional professional education; the system-activity approach acts as the methodological basis of the standards of General education. With regard to teachers of General education, the main task is to overcome the contradiction between the real level of their qualifications and new high requirements for them. These requirements are outlined in the leading normative documents of the educational standards, Professional standard “Teacher”. For the system of teacher professional development the authors of this article propose an integrated approach that combines competence-based and system-activity approaches. The integrated approach differs substantially for teachers who teach subjects of Humanities and science profiles. The paper presents the examples of tasks for various categories of teachers, the specifics of the project and research activities, as well as the characteristics of the process of problematization in the classroom and in extracurricular activities of the teachers. The universal educational actions are differentiated from the position of the variable component. At the same time the authors understand the necessity of taking into account the invariant component in the teaching of humanitarian and natural science disciplines. This thesis is a reflection of the general trend towards integration and interdisciplinarity.

Key words: competence-based approach, system-activity approach, professional development, natural and humanitarian education

REFERENCES

- [1] Azimov E.G., Schukin A.N. *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy* [The new dictionary of methodological terms and concepts]. Moscow, IKAR Publ., 2009.
- [2] Zaidman I.N. Kommunikativnyy podkhod v gumanitarnom obrazovanii [Communicative approach to liberal education]. *Mir nauki, kultury i obrazovaniya* [World of Science, Culture and Education]. 2014, no 6 (49).
- [3] Imakaev V.R. *Fenomen uchitelstva v sotsialno-filosofskom i gumanitarno-proektnom izmereniyakh* [The phenomenon of teaching in social, philosophical and humanitarian-project dimension]. Perm, Perm State Univ. Publ., 2004.
- [4] Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazykoznaneya: Ocherki i etyudy* [The history of Russian linguistics: Essays and sketches]. St. Petersburg, 2003.
- [5] Levushkina O.N. *Metodicheskaya interpretatsiya lingvokulturologicheskikh harakteristik teksta na urokakh russkogo yazyka* [Methodical interpretation of the linguistic characteristics of the text at the Russian language lessons]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical Univ. Publ., 2013.
- [6] Lotman Y.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside thinking worlds]. Moscow, 1996.
- [7] Kartashova V.N. Metodicheskiy aspekt problemy rechevoy kultury studentov pedagogicheskikh fakultetov [Methodological aspect of the problem of speech culture in students of pedagogical faculties]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikulturnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2012, vol. 1, no 17, pp. 85–90.

- [8] Pishchulin V.N. Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v podgotovke bakalavrov v sfere turizma na zanyatiyakh po ekonomicheskim distsiplinam [The implementation of competence-based approach in bachelors training in the field of tourism on economic disciplines classes]. *Psikhologiya obrazovaniya v polikulturnom prostranstve* [Psychology of education in a multicultural space]. 2015, no 30 (2), pp. 139—144.
- [9] *Federalnyy gosudarstvennyy obrazovatelnyy standart osnovnogo obschego obrazovaniya* [The Federal state educational standard of secondary comprehensive education]. Moscow, 2010.

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.Н. Карташова, Е.А. Исаев

Кафедра иностранных языков и методики их преподавания
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
ул. Коммунаров, 28, 1, Елец, Липецкая обл., Россия, 399770

В статье рассматриваются организационно-методические основы поликультурной самоорганизации языковой личности студента в условиях дополнительного иноязычного образования. По мнению авторов, методологическую основу составляет диалог культур как философия взаимопонимания, взаимоотношения в современной глобальной среде. Изменение социокультурного контекста парадигмы иноязычного образования позволяет выбрать поликультурный (обучение иностранному языку по принципу «родная культура — культура страны изучаемого языка — культуры мира») и деятельностный (развитие и функционирование человека в процессе деятельности, где исходным пунктом выступает приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие) подходы как приоритетные. Содержание дополнительного образования ориентировано на раскрытие и возможное решение отдельных проблем, возникающих в образовательной практике, и базируется на принципах гуманизма и диверсификации.

В статье дан анализ отдельных программ дополнительного образования и профессиональной переподготовки в сфере иностранных языков, разработанных вузами в последние десятилетия. Авторами представлен опыт научно-методической разработки и реализации на базе кафедры иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина системы дополнительного иноязычного образования, обеспечивающей поликультурную самоорганизацию языковой личности студента. Приводится описание программы профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)», предназначенной для студентов неязыковых направлений подготовки. Показана положительная динамика владения иностранным языком, развития глобального отношения языковой личности к культуре и ее культурного самоопределения.

Ключевые слова: дополнительное образование, иностранный язык, поликультурная самоорганизация, языковая личность студента, методология

В настоящее время в современном обществе востребованы специалисты, владеющие иностранным языком и обладающие умением воспринимать разнообразные точки зрения, способствовать взаимопониманию и сотрудничеству между представителями других национальностей, этносов, рас, религий и социального статуса. В статье 14 Закона РФ «Об образовании» утверждается, что личность должна быть «интегрирована в систему национальной и мировой культур и нацелена на совершенствование окружающего ее общества» [4]. В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования в качестве требования к результатам освоения программы бакалавриата заявлено формирование способности к коммуникации в устной и письменной формах на русском

и иностранном языках для решения задач личностного и межкультурного взаимодействия. Все это актуализирует проблему развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента.

Наиболее значимой характеристикой XXI в. является глобализация. Происходит сближение народов, становление единого взаимозависимого мира, укрепление взаимоотношений между разными народами и странами в области политики, экономики, культуры и образования. В таком взаимозависимом мире общество не остается неизменным. Для поликультурного общества становится актуальным, с одной стороны, развитие универсальности, глобализации, с другой стороны, стремление к сохранению самобытности каждой отдельно взятой культуры. Данные тенденции породили проблему поликультурной самоорганизации языковой личности, заключающуюся в формировании личности нового типа, способной быть динамичной, постоянно меняться в зависимости от условий существования и сотрудничества с другими людьми, осуществляющегося в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и поведения, различающихся культурно-языковых картин мира, особенных психологических характеристик. Наряду с этим личность должна быть культурно-самобытной, ответственной за собственную жизненную траекторию, а также быть способной к анализу представлений других народов о поликультурном мире, о способах сосуществования в нем.

Опираясь на вышеизложенное, делаем вывод, что поликультурная самоорганизация языковой личности — это процесс мобилизации и структурирования способностей, умений строить диалог культур при осуществлении профессиональной функции. С деятельностной точки зрения поликультурную самоорганизацию следует рассматривать «как неограниченную последовательность динамических процессов разнообразного свойства (самонаблюдения, самоидентификации, самоанализа, саморегуляции, самомотивирования), когда под влиянием различных обстоятельств требуется переструктурирование (управляемого или неуправляемого) компонентов системы, внесение новых элементов для ее оптимального состояния» [5. С. 154]. С результативной точки зрения поликультурная самоорганизация языковой личности студента — это качество, выраженное в развитии кросс-культурной сферы языковой личности, глобального отношения к культуре, а также ее культурного самоопределения (Е.А. Исаев). Культура, являясь «средой, растящей и питающей личность» (П. Флоренский), «средством, с помощью которого человек обретает самого себя» (В.В. Воробьев), обеспечивает вектор развития поликультурной самоорганизации.

В научном психолого-педагогическом дискурсе сущность самоорганизации личности рассматривается с точки зрения сознательно-личностного (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Н.М. Пейсахов и др.), деятельностного (Д.А. Ишков, А.Ю. Киселёва, М.А. Пахмутова, Л.В. Фалеева и др.), интегрального (личностно-деятельностного) (С.С. Амирова, Н.А. Заенутдинова, О.Н. Князькова, Н.П. Попова, Ю.А. Цагарелли и др.) и технического (В.И. Андреев и др.) подходов, выявляющих механизмы и средства ее формирования. Сущность и возможности языковой личности как когнитивно-коммуникативного инварианта, обобщенного образа носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных

ценностей, знаний, установок и форм поведения более активно раскрываются с лингвистических, социолингвистических, психологических аспектов обучения билингвизму. А.С. Маркосян рассматривает овладение вторым языком в качестве теоретической и лингводидактической проблемы. О.А. Колыханова фокусирует внимание на социокультурные и философские аспекты билингвизма, Е.К. Черничкина обсуждает проблемы лингвистического статуса и характеристик искусственного билингвизма. А.А. Залевская изучает вопрос взаимодействия языков при двуязычии, акцентируется внимание на когнитивные аспекты двуязычия, метаязыковые процессы и т.п. Несмотря на определенные подвижки в изучении данного вопроса, все еще остается ряд проблем, требующих внимания ученых. К ним можно отнести проблему реализации потенциала дополнительного иноязычного образования в развитии поликультурной самоорганизации языковой личности студента.

Как известно, язык является ключом к пониманию различных культур, открывает пространство для поликультурного обогащения учащегося, формирования и проявления в нем межкультурной толерантности, а также воспитания ценностного отношения к родной культуре. Прочная связь между личностью и культурой выступает основным механизмом поликультурного развития студентов в процессе изучения языков и культур. Развитие личности происходит в процессе восприятия современного многонационального и многоязыкового мира; понимания актов культуры других стран, народов, культурных сообществ; овладения способами презентации родной культуры в другой среде [7. С. 153]. В этом случае имеет смысл говорить о важности создания образовательного средства, способствующего поликультурной самоорганизации языковой личности.

По нашему убеждению, основанному на собственном опыте и анализе научно-методической литературы, дополнительное иноязычное образование может явиться именно таким действенным инструментом, позволяющим развивающейся личности студента максимально реализовать себя, самоорганизоваться предметно, социально, профессионально, личностно, культурно (Н.С. Горшкова, Г.И. Гусев, Л.В. Журавлёва, В.А. Леках, К.С. Махмурян, Н.А. Морозова, А.В. Мудрик, Г.В. Панкин и др.).

Как известно, в иноязычном образовании реализуется гуманистическая парадигма с приоритетом человеческих ценностей, жизнедеятельности и здоровья личности, а также ее свободного развития; становится важной воспитательная составляющая, а именно, воспитание патриотизма, национального самосознания, социальной самоопределения, гражданской позиции, уважения к правам и свободам личности, любви к окружающей среде, родине, семье; обеспечивается культурное самоопределение личности в адекватных современной социокультурной среде условиях для самореализации, творческого развития и образования через всю жизнь [2]. Также иноязычное образование является универсальной «площадкой» для «внедрения» культуры в содержание образовательной среды, где культура реализует свою коммуникационную и символическую природу и выступает элементом, связывающим нравственную, интеллектуальную, духовную жизнь общества и человека.

Рассмотрим методологические аспекты организации дополнительного иноязычного образования с целью поликультурной самоорганизации языковой личности студента.

Изучение трудов ученых (М.М. Бахтин, В.С. Библер, М. Бубер, А. Вебер, В.В. Сафонова и др.) говорит о том, что диалог культур следует считать методологическим основанием развития готовности языковой личности студента к поликультурной самоорганизации, так как диалог культур — это основной принцип взаимодействия культур в поликультурном глобальном мире.

В связи с изменением социокультурного контекста парадигмы иноязычного образования и выдвиганием необходимости поликультурной самоорганизации языковой личности основополагающими должны являться поликультурный и деятельностный подходы.

Важность реализации поликультурного подхода (П.В. Сысоев) заключается в первую очередь в сущности понимания содержания обучения иностранному языку. С этой точки зрения, «языковое поликультурное образование предполагает культурное многообразие тематического наполнения учебно-методических комплексов по иностранным языкам и языковым курсам по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.)» [9. С. 14], что позволяет обеспечить поликультурное развитие языковой личности студента. В результате у студентов будет формироваться представление о культурном многообразии как норме сосуществования культур в современном поликультурном пространстве стран родного и иностранного языков [3; 9]. Кроме того, основная стратегия применения поликультурного подхода к дополнительному иноязычному образованию — обучение иностранному языку по принципу «родная культура — культура страны изучаемого языка — культуры мира», позволит обеспечить развитие поликультурной самоорганизации языковой личности студента — внутренней способности человека автономно повысить свой профессионализм и воспитать себя в духе толерантности, понимания и признания людей других культур, а также культурного самоопределения.

Поскольку поликультурная самоорганизация есть развитие и функционирование человека в процессе деятельности, а «исходным пунктом любой деятельности является приобщение человека к миру культуры и его саморазвитие» [1. С. 116], мы полагаем, что именно деятельностный подход должен быть в основе организации дополнительного иноязычного образования, выступающего средством поликультурной самоорганизации языковой личности. Именно «деятельность является динамично саморазвивающейся иерархической системой взаимоотношений субъекта с миром, в процессе которых происходит рождение психического образа, осуществление, преобразование и реализация опосредованных психическим образом взаимодействий субъекта в предметной действительности» [1. С. 119].

Психологи утверждают, что анализ системы деятельностей, организующих функционирование человека в обществе, позволяет раскрыть такую многоуровневую системообразующую категорию, как личность, в том числе и языковую (А.Г. Асмолов, Н.А. Бернштейн, А.Н. Леонтьев и др.). А.Г. Асмолов заявляет, что, «пытаясь понять личность вне контекста реального процесса взаимоотношений

субъекта в мире», исследователь обречен на обесмысливание изучения ее сущности. Рассматривать личность вне анализа деятельности — значит сбрасывать со счетов ключевой для понимания любой саморазвивающейся системы вопрос: «для чего» (Н.А. Бернштейн) возникает личность как совершенно особая реальность? Эволюция образа жизни, развитие психики человека в биогенезе, социогенезе и персоногенезе приводят к появлению личности как особого «элемента» системы, обеспечивающего ориентировку в мире социальных отношений и преобразование образа жизни [1. С. 119]. Поэтому логическая операция изъятия поликультурной самоорганизации языковой личности из процесса взаимоотношений субъекта с миром, культурой, исключение разнообразия его деятельностей препятствует изучению специфики становления, развития и функционирования личности в обществе как самостоятельной, самоорганизующейся системы.

Мы полагаем, что в основе поликультурной самоорганизации языковой личности студента в контексте методологии деятельностного подхода должны быть положены принципы предметной детерминации и активности, ибо именно их реализация позволит активизировать образовательный процесс по дополнительным программам с учетом сущности рассматриваемого нами феномена.

С психологической точки зрения специфика предметной детерминации заключается в том, что объекты культуры не самостоятельно оказывают влияние на субъекта — языковую личность, а определяют становление образа мира, лишь видоизменившись в деятельности, превратясь в ее продукт — кросс-культурную сферу языковой личности и приобретая тем самым системные качества — глобальное отношение к культуре и культурное самоопределение.

В методологии деятельностного подхода отстаивается положение о том, что поведение личности в обществе и ее познание окружающего мира носят активный пристрастный характер. Исходя из этого, развитие поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе дополнительного образования рассматривается как активный процесс познания мира человеком, который обусловлен различного рода ценностями, целями, установками, потребностями, эмоциями, прошлым опытом.

В связи с тем, что дополнительное образование должно реализовать современные потребности общества, его содержание необходимо сориентировать на раскрытие и возможное решение отдельных проблем, возникающих в образовательной практике, и базируется на принципах гуманизма и диверсификации [8].

Сущностная основа базируется на принципе гуманизма, т.е. признании уникальности личности, ее праве на приобщение к ценностям мировой и национальной культур, на самоопределение и выбор собственной траектории развития и принципе диверсификации. Диверсификация оценивается как «инструмент, позволяющий личности в любое время и с любым уровнем языкового образования получить требующиеся ему новые знания в лингвистической области, профессиональной сфере» [8].

Обзор предложений на отечественном рынке образовательных услуг показал, что в вузах страны накоплен определенный опыт по реализации программ дополнительного образования и профессиональной переподготовки в сфере иностранных языков. Наибольшую популярность имеют такие программы, как «Пе-

ревод и переводоведение», «Межкультурная коммуникация», «Методика преподавания иностранных языков», «Иностранный язык делового общения», «Использование иностранных языков в работе административно-управленческого персонала среднего звена», «Корпоративные интенсивы (профессиональное общение)», «Подготовка к международным сертификационным экзаменам», «Референт со знанием иностранного языка», «Использование иностранных языков в менеджменте предприятий и учреждений».

Анализ программ дополнительного образования говорит об отсутствии работок, нацеленных на поликультурную самоорганизацию языковой личности. Условно все реализуемые программы можно разделить на две группы:

- программы для лиц, получающих (получивших) образование в сфере иностранных языков и желающих расширить свои квалификационные возможности или определить профиль своей будущей профессиональной деятельности;
- программы для лиц, получающих лингвистическое образование, но желающих приобрести профессию / компетенцию, связанную с владением иностранных языков, тем самым повысив свою конкурентоспособность.

В зарубежных вузах также активно практикуется дополнительное образование. К примеру, особенно востребованы среди настоящих и будущих учителей иностранного языка дополнительные профессиональные программы в Германии, Англии, Франции, Испании. Срок обучения обычно составляет от одной до четырех недель. Стажировки по разным направлениям в сфере менеджмента, маркетинга, финансов также пользуются спросом. Студенты направлений подготовки сервиса и туризма могут пройти стажировки в популярных курортных и туристических странах мира.

Проанализировав опыт работы российских и зарубежных методистов, занятых в сфере дополнительного иноязычного образования и выявив педагогический потенциал данного социального института, мы разрабатываем и реализуем программы дополнительного образования по иностранным языкам для слушателей, имеющих или получающих базовые образовательные услуги, не имеющие лингвистической направленности.

Созданная на базе кафедры иностранных языков и методики их преподавания ЕГУ им. И.А. Бунина система дополнительного иноязычного образования обладает как универсальными, так и специфическими особенностями, проявляющимися в целях, задачах, структуре, формах обучения и контроля, в создании особой культурно-образовательной среды, обеспечивающей поликультурную самоорганизацию языковой личности студента. Система является автономной, самодостаточной, обладающей такими качествами, как кумулятивность, динамичность и гибкость, позволяющими ей относительно самостоятельно совершенствоваться и развиваться.

Разрабатываемая и активно внедряемая в практику система основывается на методологических принципах, описанных выше, и функционирует в двух подсистемах: интенсивных многоуровневых курсах английского языка и программе профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)».

В процессе работы мы делаем акцент не только на концептуальные положения, но и на организационные особенности: в качестве технологической основы процесса обучения выбирается блочно-модульная технология. Среди форм обучения доминируют интерактивные (лекции-беседы, мастер-классы, деловые игры, творческие мастерские и др.); проводятся практические занятия, консультации, осуществляется координация самостоятельной работы студента, производственной практики. Временной режим обучения выбирается с учетом календарного графика учебного плана по основной образовательной программе, формирование групп обучающихся происходит на основе анализа их уровня владения языком.

Большое внимание уделяется мониторингу качества. В системе мониторинга качества обучения на первое место выдвигаются функции диагностики и самодиагностики, планирования, управления, прогнозирования, менеджмента, самоанализа и рефлексии. Мы стараемся осуществлять следующие мероприятия:

— переход от формальных ответов обучающихся к активному конструированию ими значения и смысла; от контроля конечного результата достижений обучающихся к мониторингу динамики прогресса обучающихся; от авторитарности к равноправным партнерским отношениям преподавателя и слушателя; от контроля преподавателя к групповому взаимоконтролю и индивидуальному самоконтролю; от поиска слабых сторон к выявлению сильных моментов и их развития; от санкций за плохие результаты к оказанию дополнительной поддержки и помощи;

— переход от системного контроля к профильному: от контроля единичного, изолированного навыка или умения к контролю интегративных умений, компетенций, культурных, социальных и профессиональных качеств, норм поведения; от контроля языковых навыков к контролю уровня коммуникативной компетенции, учебно-познавательных и компенсаторных навыков;

— переход от формального контроля к мотивированному: реализация прозрачности процедуры мониторинга и контроля; применение вариативных форм и видов контроля;

— переход от субъективного оценивания к субъективно-объективному: оценивание исходит из соотнесения конкретных результатов достижения слушателя с требованиями образовательного стандарта с помощью шкалирования; возрастает роль самооценивания; вводится модульно-рейтинговое оценивание [5. С. 15].

В таблице представлено описание программы профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)».

Реализация программы профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)» подтвердила свою эффективность и жизнеспособность. Так, студенты, освоившие дополнительную специальность, показали более высокие результаты по таким параметрам, как уровень языковой, речевой компетенций, развитость кросс-культурной сферы языковой личности, а также уровни сформированности глобального отношения к культуре и культурного самоопределения.

Таблица

Описание программы профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)»

Общая характеристика программы	Программа профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)»
Цели и задачи программы	<p><i>Цели:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — образовательная цель — развитие навыка поликультурной самоорганизации языковой личности; — практическая цель — подготовка специалистов по иноязычному общению в сфере бизнеса, менеджмента и туризма. <p><i>Задачи:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> — совершенствовать общий уровень владения иностранным языком в устной и письменной формах; — выработать способности деловой межкультурной коммуникации в контексте диалога культур; — воспитать глобальное отношение личности к культуре; — сформировать культурное самоопределение обучающихся
Формирование контингента слушателей	<p><i>Категории обучающихся:</i> студенты неязыковых направлений подготовки высших учебных заведений экономического и туристического профилей.</p> <p><i>Требования к уровню подготовленности:</i> владение английским языком на уровне не ниже Pre-Intermediate. Желающие обучаться по программе проходят входное тестирование, позволяющее определить сформированность умений устной и письменной стороны речи, умения выступать участником диалога культур, проявлять глобальное отношение к культуре и уровень культурного самоопределения</p>
Планируемые результаты обучения	<p>Слушатель, освоивший программу, получает квалификацию <i>Специалиста по иноязычному общению в сфере бизнеса, менеджмента и туризма</i> и сможет профессионально функционировать в сфере межкультурного делового взаимодействия.</p> <p>Слушатель, успешно освоивший программу, будет обладать компетенциями:</p> <ul style="list-style-type: none"> — способностью быстро адаптироваться к запросам динамично развивающегося рынка труда и совершенствования рыночной экономики; — способностью к толерантности в ситуациях межэтнических, межконфессиональных, международных контекстов взаимодействия; — способностью к культурному самоопределению и выработке глобального отношения к культуре; — способностью вести деловую устную и письменную межкультурную коммуникацию в сфере бизнеса, менеджмента и туризма
Объем программы	768 часов, четыре семестра
Индивидуальный образовательный маршрут	Слушатели имеют право на индивидуальный образовательный маршрут по освоению дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки «Поликультурная самоорганизация специалиста в сфере бизнеса, менеджмента и туризма (английский язык)». Данный маршрут предполагает самостоятельное и / или ускоренное освоение дисциплин настоящей программы
Документ, выдаваемый после завершения обучения	Диплом о профессиональной переподготовке установленного образца
Модули программы	Практика речевого общения / Британоведение и американоведение / Англоязычное деловое общение: бизнес-курс / Английский язык в сфере туризма и сервиса / Основы экономики и менеджмента на английском языке / Англоязычное описание русской культуры / Самоорганизация в культуре: практики взаимодействия / Полиязыковая культура в аспекте культурного самоопределения личности

При оценке результатов были использованы методики относительно простые и диагностически валидные. Так, с помощью анкетирования, наблюдения, тестирования, ранжирования, устного опроса обучающихся подтверждена прагматическая составляющая поликультурной самоорганизации языковой личности студента — владение иностранным языком. Проявление культурно-ориентированной составляющей рассматриваемого личностного свойства, глобального отношения к культуре и культурного самоопределения оценивалось с помощью метода экспертных оценок. Члены кафедры, не задействованные в научно-методической разработке и реализации программы, работодатели, а также выпускники нашего вуза, обучавшиеся по языковым направлениям подготовки, выступили роли экспертов. С помощью методов математической и статистической обработки данных доказана продуктивность системы поликультурной самоорганизации языковой личности студента в процессе дополнительного иноязычного образования.

Итак, сегодня развитие способности языковой личности к поликультурной самоорганизации, отражающая формирование ключевых жизненных ценностей (демократический взгляд, равенство в отношениях, здоровая конкуренция и пр.), является важным качеством будущего работника практически любой сферы. Дидактически грамотно организованная система дополнительного образования представляет собой целостную динамическую структуру, располагающую широкими возможностями, в том числе возможностью развития поликультурной самоорганизации языковой личности студента.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия, 2007. 528 с.
- [2] *Буланкина Н.Е.* Программа курса повышения квалификации работников образования по специальности Иностранные языки. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-213228.html>
- [3] *Грибова Н.С.* Методика формирования социокультурной компетенции студентов направления подготовки (специальности) «Лечебное дело»: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Курск, 2012. 168 с.
- [4] Закон РФ «Об образовании». М., 2011. 80 с.
- [5] *Костромина С.Н.* Структурно-функциональная модель самоорганизации деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 4. С. 153—161.
- [6] *Махмурян К.С.* Теоретико-методические основы ускоренной подготовки учителя иностранного языка в условиях дополнительного профессионального образования: дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2009. 421 с.
- [7] *Семенова Е.В.* Современное образовательное пространство в контексте изменений взаимодействия культур // Философия образования. 2011. №3(36). С. 148—155.
- [8] *Соколова Е.И.* Политика ЕС в сфере непрерывного иноязычного образования // Непрерывное образование: XXI. 2013. Выпуск 2. URL: <http://LLL21.petrsu.ru>
- [9] *Сысоев П.В.* Информационные и коммуникационные технологии в лингвистическом образовании. М., 2013. 264 с.

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL BASES OF MULTICULTURAL SELF-ORGANIZATION OF STUDENTS IN THE ADDITIONAL FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

V.N. Kartashova, E.A. Isaev

Department of Foreign Languages and Methods of their Teaching
Bunin Yelets State University
Kommunarov str., 28, 1, Yelets city, Lipetsk region, Russia, 399770

The article deals with the organizational and methodical bases of multicultural self-organization of the linguistic personality of the student in terms of additional foreign language education. According to the authors' opinion, the methodological basis is a dialogue of cultures as a philosophy of mutual understanding, mutual relations in today's global environment. Changing the socio-cultural context of foreign language education paradigm allows you to select multicultural (teaching a foreign language on the principle of "native culture — the culture of the foreign language speaking country — the culture of the world") and active (the development and functioning of a person in the normal course of his activities, where the starting point is the introduction of man to the world of culture and his self-development) approach as a priority. The contents of additional education is oriented towards the disclosure and a possible solution of specific problems in the educational practice, and based on the principles of humanism and diversification.

The article analyzes the individual programs of additional education and professional training in the field of foreign languages, developed by universities in recent decades. The authors present the experience of the scientific and methodological development and implementation at the department of foreign languages and teaching methods of Bunin Yelets State University of the additional foreign language education system that provides the multicultural self-organization of the student's linguistic personality. The description of the program of professional retraining "The multicultural self-organization expert in the field of business, management and tourism (English)", designed for the students of non-language training areas, is presented, too. The positive dynamics of mastering foreign languages, the development of global attitude of the linguistic personality to the culture and his/her cultural self-determination is shown, too.

Key words: additional education, foreign language, multicultural self-organization, the linguistic personality of the student, the methodology

REFERENCES

- [1] Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti: kulturno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality Psychology: cultural and historical understanding of human development]. Moscow, Smyisl Publ., 2007. 528 p.
- [2] Bulankina N.E. *Programma kursa povyisheniya kvalifikatsii rabotnikov obrazovaniya po spetsialnosti Inostrannyye yazyki* [Syllabus for training of educators in the specialty Foreign Languages [electronic]. Available at: <http://lib.znate.ru/docs/index-213228.html>
- [3] Gribova N.S. *Metodika formirovaniya sotsiokulturnoy kompetentsii studentov napravleniya podgotovki (spetsialnosti) «Lechebnoe delo»: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk.* [Methodology of socio-cultural competence of students training (specialty) "Medicine": Ph.D. Thesis Abstract]. Kursk, 2012.
- [4] Zakon RF «Ob obrazovanii» [Federal Law "On Education"]. Moscow, 2011. 80 p.
- [5] Kostromina S.N. *Strukturno-funktsionalnaya model samoorganizatsii deyatelnosti* [Structural and functional model of self-organizing activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2010, no. 4, pp. 153—161.

- [6] Mahmuryan K.S. *Teoretiko-metodicheskie osnovyi uskorennoy podgotovki uchitelya inostrannogo yazyika v usloviyah dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya: diss. ... d-ra ped. nauk.* [Theoretical and methodological foundations of the accelerated training of the teacher of a foreign language in the conditions of additional vocational training: Ph.D. Thesis]. Moscow, 2009. 421 p.
- [7] Semenova E.V. *Sovremennoe obrazovatelnoe prostranstvo v kontekste izmeneniy vzaimodeystviya kultur* [Modern educational environment in the context of changes in the interaction of cultures]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. 2011, no 3(36), pp. 148—155.
- [8] Sokolova E.I. *Politika ES v sfere nepreryivnogo innoyazyichnogo obrazovaniya* [EU policy in the field of continuous foreign language education]. *Nepreryivnoe obrazovanie: XXI vek* [Continuing education: XXI]. 2013, no 2. Available at: <http://trsu.ru>
- [9] Syisoev P.V. *Informatsionnyie i kommunikatsionnyie tehnologii v lingvisticheskom obrazovanii* [Information and communication technologies in the linguistic education]. Moscow, 2013. 264 p.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

Кудинов С.И., Кудинов С.С., Михайлова О.Б., Рушина М.А.
Самореализация личности: теоретико-эмпирические исследования.
Москва: Перо, 2015. 210 с.

Актуальность заявленной в монографии коллектива авторов тематики не вызывает сомнений, так как поиск новых детерминант в теории и практики самореализации личности привлекает внимание многих исследователей. Появление интереса к новым технологиям самореализации личности связано с социальными, экономическими преобразованиями в мире и в России. Социальные процессы протекают крайне быстро и характеризуются тем, что в них самым непосредственным образом участвуют лидеры профессиональных сообществ. Особенно важно для социальной психологии, социологии, психологии личности то, что происходящие процессы в обществе требуют практически от каждого профессионала проявлять максимальную адаптивность и активную мобильность в изменении своего потенциала в ситуации современных социально-экономических вызовов.

Попытка методологического анализа истории изучения и выявления личностных детерминант самореализации, а также исследование проблем и перспектив самореализации инновационного потенциала личности представляют несомненную новизну монографии. На основании теоретического анализа особенностей и структуры самореализации личности в отечественных и зарубежных исследованиях авторы раскрывают особенности полисистемного подхода в исследовании механизмов самореализации.

В содержании монографии представлены результаты, полученные с помощью новой методики — многомерного опросника самореализации личности (МОСЛ), разработанного С.И. Кудиновым.

Обобщение широкого круга результатов, полученных в эмпирическом исследовании, проводимом в Китае, и выявление иерархической структуры переменных самореализации личности у китайских мужчин и женщин представляет интерес как для ученых-психологов, так и для широкого круга специалистов в области гуманитарных наук.

Заслуживает внимания глава монографии, посвященная проблемам и перспективам инновационного потенциала личности. Подробно рассматриваются результаты эмпирических исследований особенностей становления инноваци-

онного потенциала в высшей школе, излагаются психологические основы технологий развития самореализации инновационности студентов в вузе. На основе теоретического анализа представлена логично выстроенная система организационного сопровождения самореализации инновационных качеств в профессиональной деятельности.

Завершающая часть монографии раскрывает особенности уверенности как одного из основных свойств личности, способствующего успешной самореализации. Рассматриваются эмпирические результаты, полученные в результате исследования профессиональных спортсменов и студентов, обучающихся на разных факультетах. Анализ факторной структуры компонентов уверенности у спортсменов, позволяет вести поиск новых методик для эффективной самореализации потенциальных возможностей человека. Представленные в монографии направления развития уверенности студентов являются актуальными для сопровождения процессов самореализации начинающих специалистов.

В заключении определены перспективы дальнейших исследований самореализации личности. В целом, проделан обширный и подробный анализ теоретических и эмпирических исследований самореализации, выделены поло-ролевые и индивидуально-типологические характеристики исследуемого феномена. Предложенные авторским коллективом кафедры социальной и дифференциальной психологии РУДН критерии, методы и новая методика диагностики самореализации, как и результаты эмпирических исследований, представляют непосредственный практический интерес для современной психологии личности.

Т.А. Шилова,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры педагогической, возрастной
и социальной психологии Московского городского
педагогического университета

НАШИ АВТОРЫ

Аль Масри Исмаил — аспирант кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов

E-mail: ismaeel.almassri@mail.ru

Воробьева Александра Андреевна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной педагогики Российского университета дружбы народов

E-mail: vorobyeva_aa@pfur.ru

Гагарин Александр Валерьевич — доктор педагогических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: gagarin-av@ranepa.ru

Доцинский Роман Анатольевич — кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологического образования Московского института открытого образования

E-mail: romando2008@rambler.ru

Ершова Регина Вячеславовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Московского государственного областного социально-гуманитарного института

E-mail: erchovareg@mail.ru

Исаев Евгений Анатольевич — кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и методики их преподавания Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

E-mail: Evg77237009@yandex.ru

Карташова Валентина Николаевна — доктор педагогических наук, профессор, директор Института филологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

E-mail: kartashova_vn@mail.ru

Киямова Римма Закариевна — кандидат психологических наук, психолог раннего развития ЧДЦ «Страна маленьких гениев»

E-mail: hajam-na-schyah@mail.ru

Крупнов Александр Иванович — доктор психологических наук, профессор, действительный член МАНПО, профессор кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов

E-mail: Krupnov_ai@pfur.ru

Мансурова Светлана Ефимовна — доктор философских наук, профессор кафедры методики обучения биологии Московского института открытого образования

E-mail: mansurovase@mioo.ru

Михеева Анастасия Валерьевна — соискатель кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов

E-mail: nastyamikheeva@mail.ru

Новикова Ирина Александровна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и дифференциальной психологии Российского университета дружбы народов

E-mail: novikova_ia@pfur.ru

Пилишвили Татьяна Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов

E-mail: pilishvili_ts@pfur.ru

Полянская Екатерина Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов

E-mail: polyanskaya_en@pfur.ru

Рич Грант — PhD, профессор факультета психологии Университета Ашока (Дели, Индия)

E-mail: optimalex@aol.com

Тарноу Юджин — PhD, научный сотрудник Авалон Бизнес Систем (Нью-Джерси, США)

E-mail: etarnow@avabiz.com

Тюрин Константин Геннадьевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: koba911@me.com

Степнова Людмила Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: stepnova@gmail.com

Шилова Тамара Алексеевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогической, возрастной и социальной психологии Московского городского педагогического университета

E-mail: Tashilova46@mail.ru

**ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА»**

Средство массовой информации — научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) «30» марта 2015 года, Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61178.

Журнал входит в список периодических изданий, публикации в которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите кандидатских докторских диссертаций (№ 318 в Перечне ВАК от 27.01.2016) и индексируется в РИНЦ. В базе РИНЦ полнотекстовые версии статей представлены с 2003 года: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=25721>

Журнал предназначен для публикаций результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, в том числе преподавателей и сотрудников Университета, в виде научных статей, обзорных научных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам научных исследований, исторических справок, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. В Журнале могут публиковаться результаты научных исследований аспирантов по представлению их научных руководителей и научно-образовательных организаций, в которых они обучаются, а также результаты научных исследований студентов Университета по представлению научных руководителей студенческих научных обществ факультетов и учебных институтов Университета. Научная ценность публикуемых материалов, целесообразность и пригодность для публикации в Журнале оценивается Редакционной коллегией.

Журнал издается на русском, английском, французском, немецком, испанском языках. Ежегодно публикуется 4 номера журнала (ежеквартально).

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика» публикует научные статьи по научным специальностям:

19.00.00 — психологические науки;

13.00.00 — педагогические науки.

Основные тематические рубрики журнала: «Теоретические, методологические и дискуссионные проблемы современной психологии и педагогики», «Актуальные проблемы психологии личности и индивидуальности», «Современные социально-психологические и этнопсихологические исследования», «Психодиагностика и тестология», «Актуальные направления психологии здоровья и психофизиологии», «Психолого-педагогические проблемы образования», «Психолого-педагогические исследования высшего и среднего образования», «Международные конференции по психологии и педагогике» и др. Рубрики журнала постоянно обновляются и отражают наиболее актуальные направления развития современной психологии и педагогики.

Прием и подготовка рукописей к печати происходит следующим образом.

1. Автор представляет в редколлегию серии электронный вариант статьи и сведения об авторе, оформленные согласно приведенным ниже требованиям, по электронному адресу psyjournalrudn@pfur.ru.

2. После поступления статьи в редколлегию Главный редактор или ответственный секретарь серии оценивают соответствие содержания статьи научному уровню и профилю журнала, а также проверяют на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Если статья не соответствует научному уровню и профилю журнала и/или процент оригинальности при автоматической проверке составляет менее 80%, то статья возвращается автору.

3. Статьи, успешно прошедшие предварительную проверку (см. п.2) направляются на рецензирование специалистам, докторам или кандидатам наук, имеющим публикации по проблематике, близкой к теме статьи (не менее 2—3 публикаций за последние 3 года). Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются в зависимости от занятости рецензента, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи.

В рецензии освещаются следующие вопросы: 1) соответствие статьи профилю журнала; 2) соответствие содержания статьи названию; 3) актуальность, новизна, теоретическая и/или практическая значимость проблемы; 4) полнота и научная грамотность описания основных положений теоретического и/или эмпирического исследования; 5) структура, стиль, язык статьи; наглядность иллюстративного материала (при наличии); 5) недостатки статьи с указанием рекомендаций по их исправлению; дополнениям или сокращениям, которые должны быть внесены автором (при наличии); 6) заключение рецензента (статья рекомендуется к публикации; рекомендуется с учетом исправления указанных недостатков; не рекомендуется к публикации в данном журнале).

4. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет их автору с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументировано (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

5. После принятия редколлегией серии решения о публикации статьи ответственный секретарь серии информирует автора о том, в содержание какого номера включена статья и указывает планируемые сроки публикации.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Компьютерный набор: формат MS Word-1998-2003 с расширением *.doc; шрифт Times New Roman; кегль 12; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 3,5 см; абзацный отступ 1 см.

Структура статьи:

- название (полностью набрано заглавными буквами);
- инициалы и фамилия автора (авторов);
- место работы автора (для каждого автора: кафедра, лаборатория и т.п.; вуз, организация и др.);
- рабочий адрес автора (последовательность: название улицы, номер дома, название населенного пункта, страна, почтовый индекс);
- аннотация содержания статьи (150—200 слов);
- список ключевых слов (5—10);
- текст статьи (рекомендуемый объем 12000—17000 знаков с пробелами);

— при необходимости примечания или комментарии к тексту относятся в конец рукописи в раздел «**Примечания**». При этом в самом тексте номер примечания указывается цифрой в круглых скобках, например (1), (2) и т.д.;

— раздел «**Литература**», в котором **по алфавиту** указываются выходные данные источников, на которые есть ссылки в тексте статьи (сначала на русском, затем — на иностранных языках). В самом тексте в квадратных скобках указываются номер источника в прилагаемом списке литературы, а при необходимости страницы, например: «Как отмечает И.В. Тихомирова [1]...»; «Шел по деревне, заглядывал в окна...» [2. С. 85];

— после списка литературы помещается выполненный автором перевод на английский язык названия; транслитерация фамилии, имени, отчества автора (авторов); перевод наименования организации, транслитерация адреса организации; перевод аннотации и ключевых слов;

— раздел «**References**», в котором содержится список литературы в романском алфавите (транслитерация + перевод). Этот список приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

Образец оформления в разделе «**Литература**»:

[1] *Крупнов А.И.* Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. — 1984. — № 3. — С. 25—33.

Образец оформления в разделе «**References**»

[1] *Krupnov A.I.* Psikhologicheskie problemy issledovaniya aktivnosti cheloveka [Psychological problems of studying the human activity]. *Voprosy Psikhologii [Psychological Issues]*, 1984, no. 3, pp. 25—32;

— в случае публикации статьи на английском языке после списка литературы («**References**») помещается название; фамилия, имя, отчество автора (авторов); наименование и адрес организации; краткая аннотация и ключевые слова на русском языке. Если в списке есть источники на русском языке, то в разделе «**References**» они помещаются в романском алфавите (транслитерация + перевод), см. пример выше

Сведения об авторе (присылаются в отдельном файле):

— фамилия, имя, отчество (полностью);

— ученая степень, ученое звание, должность (организация, факультет, кафедра — без сокращений);

— контактный телефон;

— e-mail (публикуется в разделе НАШИ АВТОРЫ).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей принимаются по адресу psyjournalrudn@pfur.ru.

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

2016, № 2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-61178 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»
(ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Психология и педагогика»:
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 778-38-07, доб. 12-67
E-mail: psyjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 16.06.2016. Выход в свет 30.06.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 9,68. Тираж 500 экз. Заказ № 445

Цена свободная

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419, тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

2016, № 2

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Psychology and pedagogics»:
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 778-38-07, доб. 12-67
E-mail: psyjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952 0441

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36432

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Психология
и педагогика»

Количество
комплектов:

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36432

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Психология и педагогика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

--

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)